

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2022

СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гипшиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун, М.В. Лескинен,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
Н.Н. Старикова, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова, Е.И. Якушкина.**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

*Отделы: И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринов, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).*

Заведующая редакцией Г.А. Михеева

Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:
<https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Хаванова О. В.</i> (Москва). Рождение эрцгерцога Иосифа и символическая дипломатия венского двора в 1741 г.	5
<i>Каштанова О. С.</i> (Москва). Т. Костюшко как символ идеи независимости Польши и эволюция взглядов великого князя Константина Павловича на польский вопрос	18
<i>Филатова Н. М.</i> (Москва). Образ Тадеуша Костюшко в польской периодической печати 1815–1830 годов в контексте официальной культуры конституционного Царства Польского...	36
<i>Кирчанов М. В.</i> (Воронеж). «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе	51
<i>Силкин А. А.</i> (Москва). Никола Пашич и Степан Радич. «Реставрационные идеи» в современной сербской и хорватской историографии.....	65
<i>Пивоваренко А. А.</i> (Москва). Политизация исторической памяти в Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс)	88
<i>Мошечков П. В.</i> (Москва). Военная акция Чешско-Словацкого национального совета во Франции в годы Первой мировой войны	103
<i>Куркина Л. В.</i> (Москва). Из истории научных связей Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова и Института славяноведения	118
<i>Саенко М. Н.</i> (Москва). История семантики континуантов праслав. *rǫьь 132	132

РЕЦЕНЗИИ

<i>Каширин В. Б.</i> Гусев Н. С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.	145
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кикило Н. И.</i> Международный круглый стол «Актуальные проблемы македонистики и словенистики»	150
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

SEPTEMBER •

OCTOBER •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

**I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), E.N. Kovtun, M.V. Leskinen,
G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
N.N. Starikova, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova, E.I. Yakushkina**

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).*

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Khavanova O.V.</i> (Moscow). The Birth of Archduke Joseph and the Symbolic Diplomacy of the Vienna Court in 1741.....	5
<i>Kashtanova O.S.</i> (Moscow). T. Kościuszko as a Symbol of the Idea of Independence of Poland and the Evolution of Views of Grand Duke Constantine Pavlovich on the Polish Question	18
<i>Filatova N.M.</i> (Moscow). The Image of Tadeusz Kościuszko in the Polish Periodicals of 1815–1830 in the Context of Official Culture of the Congress Kingdom of Poland.....	36
<i>Kyrchanoff M.V.</i> (Voronezh). «Institutions of Memory» as a Form of Historical Politics in Central and South-Eastern Europe	51
<i>Silkin A.A.</i> (Moscow). Nikola Pašić and Stjepan Radić. “Restoration Ideas” in Contemporary Serbian and Croatian Historiography.....	65
<i>Pivovarenko A.A.</i> (Moscow). Politization of Italian Historical Memory Regarding the Istrian Question (Foreign Policy Discourse)	88
<i>Moshechkov P.V.</i> (Moscow). The Military Action of the Czechoslovak National Council in France During World War I.....	103
<i>Kurkina L.V.</i> (Moscow). From the History of Academic Relations Between the Department of Etymology and Onomastics of the V.V. Vinogradov Institute of Russian language and the Institute of Slavic Studies	118
<i>Saenko M.N.</i> (Moscow). Semantic History of Continuants of Proto-Slavic *Рѣть.....	132

REVIEWS

<i>Kashirin V.B.</i> Gusev N.S. Bulgaria, Serbia and the Russian Society During the Balkan Wars of 1912–1913.....	145
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Kikilo N.I.</i> International Roundtable Conference «Actual Problems of Macedonian and Slovenian Studies».....	150
---	-----

Рождение эрцгерцога Иосифа и символическая дипломатия венского двора в 1741 г.

© 2022 г. О.В. Хаванова

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

khavanova@inslav.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте»
№ 22-48-04402)

Аннотация: Важным элементом дипломатии раннего Нового времени была символическая коммуникация между союзными дворами, выражавшаяся в обмене грамотами, информировавшими о важных событиях в жизни правящей династии, в отправке церемониальных посольств, призванных засвидетельствовать родственные, дружественные, союзнические отношения и пр. В истории российско-австрийских отношений 1741 год занимает особое место в силу важных событий, повлиявших на дальнейшую судьбу двух держав: у Австрийского дома появился наследник эрцгерцог Иосиф, а в России Брауншвейгская династия, правившая от имени младенца Иоанна III (VI), в конце года была свергнута в ходе государственного переворота. Более искусный в символике дипломатических жестов Австрийский дом направил после рождения эрцгерцога четыре посольства к союзным дворам, в том числе в Санкт-Петербург, где правил троюродный брат новорожденного. Факт кратковременного посольства в Россию графа Иоганна Бальтасара Вильчека вскоре был предан забвению, однако практика обмена посольствами сохранилась и пережила расцвет при Елизавете Петровне.

Ключевые слова: Вена, Санкт-Петербург, Брауншвейгская династия, чрезвычайное посольство, Франц Лотарингский, Людвиг Ланчинский, Иоганн Бальтасар Вильчек

Ссылка для цитирования: *Хаванова О. В.* Рождение эрцгерцога Иосифа и символическая дипломатия венского двора в 1741 г. // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9.

The Birth of Archduke Joseph and the Symbolic Diplomacy of the Vienna Court in 1741

© 2022. Olga V. Khavanova

National Research University «Higher School of Economics»
(Moscow, Russian Federation)

khavanova@inslav.ru

The research was supported by Russian Science Foundation (theme Languages of Eighteenth-Century Russian Diplomacy in European Context No. 22-48-04402)

Abstract. An important element of early modern diplomacy was symbolic communication between the allied courts through the exchange of letters informing about important events in the life of the ruling dynasty, the sending of ceremonial embassies to celebrate kinship, friendship, and alliance relations. The year 1741 takes a special place in the history of Russian-Austrian relations due to the important events that influenced the fate of the two powers: the House of Austria got the heir Archduke Joseph, while in Russia the Brunswick dynasty, which ruled on behalf of infant Ivan III (VI), failed to retain power and was overthrown in a coup at the end of the year. More sophisticated in the symbolism of diplomatic gestures, the House of Austria in April 1741 sent four embassies to allied courts after the birth of the Archduke, including St. Petersburg, where the third cousin of the new-born ruled. The fact of a short embassy to Russia by Count Johann Balthasar Wilczek was soon consigned to oblivion, but the practice of exchanging embassies survived and later flourished under Elizabeth Petrovna.

Keywords: *Vienna*, St Petersburg, Brunswick dynasty, extraordinary embassy, Francis of Lorraine, Ludwig Lanczyński, Johann Balthasar Wilczek.

Reference for citation: *Khavanova Olga V.* The Birth of Archduke Joseph and the Symbolic Diplomacy of the Vienna Court in 1741 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. 5. P. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9.

В истории Австрийской монархии и Российской империи 1741 год занимает особое место. Габсбурги оказались вовлечены в войну за Силезию и безуспешную борьбу за сохранение императорского титула. Россия была втянута в войну с Швецией (1741–1743)¹. На российском престоле «восседал» потомок герцогов Брауншвейгских младенец Иоанн III (VI, 1740–1741), узам кровного родства связанный с воюющими Австрией и Пруссией, а в марте на свет появился его троюродный брат: «венгеро-богемская», как ее называли в документах той эпохи, королева Мария Терезия (1740–1780) родила сына эрцгерцога Иосифа, будущего императора Священной Римской империи (1765–1790). Наряду с методами классической дипломатии, заключавшейся в подготовке военно-стратегических альянсов или подписании союзных договоров, венский двор активно прибегал к средствам символической коммуникации — чрезвычайным посольствам, обмену грамотами и подарками, иным жестах, призванным подчеркнуть особое расположение и уважение к иноземному двору. Если Вена располагала в этой области детально проработанным церемониалом и большим опытом, то в Санкт-Петербурге еще только учились понимать невербальные послания и делать выводы из такого рода многозначительных поступков. В статье рассматривается, как венский двор средствами символической коммуникации работал над созданием антипрусской коалиции на начальном этапе Войны за австрийское наследство (1740–1748) и какую роль в развитии российско-австрийских отношений сыграло рождение эрцгерцога Иосифа.

Казус «австрийского наследства». Австрийские Габсбурги, или, как их именовали в раннее Новое время, Австрийский правящий дом, не одно столетие мирными и военными способами создавали конгломерат владений,

¹ См., например, на русском языке: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и Война за австрийское наследство. М., 2000; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; *Собко Е.М.* Россия и Война за австрийское наследство. Неизвестная война. [М.]: б.и., 2021.

включавших помимо исторического ядра – Нижней и Верхней Австрии (в XVIII в. все чаще именуемых Австрийская монархия²), Штирии, Каринтии, Крайны и Тироля – также королевства Чешское и Венгерское, владения в Нидерландах и Северной Италии. Наряду с этим в середине XV в. им удалось заполучить и удержать корону Священной Римской империи. Несмотря на то что новый император всякий раз избирался коллегией курфюрстов с последующим утверждением на заседании рейхстага (имперского собрания) и еще при жизни действующего императора короновался так называемым римским королем, авторитет Австрийского дома был столь велик, что корона фактически наследовалась в пределах одной династии.

Единственным, казалось, препятствием к сохранению императорского титула могло стать отсутствие наследника по мужской линии, поскольку в соответствии с феодальным салическим правом женщины исключались из порядка наследования. В начале XVIII в., предвидя возможное отсутствие мужского потомства у сыновей – будущих императоров Иосифа I (1705–1711) и Карла VI (1711–1740), их отец Леопольд I (1658–1705) распорядился обеспечить наследование владений Австрийского дома (но не титула императора!) по женской линии через дочерей старшего сына – Марию Амалию (1699–1757) и Марию Йозефу (1701–1756). Однако став в 1711 г. императором после скоропостижной кончины брата, Карл нарушил волю отца и заблаговременно, еще до рождения собственных детей, исключил племянниц из порядка наследования, передав это право – в случае отсутствия сыновей – собственной будущей перворожденной дочери. Новый порядок был зафиксирован в документе, известном как Прагматическая санкция (1713).

Карл VI постепенно добился ратификации закона сословно-представительными органами во всех наследственных владениях и сословиями Священной Римской империи. К моменту официальной публикации Прагматической санкции в 1724 г. было ясно, что она гарантирует право наследования для единственной дочери Карла VI – семилетней Марии Терезии. Ее двоюродные сестры Мария Йозефа и Мария Амалия ценой отказа от наследственных прав вышли замуж за, соответственно, будущего саксонского курфюрста Фридриха Августа II (1733–1763, как король Польши Август III, 1734–1763) и будущего баварского курфюрста Карла Альбрехта (1726–1745, как император Священной Римской империи Карл VII, 1742–1745). В 1720–1730-е годы документ признали Испания, Россия, Англия, Франция и др.

20 октября 1740 г. скончался Карл VI. Мария Терезия в одночасье из дочери всесильного императора превратилась в «скромную» королеву венгеро-богемскую³. По букве закона ее власть в Чехии и Венгрии была наследственной: чешские сословия лишились права избрания монарха после битвы при Белой горе (1620), венгерские сословия – после освобождения значительной части королевства от османского владычества (1686). Однако в обоих наследственных королевствах Марии Терезии предстояло пройти процедуру коронации, которая в условиях войны больше не представлялась формальностью. Если в Венгрии торжественная церемония прошла 25 июня 1741 г. в Пресбурге (ныне Братислава в Словакии), то коронация в Пражском граде стала

² *Klingenstein G.* The Meanings of «Austria» and «Austrian» in the Eighteenth Century // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / ed. by R. Oresko, G.C. Gibbs, H.M. Scott. Cambridge, 2006. P. 423–478.

³ *Weiß J.B.* Geschichte der Kaiserin-Königin Maria Theresia: Der österreichische Erbfolgekrieg. Wien, 1872. S. 29–46.

возможной лишь 12 мая 1743 г., после того как баварский курфюрст прежде занял Прагу, возложил на себя корону св. Вацлава, а затем был изгнан из города в 1743 г. в ходе Первой силезской войны⁴.

Ни некоронованной Марии Терезии, ни тем более ее супругу герцогу Францу Лотарингскому европейские монархи не были готовы оказывать императорские почести⁵. 16 декабря 1740 г. прусская армия вошла в герцогство Силезию – наследственное владение Австрийского дома в составе земель Чешской короны, густонаселенное, с развитой экономикой, расположенное на перекрестке торговых путей. Воспользовавшись обстоятельством, что по нормам феодального права Пруссия могла претендовать на часть территории, Фридрих II (1740–1786) предложил Марии Терезии сделку: она должна была уступить спорные территории в обмен на денежную компенсацию и поддержку избрания ее супруга на императорский престол. Однако австрийская эрцгерцогиня и венгеро-богемская королева (у дочери покойного императора Священной Римской империи в распоряжении оставались только эти наследственные титулы) не допускала даже гипотетической возможности отказа от части патримонии. Несмотря на плачевное состояние финансов и армии, молодая государыня была полна решимости мобилизовать европейские дворы на борьбу с агрессором⁶.

Война за австрийское наследство застала Марию Терезию беременной. С 1737 г. у них с Францем родились три девочки, две из которых – Мария Елизавета и Мария Каролина – умерли в младенчестве, поэтому в начале марта 1741 г. большие надежды возлагались на рождение здорового мальчика. Королева разрешилась от бремени 13 марта, и тогда же от имени счастливого отца регентше при малолетнем царе великой княгине Анне Леопольдовне (современники называли ее Анной Карловной, 1718–1746) были написаны следующие строки: «Ее величество венгерско-богемская королева и моя любезнейшая государыня-супруга сего числа во втором часу поутру благополучно от бремени разрешилась, и благословил ее Бог здоровым и благообразным эрцгерцогом»⁷.

Чрезвычайные послы к союзным дворам. В тот же день в Вене приступили к реализации заранее спланированной акции – отправке к союзным дворам глашатаев доброй вести. Венский двор и ранее через курьеров и гонцов извещал владения Австрийского дома и иностранные дворы о появлении на свет здорового младенца. При рождении эрцгерцогов к союзным дворам обычно направлялись посланцы в должности камердинера⁸. Однако на этот раз речь шла о долгожданном наследнике, с которым связывали большие надежды,

⁴ См.: *Xende Ф.* Политическая коммуникация венгерского короля и сословий в парламентских церемониях, 1687–1765 гг. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) С. 331–358; *Kövényesi Zs.* Die ungarischen Stände als Teilnehmer der böhmischen Krönung 1743 Eine Fallstudie zur Regierungsstrategie von Maria Theresia // *Opera Historica*. 2020. R. 21. Č. 1. S. 27–53.

⁵ *Schnettger M.* «Codesta nuova courte». Außensichten auf den Wiener Hof im Spätjahr 1740 // *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große* / hrsg. von B. Braun, J. Kusber, M. Schnettger. Bielefeld, 2020. S. 105.

⁶ См.: *Arneht A., Ritter von.* Maria Theresia's erste Regierungsjahre. Wien: Wilhelm Sraumüller k.k. Hofbuchhandler, 1863. Bd. 1. 1740–1741; *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797. London; New York [et al.], 2003. P. 246–250.

⁷ АВП ИР. Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 2. 1741. Д. 121. Л. 3. Герцог Лотарингский Франц – Анне Карловне (Леопольдовне), Вена, 13 марта 1741 г.

⁸ Камердинер – дворнягиня в придворном штате, приставленный к императору или одному из членов правящего дома. В обязанности входило выполнение отдельных поручений, в том числе и курьерских функций.

и статус эмиссаров был повышен до камергера⁹. Нет сомнений, что эта идея родилась и концептуально оформилась заблаговременно. Иначе как могло произойти, что в самый день рождения эрцгерцога в церемониальном протоколе венского двора появилась детальная запись о том, что четверем молодым камергерам из ближнего круга Франца Лотарингского вверена почетная и ответственная миссия?¹⁰ Российский резидент при венском дворе Людвиг Ланчинский (1680–1752) двумя днями ранее, 11 марта (28 февраля) 1741 г., писал в Петербург: «Третьего дня дошло до меня, что после родин королевиних герцог ее супруг отправит нотификательные грамоты к вашему императорскому величеству и к ее императорскому высочеству государыне матери вашей с надлежащим императорским титулом и кортезию¹¹ императорского высочества, и к той посылке он герцог уже назначил камергера и подполковника графа Вилчека»¹².

К Святому престолу, в Сардинское королевство, великое герцогство Тосканское и республику Венеция направлялся граф Венцель Антон Кауниц (1711–1793). Прочие итальянские государства предполагалось известить путем отправки нарочных курьеров. Маршрут назван в церемониальном протоколе первым не случайно: Святой престол претендовал на главенство в конstellляции союзников Австрийского дома. Папский нунций как дипломатический представитель преемника св. Петра требовал для себя исключительного статуса и церемониальных преференций при венском дворе. Для будущего государственного канцлера Кауница было бы трудно подобрать более подходящее начало блестящей карьеры. На всем пути его следования итальянские города пышно и шумно праздновали рождение наследника: служились торжественные мессы, беднякам раздавали милостыню, играла музыка, в небо взлетали огни фейерверков¹³.

В Париж и Комерси, где проживала бабушка младенца – мать Франца Лотарингского герцогиня Елизавета Шарлотта Орлеанская (1676–1744) – поехал граф Рудольф Хотек (1707–1771) – представитель чешского дворянского рода, введенный в ряды аристократии Карлом VI. Многовековые соперники Вена и Версаль заключили мир по итогам Войны за польское наследство совсем недавно, в 1735 г., и весной 1741 г. во Франции еще правила «партия мира». Российский посланник Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) писал из Парижа: «Барон [Игнатий] Васнер в прошлой четверг в вечеру получил через нарочно сюды присланного графа Готека приятную ведомость о благополучном рождении Архидука Аустрийского и на другой день того графа кардиналу и статскому секретарю представил. *Не трудно угадать, что хотя ту ведомость французские министры приняли веселым лицом, внутренно не гораздо оной были рады, понеже предвидят, что новорожденный архидук состояние дел в пользу*

⁹ *Stöckelle A. Taufzeremoniell und politische Patenschaften am Kaiserhof // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1982. Bd. 90. S. 274.*

¹⁰ А. Арнет, автор 10-томной истории правления Марии Терезии, был, несомненно, знаком с церемониальными протоколами, но упомянул об отправке чрезвычайных послов лишь вскользь, см.: *Arneth A., Ritter von. Maria Theresia's erste Regierungsjahre. Wien, 1863. Bd. 1. 1740–1741. S. 255–256.* Автор новейшей биографии Марии Терезии Б. Штольберг-Рилингер вообще обошла этот эпизод стороной, см.: *Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. München: C.H. Beck Verlag, 2017.*

¹¹ От итальянского *cortesia* – вежливость, учтивость.

¹² АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1741. Д. 5. Л. 85. Л. Ланчинский – Иоанну III (VI), Вена, 11 марта (28 февраля) 1741 г.

¹³ *Wienerisches Diarium. 1741. 17 VI. № 48. S. 511.*

королевы матери своей отменит, наипаче же в избрании императорском» (курсивом выделен расшифрованный текст, вписанный над шифрованным. — О.Х.)¹⁴.

К курфюрстам кёльнскому, баварскому и пфальцскому отправили придворного виночерпия Иоганна Даниэля фон Мозера; к архиепископам Майнца и Трира и епископам бамбергскому и вюрцбургскому — секретаря правительства Нижней Австрии Поссарта¹⁵. Все эти духовные и светские князья в скором времени должны были определиться с кандидатурой на выборах нового императора.

Венгерский граф Николаус Эстерхази (1711–1763) был послан в Брюссель и далее морем в Гаагу, Лондон и Лиссабон. Братья Николаус и Франц (1715–1785, будущий венгерский канцлер) Эстерхази считались любимцами герцога, сопровождали его как при дворе, так и во время бесшабашных пирушек и ночных походов. В то же время включение венгерского аристократа в число посланников было символично, поскольку Мария Терезия носила титул «королевы венгеро-богемской». Официальные и неофициальные сведения об этом маршруте можно собрать из газетных публикаций и дипломатической переписки.

Как только в Брюсселе узнали, что у Австрийского дома есть наследник и по этому поводу столицу Австрийских Нидерландов вскоре посетит граф Эстерхази проездом в Гаагу и Лондон, в городе начались торжества: новорожденный принц, помимо прочего, доводился двоюродным племянником наместнице — эрцгерцогине Марии Елизавете (1680–1741). Вечером 23 марта пушки на городских стенах дали три залпа, все дома в городе были освещены, и по распоряжению магистрата вино лилось рекой. 24 марта кавалеры и дамы спешили на прием во дворец наместницы, 25 марта был исполнен «Te Deum» и отслужена торжественная месса, на которой музицировала сама эрцгерцогиня Мария Елизавета. Полномочный министр Фридрих Август Харрах (1696–1749) дал прием на 84 персоны из высшего придворного общества¹⁶. Не сообщалось, когда точно в Брюссель прибыл Эстерхази, однако из заметки, датированной 11 апреля, известно, что на отпускной аудиенции наместница в знак удовлетворения успешно выполненной миссией подарила молодому дипломату, направлявшемуся в Гаагу, перстень, усыпанный бриллиантами¹⁷.

Сообщений о пребывании Эстерхази в Гааге обнаружить не удалось. Его визит, возможно, прошел без публичности и не привлек внимания иностранных дипломатов. Русский посланник в Нидерландах Александр Гаврилович Головкин (1689–1760) регулярно извещал Кабинет министров в Петербурге о важных событиях, в том числе встречах и беседах с «министром королевы венгерской» бароном Иегудой Тадеусом Рейшахом (1698–1782). Но в донесениях нет упоминаний о приезде в Гаагу эмиссара с известием о рождении австрийского эрцгерцога¹⁸.

Дипломатический представитель венского двора в Лондоне барон Иоганн Франц Генрих Оштайн (Остейн, 1693–1742) в постскриптуме к реляции от 14 апреля 1741 г. написал в Вену: «Господин граф Эстерхази уже здесь и только что вышел из кареты»¹⁹. Десять дней спустя, 24 апреля 1741 г., Оштайн сообщил: «Полагаюсь на доклад, который он сам сделает ее королевскому

¹⁴ АВП РИ. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 1. 1741. Д. 5. Л. 40–40об. А.Д. Кантемир — Иоанну III, Вена, 26 (15) марта 1741 г.

¹⁵ AT-OeStA/HHStA OMeA ZA-Prot. Zeremonialprotokoll (Protocollum Aulicum in Ceremonialibus). Bd. 18. Fol. 45r-46r.

¹⁶ Wienerisches Diarium. 1741. 15 IV. № 30. S. 317; 17 IV. № 31. S. 326.

¹⁷ Wienerisches Diarium. 1741. 26 IV. № 33. S. 349.

¹⁸ См.: АВП РИ. Ф. 50. Сношения России с Нидерландами. Оп. 1. 1741. Д. 4.

¹⁹ AT-OeStA/HHStA StAbt England. Berichte. Kt. 78. 1741 (I–V) (Ostein). Fol. 10v.

величеству о том, как его здесь приняли. Он завершает свое путешествие, [отправляясь] в Португалию 1 мая»²⁰. У Эстерхази были основания остаться довольным собой: король Георг II (1727–1760) распорядился выдать ему в подарок 545 фунтов стерлингов²¹.

О прибытии Эстерхази в Лиссабон говорилось в заметке «Wienerisches Diarium» («Венский дневник»): «В среду [24.05] к нашему двору из Вены прибыл господин граф Эстерхази, камергер ее величества королевы венгеро-богемской, чтобы от имени этой королевы сообщить о счастливом разрешении от бремени младенцем-принцем»²². Из письма поверенного в делах сенатора Томазо Гаэтано Медичи (?–1749) неизвестному адресату (письмо сохранилось в бумагах австрийской государственной канцелярии) следовало, что в дни пребывания в Лиссабоне Эстерхази поселился во дворце его брата Паоло, «со всем великолепием, которого заслуживали его личность и ранг, не понеся никаких расходов, о чем известно всему португальскому двору»²³. Вскрылись и неприглядные обстоятельства: венгерский граф смело занимал деньги, раздавал долговые расписки, которые не спешил покрывать, вернувшись в Вену. Судя по тому, что вопросом о долгах Эстерхази приходилось в 1747 г. заниматься посланнику графу Филиппу Розенбергу-Орсини (1691–1765), Николаус не рассчитался с кредиторами. Вероятно, из этого и подобных скандальных инцидентов складывалась его репутация, о которой прусский министр Генрих Подевилльс (1696–1760) писал Фридриху II в 1747 г.: «Он совсем не шепетил в средствах, которые использует для достижения целей. Он ни в коем случае не является рабом данного им слова; дать слово стоит ему так же мало, как и нарушить его»²⁴. Молодой дипломат провел в португальской столице месяц и 25 июня, получив отпускную аудиенцию, отправился в обратный путь²⁵. Из реляции Розенберга государственному канцлеру Антону Корфицу Ульфельду (1699–1769) также со ссылкой на поверенного в делах братьев Медичи следовало, что полученный начинающим дипломатом от королевы перстень показался ему слишком скромным подарком. Настолько, что он публично пообещал отдать его наутро первой же девице, с которой проведет ночь²⁶. В государственной канцелярии к выходкам Эстерхази отнеслись спокойно, рассудив, что молодым аристократам свойственны эпатаж и бравада.

Миссия графа Вильчека. К дрезденскому и вольфенбюттельскому дворам и далее в Санкт-Петербург отправился кадровый офицер, камергер граф Иоганн Бальтасар Вильчек (1710–1787). Об этой поездке известно крайне мало, но сам факт включения Санкт-Петербурга в число пунктов назначения говорил о желании сближения и, возможно, согласованных действий с русским двором. Для сравнения: в правление Карла VI по случаю бракосочетания принца

²⁰ AT-OeStA/HHStA StAbt England. Berichte. Kt. 78. 1741 (I–V) (Ostein). Fol. 53r.

²¹ The National Archives, London. Treasury Board Letters and Papers 1557–1920. Minutes Books. T 29/28. P. 305. См. также: *Kurucz Gy.* Guide to documents and manuscripts in Great Britain relating to the Kingdom of Hungary from the earliest times to 1800. London, 1992.

²² Wienerisches Diarium. № 55. 1741 12 VII. S. 619.

²³ AT-OeStA/HHStA StAbt. Portugal. Lusitania. Kt. 7. Fol. 2r.

²⁴ Г. Подевилльс – Фридриху II, б.м., 27 декабря 1747 г., цит. по: *Wolf A.* Der Wiener Hof in den Jahren 1746, 1747 u. 1748. Diplomatische Relationen des Grafen von Podewils, bevollmächtigten Minister in Wien an Friedrich II., König von Preussen, Cabinetsschreiben des Königs // Sitzungsberichte Philosophisch-Historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1850. B. 2. H. 3. S. 527.

²⁵ Wienerisches Diarium. № 60. 1741 29 VII. S. 673.

²⁶ Ф. Розенберг – К. Ульфельду, Лиссабон, 8 августа 1747 г., см.: AT-OeStA/HHStA StAbt. Portugal. Lusitania. Kt. 7. Fol. 4r–v.

Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1714–1774) с принцессой Анной (племянницей императрицы Анны Иоанновны) в Санкт-Петербург не было направлено никакого посольства, и в Вене ограничились широко распространенным в таких случаях символическим жестом – повышением ранга посланника на дни свадебных торжеств до польского.

Три столь разных двора объединяли кровнородственные династические связи: саксонская курфюрстина была не кто иная, как двоюродная сестра Марии Терезии по отцу, упомянутая выше Мария Йозефа; герцог Карл Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1713–1780) доводился Марии Терезии двоюродным братом по матери; а в Санкт-Петербурге «царствовал» ее двоюродный племянник Иоанн, сын Антона Ульриха. Россию и Австрию объединял союзный трактат 1726 г.,²⁷ но после того как в декабре 1740 г. Россия вследствие умелых действий прусской дипломатии также пошла на подписание договора с Пруссией, в начале Войны за австрийское наследство Санкт-Петербург оказался союзником обеих воюющих держав, каждая из которых имела право на его поддержку²⁸. В условиях, когда никто из союзников Австрии еще не высказался однозначно о предоставлении субсидий или войск, отправка эмиссара в Санкт-Петербург должна была напомнить о «дружебных обязательствах». Из донесений Л. Ланчинского известно, что граф Вильчек из Любека морем плыл в Санкт-Петербург²⁹.

Там эта новость, сообщенная Ланчинским, была получена в 20-х числах марта по старому стилю. В рескрипте посланнику говорилось: «Ведомость о счастливом рождении принца несказанно нас обрадовала, и уповаем, что она и в нынешних делах и конъюнктурах великую и полезную инфлуенцию иметь будет»³⁰. Французский посланник Жан-Йоахим Тротти маркиз де ла Шедарди (1705–1759) доносил в Версаль со слов царевны Елизаветы Петровны: «Принц Брауншвейгский прыгал как ребенок, когда было получено известие о рождении принца у королевы венгерской и, предавшись радости, сказал, что событие это должно интересовать Россию тем сильнее, что оно обеспечивает снова за Австрийским домом преимущество сохранения императорской короны»³¹.

Выбор кандидатуры посла в Санкт-Петербург не представляется случайным: отец Иоганна Бальтасара – Генрих Вильгельм (1695–1739) – в 1709–1711 гг. пребывал в статусе чрезвычайного посланника при российском дворе с поручением нейтрализовать усилия дипломатии мятежного князя Ференца II Ракоци (1676–1735) по привлечению Петра I на сторону повстанцев³². Из письма старшего сына, Йозефа Марии Вильчека, известно, что в 1712 г. русский царь встречался с его отцом в Карлсбаде (ныне Карловы Вары в Чехии)³³.

²⁷ Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt. des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen: Lit Verlag, 2016.

²⁸ Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М., 2012. С. 161.

²⁹ АВП РИ. Ф. 32. 1741. Д. 5. Л. 154. Л. Ланчинский – Иоанну III, Вена, 8 (19) апреля 1741 г.

³⁰ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1741. Д. 4. Л. 49. Рескрипт № 12 Л. Ланчинскому, Санкт-Петербург, 24 марта 1741 г.

³¹ От маркиза Шедарди г. Амело, № 84, 11 апреля (31 марта) 1741 г. // Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе, часть 10-я (годы с 1740 по 1741). Донесения маркиза де ла Шетарди французскому правительству и ответы министерства. Сообщены из архива Министерства Иностранных Дел в Париже / изданы под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб., 1984. С. 483 (Сб. РИО. Т. 91).

³² Брнёвjak Й. Силезский аристократ граф Генрих Вильгельм Вильчек и его место в центрально-европейской политике первой половины XVIII в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. С. 21–33.

³³ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1749. Д. 10. Л. 1–1об. Й. М. Вильчек – Елизавете I, Вена, 13 марта 1749 г.

Прежде чем граф Вильчек отправился в путь, посланнику Ланчинскому предстояло согласовать с государственным канцлером Ульфелем титулатуру нотификационных грамот. Дипломатические отношения между Санкт-Петербургом и Веной в 1741 г. едва насчитывали 15 лет. Принятие Петром Великим императорского титула в 1721 г. стало препятствием для подписания находившегося на стадии согласования союзного трактата³⁴, и после 1726 г. императоры Священной Римской империи продолжали именовать российских государей царями. Обмен грамотами с Иоанном III стал второй попыткой Австрийского дома выстроить отношения с санкт-петербургским двором в категориях кровного родства. Когда на российском престоле воцарился Петр II (1727–1730), император Карл VI обращался к нему «Durchleuchtigst Großmächtigster Czar, Mein Herzlichster Bruder und Vetter» («Пресветлейший державнейший царь, мой сердечно-любезнейший брат и племянник»)³⁵. Иными словами, русский царь был ему «братом» как государь государю и «племянником» как сын сестры жены — императрицы Елизаветы Кристины, доводившейся родной сестрой матери юного царя — Наталье Алексеевне, урожденной Шарлотте Кристине Софии Вольфенбюттельской (1694–1715). С восшествием на престол Анны Иоанновны титул был отредактирован: «Serenissima et Potentissima Domina Tzara, Amica et Soror Charissima» («Светлейшая и державнейшая госпожа царица, дражайшая подруга и сестра»). В переводах входящих грамот, сохранившихся в фондах Архива внешней политики Российской империи, переписчики нередко опускали перевод титула, ограничиваясь «По титуле...» и «В прочем...»³⁶.

В 1740 г. на российском престоле вновь восседали кровные родственники Габсбургов, и это нашло отражение в титулатуре. В верительной грамоте посланнику маркизу Ботта д'Адорно (1688–1774) Мария Терезия обращалась к Ивану III «Serenissime et Potentissime Domine Frater et Consanguinee Charissime» («Светлейший и державнейший государь, дражайший брат и родственник»). Грамота была подписана «Majestatis Vestrae Bona Soror et Consanguinea» («Вашего величества добрая сестра и родственница»)³⁷.

В марте 1741 г. превосходство Австрийского дома над российскими самодержцами более не казалось само собой разумеющимся. Посланник Ланчинский внимательно следил, чтобы в грамотах Франца Лотарингского к Иоанну III и его матери императорская титулатура была соблюдена в малейших деталях. В реляции от 3 (14) марта он писал: «Но наконец стороною извещился, что на подписи грамоты к вашему императорскому величеству в начале титулатуры пропущен всевысочайший императорский предикат, и толко внесен автократорский, а употреблен императорский титул толко близ окончания, оная ж грамота составлена на латинском языке. Грамота же к ее императорскому высочеству государыне матери вашей есть правда на немецком языке, но употреблены вместо надлежащей высочайшей кортезии императорского высочества, только слова: высочество и любовь (так в тексте. — О.Х.)»³⁸. Согласно грамотам из фондов АВП РИ, в окончательной редакции Франц

³⁴ Гребикова А. Стефан Вильгельм Кинский — дипломат Священной Римской империи в России в 1721–1722 гг. // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / под ред. О.В. Хавановой (отв. ред.), А.А. Леонтьевой, К.В. Мельчаковой. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 71–77.

³⁵ АВП РИ. Ф 32. Оп. 2. Д. 63. Л. 2, 4. Карл VI — Петру II, Вена, 27 (16) октября 1727 г.

³⁶ АВП РИ. Ф 32. Оп. 2. Д. 104. Л. 2. Карл VI — Анне Иоанновне, Вена, 12 апреля 1739 г.

³⁷ АВП РИ. Ф 32. Оп. 2. Д. 110. Л. 2, 2об. Мария Терезия — Иоанну III, Вена, 3 декабря (22 ноября) 1740 г.

³⁸ АВП РИ. Ф 32. Оп. 2. Оп. 1. 1741. Д. 5. Л. 2, 4. Л. Ланчинский — Иоанну III, Вена, 3 (14) марта 1741 г.

Лотарингский обращался к Иоанну: «Serenissime et Potentissime Princeps, Totius Russiae Imperator, et Autocrator, Domine Cognate Colendissime» («Пресветлейший державнейший князь всея России, император и самодержец высокопочтеннейший царь свойственник»)³⁹. Признания Веной императорского титула русских царей удалось добиться Елизавете Петровне в июле 1742 г.

Итак, события 1741 года соединили судьбы Австрийского дома и Брауншвейгской династии, младенца на российском престоле, которого свергли в конце года, и новорожденного – будущего императора Священной римской империи. Дальнейшие карьеры чрезвычайных послов сложились по-разному, но в целом свидетельствовали о выдающихся деловых качествах Франца Лотарингского, приблизившего к себе молодых камергеров и давшего им шанс выслужиться. В.А. Кауниц в 1742 г. отправился посланником в Турин, в 1750–1753 гг., в бытность послом в Париже подготовил почву для подписания в 1756 г. союзного договора между Веной и Версалем, в 1753 г. стал государственным канцлером и сорок лет руководил внешней политикой Австрийской монархии. По возвращении из Парижа, Р. Хотек поддержал избрание чешским королем Карла Виттельсбаха, но впоследствии вернул себе милость Марии Терезии, в 1745–1749 гг. был посланником при баварском дворе, затем в 1763–1771 гг. руководил Чешско-австрийской придворной канцелярией⁴⁰. Н. Эстерхази двадцать лет жизни посвятил дипломатической службе и представлял венский двор в Дрездене, Мадриде и Санкт-Петербурге⁴¹. Только И.Б. Вильчек вернулся к армейской службе и дослужился до звания генерал-фельдцейхмейстера.

О пребывании графа Вильчека в России сохранилась только краткая заметка в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Третьего дня в вечеру господин камергер граф фон Вельсэс, которой сюда с ведомостью о новорожденном эрцгерцоге от ее величества королевы венгерской и богемской приехал, по получении знатного подарка и простившись как у ее императорского высочества государыни великой княгини, и правительницы всея России, так и у прочей высокой императорской фамилии, отсюда назад отправился»⁴². В семейных преданиях осталась память о миссии Иоганна Бальтасара в Петербург, но за давностью лет полагали, что родственник ездил ко двору императрицы Елизаветы⁴³.

Между тем это было первое чрезвычайное посольство, поводом к которому послужили не переговоры и не подписание союзного трактата, а событие, значимое для двух правящих домов. Отправляя Вильчека в Санкт-Петербург, из Вены недвусмысленно сигнализировали, что ценят кровнородственные узы как предлог к сближению и залог взаимопонимания. Символика жеста оказалась для российского двора вторичной, первых лиц государства больше волновало соблюдение «кортезий» и выказывание должного уважения к сану российского императора. Однако начало практике обмена «нарочными персонами» было положено. В царствование Елизаветы Петровны чрезвычайные послы привозили нотификационные грамоты, выступали с речами на аудиенциях,

³⁹ АВП РИ. Ф 32. Оп. 2. Оп. 2. 1741. Д. 121. Л. 86об. Франц Лотарингский – Иоанну III, Вена, 13 (2) марта 1741 г.

⁴⁰ Wolf A. Graf Rudolf Chotek, k.k. österreichischer Staats- u. Conferenz-Minister // Sitzungsberichte Philosophisch-Historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1852. Bd. 9. H. 1–4. Wien, 1853. S. 435–460.

⁴¹ Хаванова О.В. Имперский посол граф Миклош Эстерхази – страницы биографии и этапы дипломатической карьеры // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь, 2014. Вып. 4. С. 3–14.

⁴² Санктпетербургския ведомости. 1741. 16 VI. С. 382.

⁴³ АВП РИ. Ф 32. Оп. 1. 1749. Д. 10. Л. 1об. Й.М. Вильчек – Елизавете I, Вена, 13 марта 1749 г.

отпускались с щедрыми подарками. Симметричность символических жестов говорит о стремлении сторон к демонстрации особых отношений. Практика отправки чрезвычайных послов сохранялась и в правление Екатерины II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи, Москва
Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества
АТ-ОеStA – Österreichisches Staatsarchiv, Wien
ННStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv
StAbt – Staatenabteilungen

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВП РИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1741. Д. 5; 1749. Д. 10.
АВП РИ. Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 2. 1727. Д. 63; 1740. Д. 109; 1741. Д. 121.
АВП РИ. Ф. 50. Сношения России с Нидерландами. Оп. 1. 1741. Д. 4.
Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе, часть 10-я (годы с 1740 по 1741). Донесения маркиза де ла Шетарди французскому правительству и ответы министерства. Сообщены из архива Министерства Иностранных Дел в Париже / изданы под наблюдением Г.Ф. Штендмана. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1984. (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 91).
Санктпетербургския ведомости. 1741.
АТ-ОеStA/ННStA ОМеА ZА-Prot. Zeremonialprotokoll (Protocollum Aulicum in Ceremonialibus). Bd. 18.
АТ-ОеStA/ННStA StAbt England. Berichte. Kt. 78.
АТ-ОеStA/ННStA StAbt. Portugal. Lusitania. Kt. 7.
The National Archives, London. Treasury Board Letters and Papers 1557–1920. Minutes Books. Т 29/28.
Wienerisches Diarium. 1741. 15 IV. № 30; 17 IV. № 31; 26 IV. № 33; 12 VII. № 55; 29 VII. № 60.
Wolf A. Der Wiener Hof in den Jahren 1746, 1747 u. 1748. Diplomatische Relationen des Grafen von Podewils, bevollmächtigten Minister in Wien an Friedrich II., König von Preussen, Cabinetsschreiben des Königs // Sitzungsberichte Philosophisch-Historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1850. Bd. 2. H. 3. S. 467–542.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бриёвяк Й.* Силезский аристократ граф Генрих Вильгельм Вильчек и его место в центрально-европейской политике первой половины XVIII в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. С. 21–33.
2. *Гребикова А.* Стефан Вильгельм Кинский – дипломат Священной Римской империи в России в 1721–1722 гг. // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / под ред. О.В. Хавановой (отв. ред.), А.А. Леонтьевой, К.В. Мельчаковой. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 71–88.
3. *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012.
4. *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и Война за австрийское наследство. М.: ОГИ, 2000.
5. *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010.
6. *Собко Е.М.* Россия и Война за австрийское наследство. Неизвестная война. [М.]: б.и., 2021.
7. *Хаванова О.В.* Имперский посол граф Миклош Эстерхази – страницы биографии и этапы дипломатической карьеры // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. Вып. 4. С. 3–14.
8. *Хенде Ф.* Политическая коммуникация венгерского короля и со-словий в парламентских церемониях, 1687–1765 гг. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13). С. 331–358.

9. Arneht A., Ritter von. *Maria Theresia's erste Regierungsjahre*. Wien: Wilhelm Sraumüller k.k. Hofbuchhändler, 1863. Bd. 1. 1740–1741.
10. Hochedlinger M. *Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797*. London; New York [et al.]: Longman, 2003.
11. Klingenstein G. The Meanings of «Austria» and «Austrian» in the Eighteenth Century. *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / ed. by R. Oresko, G.C. Gibbs, H.M. Scott. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 423–478.
12. Kökényesi Zs. Die ungarischen Stände als Teilnehmer der böhmischen Krönung 1743. Eine Fallstudie zur Regierungsstrategie von Maria Teresia // *Opera Historica*. 2020. Roč. 21. Č. 1. S. 27–53.
13. Kurucz Gy. *Guide to Documents and Manuscripts in Great Britain Relating to the Kingdom of Hungary from the Earliest Times to 1800*. London: Continuum International Publishing Group Ltd., 1992.
14. Schnettger M. «Codesta nuova courte». Außensichten auf den Wiener Hof im Spätjahr 1740 // *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große* / hrsg. von B. Braun, J. Kusber, M. Schnettger. Bielefeld: Trancrypt Verlag, 2020. S. 73–110.
15. Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen: Lit Verlag, 2016.
16. Stollberg-Rilinger B. *Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit*. München: C.H. Beck Verlag, 2017.
17. Stöckelle A. Taufzeremoniell und politische Patenschaften am Kaiserhof // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1982. Bd. 90. S. 271–338.
18. Weiß J.B. *Geschichte der Kaiserin-Königin Maria Theresia: Der österreichische Erbfolgekrieg*. Wien: Carl Grönmeyer Verlag, 1872. Bd. 1.
19. Wolf A. Graf Rudolf Chotek, k.k. österreichischer Staats- u. Konferenz-Minister // *Sitzungsberichte Philosophisch-Historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Jg. 1852. Bd. 9. H. 1–4. Wien, 1853. S. 435–460

REFERENCES

- Arneht A., Ritter von. *Maria Theresia's erste Regierungsjahre*. Wien, Wilhelm Sraumüller k.k. Hofbuchhändler Publ., 1863, vol. 1. 1740–1741.
- Brňovják J. Silezskii aristokrat graf Genrikh Vil'gel'm Vil'chek i jego mesto v tsentral'no-jevropeskoj politike pervoi poloviny XVIII v. *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*. 2018, no. 1–2, pp. 21–33. (In Rus.)
- Hende F. Politicheskaia kommunikatsiia vengerskogo korolia i so-slovii v parlamentskikh tseremoniakh, 1687–1765 gg. *Tsentr'al'nojevropeskiye issledovaniia*. 2021, iss. 4(13), pp. 331–358. (In Russ.)
- Hochedlinger M. *Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797*. London; New York [et al.]: Longman Publ., 2003.
- Hrebiková A. Stefan Vil'gel'm Kinskii — diplomat Sviashchennoi Rimskoi imperii v Rossii v 1721–1722 gg. *Vzgliad chuzhezemtsa: diplomaty, publiitsisty, ucheniye-puteshestvenniki mezhdú Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv.*, ed. by O.V. Khavanova, A.A. Leontieva, K.V. Melchakova. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS; Saint Petersburg, Nesotr-Istoriia Publ., 2000. pp. 71–80. (In Rus.)
- Khavanova O. Imperskii posol graf Miklosh Esterkhazi — stranitsy biografii i etapy diplomaticheskoi kar'jery. *Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskije i kul'turnyje paralleli*. Iss. 4, ed. by I.V. Kriuchkov. Stavropol', Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet Publ., 2014. pp. 3–14. (In Rus.)
- Klingenstein G. The Meanings of «Austria» and «Austrian» in the Eighteenth Century. *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Essays in Memory of Ragnhild Hatton*, ed. by R. Oresko, G.C. Gibbs, H.M. Scott. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 423–478.
- Kökényesi Zs. Die ungarischen Stände als Teilnehmer der böhmischen Krönung 1743. Eine Fallstudie zur Regierungsstrategie von Maria Teresia. *Opera Historica*. 2020, vol. 21, no. 1, pp. 27–53.
- Kurucz Gy. *Guide to Documents and Manuscripts in Great Britain Relating to the Kingdom of Hungary from the Earliest Times to 1800*. London, Continuum International Publishing Group Ltd., 1992.
- Kuruin I.V. *Anna Leopol'dovna*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. (In Rus.)
- Lishtenan F.-D. *Rossiia vkhodit v Jevropu. Imperatrissa Jelizaveta Petrovna i Voina za avstriiskoje nasledstvo*. Moscow, OGI, 2000 (In Russ.)
- Nelipovich S.G. *Soiuz dvuglavykh orlov. Russko-avstriiskii vojennyi al'ians vtoroi chetverti XVIII v*. Moscow, Kvadriga Publ., 2010 (In Russ.)
- Snettger M. «Codesta nuova courte». Außensichten auf den Wiener Hof im Spätjahr 1740. *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große*. Hrsg. von B. Braun, J. Kusber, M. Schnettger. Bielefeld, Trancrypt Verlag Publ., 2020, pp. 73–110.

- Sobko E.M. *Rossia i voina za avstrijskoje nasledstvo. Neizvestnaia voina.* [Moscow]: s.n., 2021. (In Russ.)
- Steppan Ch. *Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730).* Göttingen, Lit Verlag Publ., 2016.
- Stollberg-Rilinger B. *Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit.* München, C.H. Beck Verlag Publ., 2017.
- Stöckelle A. Taufzeremoniell und politische Patenschaften am Kaiserhof. *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung.* 1982, vol. 90, pp. 271–338.
- Weiß J.B. *Geschichte der Kaiserin-Königin Maria Theresia: Der österreichische Erbfolgekrieg.* Bd. 1. Wien, Carl Gronemeyer Verlag Publ., 1872.
- Wolf A. Graf Rudolf Chotek, k.k. österreichischer Staats- u. Konferenz-Minister. *Sitzungsberichte Philosophisch-Historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.* 1852, vol. 9, no. 1–4. Wien, 1853, pp. 435–460.

Сведения об авторе

Хаванова Ольга Владимировна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник исторического
факультета НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0002-7694-5292
E-mail: khavanova@inslav.ru

Information about the author

Khavanova Olga V.,
DSc. (History), Leading Researcher,
History Faculty,
National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-7694-5292
E-mail: khavanova@inslav.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 18–35

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 18–35

DOI: 10.31857/S0869544X0021998-0

Оригинальная статья / Original Article

Т. Костюшко как символ идеи независимости Польши и эволюция взглядов великого князя Константина Павловича на польский вопрос

© 2022 г. О.С. Каштанова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kashtanova-o@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу политики России в польском вопросе в конце XVIII – начале XIX в. в контексте судьбы руководителя восстания 1794 г., польского национального героя Т. Костюшко и великого князя Константина Павловича, который в 1815–1830 гг. командовал польской армией и играл видную роль в государственно-политическом управлении Царством Польским. Константин и Костюшко встречались лишь несколько раз: в 1796 г. в Петербурге, когда после смерти Екатерины II Павел I освободил активных деятелей восстания 1794 г., и в 1814 г. в Париже после победы над Наполеоном войск антифранцузской коалиции. Тем не менее фигура польского генерала неоднократно привлекала внимание великого князя, косвенным образом влияя на формирование его отношения к Польше и полякам.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Царство Польское, Российская империя, конституция, польская армия, западные губернии

Ссылка для цитирования: *Каштанова О.С.* Т. Костюшко как символ идеи независимости Польши и эволюция взглядов великого князя Константина Павловича на польский вопрос // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 18–35. DOI: 10.31857/S0869544X0021998-0.

T. Kościuszko as a Symbol of the Idea of Independence of Poland and the Evolution of Views of Grand Duke Constantine Pavlovich on the Polish Question

© 2022 Olga S. Kashtanova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kashtanova-o@mail.ru

Abstract. The article is devoted to an analysis of Russian policy towards the Polish question in the late 18th–early 19th centuries in the context of the fates of the 1794 revolt leader Polish national hero T. Kościuszko and Grand Duke Constantine Pavlovich. In 1815–1830 the Grand Duke commanded the Polish army and played a prominent

role in political management of the Kingdom of Poland. Constantine and Kościuszko met only a few times: in 1796 in St. Petersburg, when, after the death of Catherine II, Paul I released the leaders of the 1794 uprising, and in 1814 in Paris, after the victory over Napoleon gained by troops of the anti-French coalition. Nevertheless, the figure of the Polish general repeatedly attracted the attention of the Grand Duke, indirectly influencing the formation of his attitude towards Poland and the Poles.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Russian Empire, Constitution, Polish Army, Western provinces.

Reference for citation: *Kashtanova Olga S. T. Kościuszko as a Symbol of the Idea of Independence of Poland and the Evolution of Views of Grand Duke Constantine Pavlovich on the Polish Question // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No 5. P. 18–35. DOI: 10.31857/S0869544X0021998-0.*

Проблема сохранения независимости Речи Посполитой, а после разделов – восстановления польского государства стала в конце XVIII – начале XIX в. основной задачей польских политических деятелей и важным фактором международной политики. Еще накануне Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. как в окружении короля Станислава Августа, так и среди представителей оппозиции разрабатывались проекты установления в Польше наследственной монархии и избрания на польский престол одного из внуков Екатерины II. Чаше всего в них фигурировало имя младшего внука императрицы – великого князя Константина Павловича. Идеи об его избрании звучали и в первые годы работы Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.), когда русско-польские отношения заметно ухудшились¹. Конституция 3 мая 1791 г. установила в Речи Посполитой наследственное правление и провозгласила переход польского престола после смерти короля к саксонской династии. Но в условиях вступления российских войск на территорию Речи Посполитой в мае 1792 г. и образования Тарговицкой конфедерации предложение избрать Константина наследником польского престола и заключить союз было повторено Станиславом Августом в письме Екатерине II от 11 (22) июня 1792 г.² Позднее эту идею поддержали выехавшие за границу ведущие польские политики – И. Потоцкий, Г. Коллонтай и С. Малаховский [26. С. 11]. Однако Второй раздел Речи Посполитой предотвратить не удалось.

В марте 1794 г. в Кракове началось восстание за независимость, которое возглавил Т. Костюшко. В апреле территория, контролируемая восставшими, увеличилась: в их руках оказались Варшава и Вильно. Гражданское управление осуществлял Высший национальный совет, в состав которого вошли И. Потоцкий (руководивший внешней политикой), Г. Коллонтай, А. Капостас, Т. Мостовский, И.В. Закшевский, Я. Килиньский, бывший посол в России А.А. Деболи и др. Несмотря на ряд успехов повстанческих войск, силы были неравны. Против поляков действовали регулярные армии России и Пруссии. В августе капитулировало Вильно, в начале сентября в сражениях под Крупчице и Брестом корпус под командованием графа А.В. Суворова нанес поражение

¹ *Mottaz E. Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. Paris, 1897. P. XXXI, XXXIII–XXXIV; BC. Rkps. 2889. K. 17–19; см.: [25. S. 37–38, 42–44, 49–50, 166–167].*

² АВП РИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 129. Л. 3об. Письмо неоднократно цитировалось в исторической литературе, полный текст см.: *Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II et ses plus proches collaborateurs (1764–1796) / édition, introduction et commentaires: Z. Zielińska, traduction de l'introduction et des commentaires: K. Zaleska. Kraków: Arcana, 2015. P. 510–511.*

дивизии К. Сераковского. В это время к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву был отправлен А.А. Деболи, который от имени короля Станислава Августа и И. Потоцкого вновь поднял вопрос об избрании Константина наследником польского престола³. После вступления российских войск в Варшаву Потоцкий 1 (12) ноября 1794 г. подал записку российскому резиденту барону И.Ф. Ашу о заключении союза с Россией и наследовании польского трона одним из внуков Екатерины II [26. С. 12–13]⁴. Подобные идеи о передаче короны Речи Посполитой представителю российского императорского дома были высказаны и во время допросов в Петербурге некоторыми членами бывшего повстанческого правительства, в частности Т.А. Вавжецким и А. Капостасом⁵. Но все было напрасно. Императрица не планировала сохранить независимое польское государство.

За месяц до взятия Варшавы, 29 сентября (10 октября) 1794 г., состоялось кровопролитное сражение при Мацеёвице, расположенном в 80 км от столицы, которое закончилось победой русских войск. Повстанческим войскам, руководимым Костюшко, противостоял дислоцированный к юго-востоку от Варшавы корпус генерала И.Е. Ферзена. В этом сражении поляки потеряли несколько тысяч убитыми, в плену оказались сам Костюшко, его штаб, пятеро старших начальников, свыше 200 офицеров и около 2000 нижних чинов. Костюшко был атакован корнетами Ф. Лысенко, В. Смородским, Пономаревым, казаками Ф. Топилиным и Н. Лосевым. Он получил несколько сабельных ударов и ранений пиками (в голову, грудь и ногу) и выжил только благодаря тому, что был опознан. На следующий день для сопровождения Костюшко сформировали конвойную команду во главе с премьер-майором В.П. Титовым. Бывшему главнокомандующему были присланы от повстанческого правительства карета, деньги и гардероб, к нему выехали камердинер и повар. Сначала на пути следования особой тайны не соблюдалось. Позднее пришли инструкции, предписывавшие везти Костюшко в Петербург под именем раненного в Варшаве российского генерал-майора В. Милашевича (по приказу фельдмаршала П.А. Румянцева), затем – польского шляхтича Шуманского (в соответствии с распоряжениями генерал-прокурора А.Н. Самойлова). Так как Литва и Белоруссия были частично охвачены восстанием, надлежало ехать обходным путем – через Киев, Чернигов, Могилев, Витебск, Псков и Новгород. В случае проезда через Москву не предусматривалось делать остановки, дабы избежать лишних расспросов, а в Петербург следовало въехать лишь с наступлением темноты⁶.

Через два месяца после пленения, вечером 29 ноября, Костюшко привезли в Петербург вместе с секретарем Ю.У. Немцевичем и адъютантом С. Фишером. Позднее туда же были доставлены преемник Костюшко на посту главнокомандующего Т.А. Вавжецкий и члены повстанческого правительства – И. Потоцкий, Т. Мостовский, И.В. Закшевский, А. Капостас и Я. Килиньский. Условия содержания заключенных существенно различались в зависимости от их статуса.

³ АКВ. М., 1879. Кн. XIII. Бумаги графов Александра и Семена Романовичей Воронцовых. Письма князя Безбородки (1776–1799). С. 313–314.

⁴ Текст записки см.: АВП РИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1602. Л. 1–2.

⁵ Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим и их показания // ЧОИДР. 1867. Кн. 1. С. 96–97, 104–106, 111. Ср.: *Niemcewicz J. U. Notes sur ma captivité à Saint-Petersbourg, en 1794, 1795 et 1796. Paris, 1843. P. 98.*

⁶ *Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich / pierwsze wydanie według obszerniejszej wersji rękopiśmiennej; tekst opracował i wstępem poprzedził J. Dihm. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1957. Т. II. S. 110–119, 121–132, 134–136; ср.: Горяинов С.М. Заточение Ф. Костюшки в крепости (1794–1795 гг.) // ЧОИДР. 1912. Кн. 1. С. 3–5, 7–15; см.: [1. С. 153–154; 2. С. 67, 72; 20. С. 9–26, 29–51].*

В отличие от Фишера и Немцевича, помещенных в одиночные камеры Алексеевского рavelина, Костюшко находился в гораздо более выгодном положении. Ему были отведены две комнаты в доме обер-коменданта Петропавловской крепости генерала А.Г. Чернышева, Костюшко мог пользоваться газетами и книгами и прогуливаться по дому. Он был довольно сдержан в показаниях, акцентируя внимание на уже известных российскому правительству фактах. Несмотря на то что раны затянулись, состояние генерала ухудшилось: началась апатия, он почти перестал есть, сказывался и недостаток движения и воздуха. Наряду с другими докторами, больного осматривал лейб-медик императрицы Дж.С. Роджерсон. В результате Костюшко был помещен в доме Г.Х. Штегельмана на Мойке. Там его возили по саду в кресле на колесах, а также разрешили совершать поездки в город в сопровождении русского чиновника. В соответствии с его желанием к Костюшко был приглашен учитель-токарь. К середине 1795 г. следствие в отношении Костюшко, членов повстанческого правительства и его ближайших сподвижников фактически завершилось. Екатерина не намеревалась строго наказывать их, надеясь таким образом укрепить свою позицию в переговорах с Пруссией с целью оформления Третьего раздела Речи Посполитой⁷. Как справедливо отметила О.В. Новикова, легенда о том, что Костюшко жил в Мраморном дворце, не подтверждается источниками и маловероятна, поскольку в феврале 1796 г. дворец был подарен Екатериной II Константину Павловичу в связи с его женитьбой на кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, крещеной Анной Федоровной [3. С. 440–446].

После вступления на престол Павел I решил амнистировать находившихся в заключении поляков под условием, что они не будут участвовать в военных действиях против России. Император являлся противником разделов Речи Посполитой, но рассматривал их как свершившийся факт. 15 (26) ноября 1796 г. Павел Петрович в сопровождении великого князя Александра и высших сановников приехал к Костюшко и объявил ему, что он свободен. Константин также видел генерала, поскольку Павел еще несколько раз навещал Костюшко, а тот приезжал в Зимний дворец. Почти сразу между императором и Костюшко был согласован вопрос об освобождении всех сосланных во «внутренние российские губернии» поляков, в том числе барских конфедератов. 17 (28) ноября польский генерал поехал ко двору, захватив подробные списки. Павел I обуславливал это освобождение принесением поляками присяги на верность ему и его наследнику Александру. Она была подписана Костюшко и Потоцким 19 (30) ноября, а позднее и другими бывшими в Петербурге участниками восстания 1794 г.⁸ В польской историографии считается, что эта присяга являлась одним из самых драматичных моментов в жизни генерала. Некоторые исследователи прямо расценивали ее как политическую ошибку, поскольку, несмотря на последующий отказ от нее, она во многом парализовала дальнейшую военно-политическую активность Костюшко. Кроме того, своими действиями он подал плохой пример соотечественникам, готовым с оружием в руках добиваться восстановления Польши [20. S. 107–108]. В то же время часть польских историков охарактеризовала присягу Костюшко как вполне оправданную, так как в результате свободу обрели около 20 000 поляков [14. S. 53].

⁷ Горяинов С.М. Заточение. С. 5–6, 15–28; ср.: *Niemcewicz J.U. Pamiętniki*. S. 136–141, 144, 148–151; см.: [1. С. 154–155; 2. С. 68, 72–73] (ср.: [20. S. 52–77, 80–84]).

⁸ *Niemcewicz J.U. Pamiętniki*. S. 169, 173, 179–181, 192; (ср.: [20. S. 88–105; 19. S. 471–477; 1. С. 155; 2. С. 73]).

Павел дал согласие на отъезд польского генерала в Америку, где Костюшко принял участие в войне за независимость в 1776–1783 гг. и мог обеспечить себе существование: ему причитались жалованье за несколько лет и участок земли. Император приказал выплатить генералу 60 000 руб. — казенную стоимость 1 000 крепостных душ (которые, по всей видимости, из-за последующих событий он не получил) и 12 000 руб. на дорогу. Павел Петрович прислал в подарок Костюшко карету и походную кухню, столовое белье, соболью шубу, шапку и меховые сапоги. 7 (18) декабря, накануне отъезда из Петербурга, Костюшко отправился в Зимний дворец, чтобы поблагодарить Павла и проститься с царской семьей. Поскольку из-за раны генерал плохо владел левой ногой, его несли в кресле, прежде служившем Екатерине II для подъема по лестнице. На встрече с Костюшко присутствовала императорская чета, а также великие князья Александр и Константин вместе с женами. Вся царская семья любезно приняла польского генерала. Императрица Мария Федоровна просила прислать из Америки садовых семян. Она подарила генералу оборудование для токарной мастерской и собственноручно вырезанные камеи с портретами мужа и детей⁹. Костюшко преподнес императрице табакерку собственного изготовления. 8 (19) декабря 1796 г. Костюшко в сопровождении Немцевича выехал из Петербурга¹⁰.

Летом 1797 г. они прибыли в Филадельфию. И хотя Костюшко пытался поддерживать контакт с главнокомандующим французских войск в Италии генералом Наполеоном Бонапартом и уверял французского консула в Америке, что его пребывание здесь обусловлено «единственно желанием обмануть [бдительность] своих неприятелей», первоначально он не намерен был так быстро возвращаться на политическую арену. Однако атмосфера враждебности к своему бывшему союзнику — Франции, царившая в Америке и оказывавшая влияние на американское общество, привела к тому, что многие смотрели на польского генерала как на французского агента. В 1797 г. в США были приняты законы, которые увеличивали период получения американского гражданства с 5 до 14 лет и грозили высылкой любым подозрительным иностранцам. Сомнительно, что закон о депортации мог быть применен к герою войны за независимость США, но само существование подобного закона производило удручающее действие на впечатлительного Костюшко. Весной 1798 г. он был извещен о заключении конвенции между властями Цизальпийской республики и генералом Я.Г. Домбровским в связи с организацией польских легионов в Италии, что означало признание *de jure* польских военных формирований. В такой обстановке Костюшко решился на отъезд во Францию и 17 (28) июня 1798 г. высадился на французский берег. Власти Директории торжественно приветствовали генерала, особенно после его прибытия в Париж. Вероятно, французское правительство хотело использовать Костюшко в дипломатической игре, которая в условиях складывания Второй антифранцузской коалиции имела целью «встревожить» Россию и побудить занимавшую нейтральную позицию Пруссию к более профранцузской политике [18. S. 131–135].

⁹ *Nietcewicz J. U.* Pamiętniki. S. 196. По сведениям Т. Корзона, Мария Федоровна также просила Костюшко оставить ей сермяжный кафтан, в котором он сражался во время восстания в Кракове [19. S. 478–479, 667]. Князь М. Гагарин (записи которого не слишком точны) в качестве подарка говорит лишь о кошельке, вышитом императрицей, с медальонами ее и супруга и 3 000 руб. См.: *Гагарин М.* Разговоры императора Павла I-го с Тадеушем Косцюшко в Петербурге / сообщ. Г.А. Воробьев // Русская старина. 1905. № 11. С. 396.

¹⁰ *Nietcewicz J. U.* Pamiętniki. S. 196; см.: [19. S. 475–476, 478–479, 481, 492, 508, 667; 1. С. 155; 2. С. 73–74]; ср.: [20. S. 98–99, 105–112].

24 июля (4 августа) 1798 г. Костюшко написал Павлу I, что отказывается от выполнения принесенной им присяги, которая не была добровольной, и возвратил подаренные императором деньги. «Ваше величество! Пользуюсь первыми минутами свободы, которой я наслаждаюсь под защитой законов величайшей и великодушной нации,— писал Костюшко,— чтобы вернуть Вам подарок, принять который заставили меня Ваша мнимая доброта и жестокое поведение Ваших министров. Если я согласился его принять, Ваше величество, припишите это единственно непреодолимой силе привязанности, которую я питаю к соотечественникам, товарищам моих несчастий, и надежде, быть может, еще послужить отчизне»¹¹.

Это письмо было отослано Павлу при посредстве русского посла в Берлине графа Н.П. Панина, однако деньги вернулись к Костюшко¹². Вторая его попытка вернуть их императору, на этот раз при помощи русского посла в Вене графа А.К. Разумовского, также не увенчалась успехом. Деньги Костюшко были положены на его счет в лондонский банк «*Baring Brothers and Co.*», он не прикасался к ним до момента составления последнего завещания. Еще большее негодование Павла, чем отказ Костюшко от присяги, расцениваемый им как предательство, надо полагать, вызвало то, что сразу же после написания письма и еще до получения Павлом польский генерал предал его публичной огласке, напечатав во французских изданиях «*L'Ami des lois*» («Друг законов») и «*Gazette nationale ou Le Moniteur universel*» («Национальная газета, или Всеобщий вестник») [19. S. 505–506, 509–510].

Российские власти не исключали возможности приезда Костюшко в присоединенные от Польши западные губернии с целью организации восстания. При этом были предприняты меры, чтобы помешать ему добраться туда из прибалтийских портов. Поскольку Н.П. Панин сообщал, что Костюшко собирается прибыть на территорию России под вымышленным именем Дюфренуа, лифляндский губернатор Х.А. Рихтер в октябре 1798 г. отдал распоряжение порт-капитану в Риге и таможене Лифляндской губернии: в случае появления человека с таким именем, арестовать его. К порт-капитану был препровожден эстамп с изображением Костюшко для снятия с него копии и ее рассылки «в прочие места»¹³. 3 (14) ноября 1798 г. по приказу Павла I в Литовской губернии было напечатано «объявление» о Костюшко генерал-губернатора князя Н.В. Репнина, которое предписывалось читать во всех приходских церквях в течение трех недель во время воскресной службы [19. S. 507–509]. Объявление вменяло жителям, «дабы, в случае появления его в пределах всероссийских каждый благонамеренный старался открыть его пребывание, переписку и сношение, и самого его поймать и представить ближайшей воинской команде или земскому начальству» [19. S. 508].

Надежды французской дипломатии, связанные с Костюшко, потерпели фиаско. И хотя в августе 1798 г. он заключил с французским правительством соглашение, в котором оговаривалась конкретная помощь со стороны Франции в случае восстания поляков, это не имело практически никаких последствий. Находясь в Париже, Костюшко вел себя очень осторожно: он не принимал непосредственного участия в формировании польских легионов, сражавшихся в Италии и Швейцарии, и отстранился от официального руководства ими. Позднее Костюшко разочаровался в идее создания польских вооруженных формирований на французской службе, считая, что они потеряли национальный

¹¹ АКВ. М., 1880. Кн. XXIV. Бумаги разного содержания. С. 415.

¹² АКВ. Кн. XXIV. С. 416.

¹³ По случаю слуха о прибытии Костюшки в русские владения в 1798 году // ЧОИДР. 1867. Кн. II. С. 40–41.

характер, и выдвинул идею борьбы поляков за восстановление независимости в опоре лишь на собственные силы. После переворота 18 брюмера и прихода к власти Наполеона генерал перестал поддерживать контакт с членами французского кабинета. С этого времени началось падение политического престижа Костюшко у французских властей, параллельно он постепенно утратил позиции лидера польской эмиграции, что во многом обуславливалось окончанием Франко-австрийской войны в 1801 г. и отсутствием ближайших перспектив восстановления польской государственности [18. S. 135–149; 15. S. 355–357].

В то время как польские патриоты строили планы возрождения Польши вооруженным путем, в среде французских дипломатов разрабатывались проекты восстановления польского государства под скипетром Константина Павловича в союзе с Россией, которая должна была получить в качестве компенсации часть владений Османской Порты. Такие проекты были представлены Директории в 1797 и 1799 г. французским агентом в Петербурге Гюттенем¹⁴. Об этих планах не было известно русскому двору, однако именно в этот период Константин впервые почувствовал некую связь с Польшей. К концу правления Павла I относился романтическое увлечение великого князя Константина Павловича княжней Хеленой Любомирской, с которой он познакомился летом 1800 г., когда, находясь на маневрах в Волынской и Подольской губерниях, посетил Ровно. Хелена была дочерью Людвики, урожденной Сосновской, на которой в свое время хотел жениться Костюшко. Константин был так очарован Хеленой, что даже имел намерение развестись со своей супругой Анной Федоровной, но не сумел получить разрешение на развод. Очевидно, чтобы произвести впечатление на мать и дочь, великий князь совершил весьма экстравагантный поступок. Зная о патриотических чувствах княжны Хелены и о сохранившейся привязанности княгини Людвики к Костюшко (об этом см., например: [17. S. 110–113]), Константин заказал находившемуся в Петербурге знаменитому в будущем художнику А. Орловскому свой портрет в костюме краковского повстанца, который был доставлен в Ровно в середине декабря 1800 г. [10. S. 413–415, 431, 433–434]¹⁵.

После смерти Павла I и восшествия на престол Александра I надежды поляков на изменение международной политики в польском вопросе вновь оживились. Князь А. Е. Чарторьский, бывший при Павле адъютантом Александра, вошел в ближайший круг молодых советников нового императора – Негласный комитет. С 1802 г. он являлся товарищем министра иностранных дел, а в 1804–1806 гг. фактически возглавлял само министерство. В 1803 г. Чарторьский выдвинул проект воссоздания Польского королевства, трон которого предназначался для Константина Павловича под условием его отказа от прав на российский престол и предоставления полякам конституции. Чарторьский очень осторожно излагал свою программу, оставляя на выбор императора – либо создание независимого польского государства, либо присоединение всех бывших территорий Речи Посполитой к России. Этот план, не требовавший немедленных военных действий, был одобрен членами Негласного комитета¹⁶.

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т. 1. 1800–1802 / под ред. проф. А. Трачевского. С. IV, 647–648.

¹⁵ Позднее этот портрет был подарен княгиней Любомирской другу семьи графу Ю. А. Илинскому, в доме которого в Петербурге она останавливалась с дочерью осенью 1801 г. В начале XX в. портрет находился в собственности графа З. Велёпольского [10. S. 434], в настоящее время судьба портрета неизвестна.

¹⁶ BC. Rkps. 23802. K. 83–83 v.; *Czartoryski A. J. Pamiętniki i memoriały polityczne 1776–1809 / wybrał, oprac., wstępem i przypisami opatrzył J. Skowronek. Warszawa: Instytut wydawniczy «Pax», 1986. S. 535–536; см.: [24. P. 139, 141, 152; 23. S. 50–52].*

Поражение России в войнах с Наполеоном в 1805 и 1806–1807 гг. ускорило ход событий, но инициатива в решении польского вопроса перешла к французскому императору. После битвы под Йеной 2 (14) октября 1806 г. и поражения прусских войск Наполеон вступил на польские земли, перешедшие по разделам к Пруссии. Желая расположить к себе поляков в преддверии войны с Россией, французский император не мог обходиться с ними как завоеватель и должен был поддерживать национальные чувства местного населения. В Берлин, в ставку Наполеона, были вызваны активные деятели польского патриотического движения Я.Г. Домбровский и Ю. Выбицкий. Последний по распоряжению императора составил 22 октября (3 ноября) 1806 г. прокламацию, в которой приглашал соотечественников объединиться под французскими знаменами и заявлял о скором приезде Костюшко¹⁷.

В тот же день Наполеон отдал приказ министру полиции Ж. Фуше тайно отправить жившего в Бервиле (рядом с Фонтенбло, в загородном доме посланника Швейцарского союза П.И. Цельтнера) Костюшко и всех бывших при нем поляков на театр военных действий¹⁸. Но польский генерал отказался выполнить требование императора, поскольку никаких гарантий восстановления Польши Наполеон давать не хотел¹⁹. Приближение французских войск вызвало большой энтузиазм среди поляков, и Наполеон писал Фуше из Позена (Познани) 18 (30) ноября: «Если Костюшко захочет приехать, хорошо, если нет, обойдемся без него. Однако было бы лучше, если бы он приехал»²⁰. Видя непреклонность польского генерала, Фуше прибегнул к обману, составив ложное воззвание от имени Костюшко с призывом к полякам поддержать Наполеона, которое было опубликовано в газете «*Le Publiciste*» 6 (18) декабря 1806 г. Поступок министра критиковал даже сам французский император²¹. Костюшко протестовал против своего мнимого авторства и 10 (22) января 1807 г. направил Фуше письмо, в котором изложил условия поддержки Наполеона: гарантия восстановления независимого польского государства, введение конституционной монархии и освобождение крестьян с землей [21. S. 213–214]. Наполеон посчитал эти требования неприемлемыми и заявил, что не нуждается в Костюшко. Он писал Фуше 8 (20) февраля 1807 г. из Либштадта: «Я не придаю никакого значения Костюшко; он совсем не пользуется таким уважением в стране, как себе представляет. К тому же, его поведение доказывает, что он попросту глупец»²².

После битвы под Фридландом, окончившейся поражением русских войск, в июне 1807 г. начались тильзитские переговоры. Обращаясь к вопросу восстановления Польши, Наполеон предложил признать польским королем Александра или Константина. В обмен на это Силезия переходила во владение его брата Жерома. Таким образом, Пруссия переставала быть политически значимым государством, и ее связь с Россией разрывалась, что входило в планы Наполеона. Однако русский император не хотел получить Польшу из

¹⁷ *Wybicki J. Życie moje oraz wspomnienie o Andrzej i Konstancji Zamoyskich / z rękopisów wydał i objaśnił A.M. Skałkowski. Kraków: Nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1927. S. 258–263. Текст воззвания Я.Г. Домбровского и Ю. Выбицкого см.: Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne, 1762–1862 / [publié] par le comte d'Angeberg [L. Chodźko]. Paris, 1862. P. 440–441.*

¹⁸ *Correspondance de Napoléon I-er / publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Paris, 1863. T. XIII. Nr 11153. P. 567.*

¹⁹ *Pisma Tadeusza Kościuszki / wybrał, objaśnił, wstępem poprzedził H. Mościcki. Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1947. S. 215–217.*

²⁰ *Correspondance de Napoléon I-er. T. XIII. Nr 11328. P. 725.*

²¹ *Correspondance de Napoléon I-er. Paris, 1863. T. XIV. Nr 11527. P. 126.*

²² *Correspondance de Napoléon I-er. T. XIV. Nr. 11836. P. 315.*

рук Наполеона, к тому же ценой разрыва с союзной Пруссией. Он предложил возвести на польский трон Жерома Бонапарта. Этот проект встретил возражения со стороны Наполеона. Он считал, что подходящей кандидатурой была бы та, которая не смущала бы ни Россию, ни Австрию²³. Вследствие отказа Наполеона от Силезии им были внесены существенные изменения в постановку вопроса о Польше. Из большей части польских владений, отошедших к Пруссии по Второму и Третьему разделам, создавалось Великое герцогство (Княжество) Варшавское, сателлитное Франции государство, главой которого в соответствии с традицией стал саксонский король Фридрих Август I. Герцогство не охватывало даже этнической Польши и было лишено выхода к морю. По условиям Тильзитского мира приращения за счет бывших польских территорий, находившихся во владении Пруссии, получила и Россия – к ней присоединялась Белостокская область²⁴. В 1809 г. после Франко-австрийской войны, согласно Шёнбруннскому мирному договору, территория Герцогства была расширена за счет Западной Галиции, отошедшей к Австрии по Третьему разделу. Россия, формально участвовавшая в войне на стороне Франции, приобрела Тернопольский округ – часть Восточной Галиции²⁵.

С течением времени противоречия между Россией и Францией нарастали. Одним из камней преткновения был польский вопрос: император Александр опасался полного восстановления под эгидой Наполеона польского государства и требовал от него ручательства в том, что этого не произойдет, а название «Польша» навсегда исчезнет из сферы международной дипломатии. 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.) в Петербурге была подписана соответствующая конвенция, но французский император отказался ее ратифицировать²⁶. В июне 1812 г. между Францией и Россией начались военные действия, а в Герцогстве Варшавском была сформирована Генеральная конфедерация, которая объявила целью войны восстановление польского государства. В походе на Россию в составе наполеоновской армии принял участие 5-й (польский) корпус князя Ю. Понятовского. В конце 1812 г., после отступления французских войск, к армии присоединились император Александр и великий князь Константин Павлович. В начале 1813 г. территория Великого герцогства Варшавского была занята русскими войсками, а власть перешла к смешанному русско-польскому Временному верховному совету. И хотя в июне 1813 г. между Россией, Пруссией и Австрией была подписана Рейхенбахская конвенция, предусматривавшая будущий раздел Герцогства Варшавского²⁷, это делалось не для возвращения к положению 1795 г., а с целью удержания Пруссии и присоединения Австрии к Шестой антифранцузской коалиции. По мере продвижения союзных войск к Парижу Александр I почувствовал себя более уверенно и перестал скрывать свои планы относительно Герцогства Варшавского. Они предполагали создание на его базе Польского королевства с возможным расширением в будущем за счет российских западных губерний, которое обладало бы в рамках Российской империи особым статусом.

²³ Correspondance de Napoléon I-er. Paris, 1864. Т. XV. Nr 12849. P. 382–385; Nr 12862. P. 389–391; см.: [14. С. 214].

²⁴ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / по поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. СПб., 1902. Т. XIII. Трактаты с Францией. 1717–1807. С. 311–314.

²⁵ Собрание трактатов. СПб., 1905. Т. XIV. Трактаты с Францией. 1807–1820. С. 90.

²⁶ Собрание трактатов. Т. XIV. С. 93–109, 431–433.

²⁷ Собрание трактатов. СПб., 1876. Т. III. Трактаты с Австрией. 1808–1815. С. 101, 103, 107.

Константин, как и многие другие российские государственные и военные деятели, не одобрял идею восстановления польского государства [5. С. 470–471], опасаясь, что к нему будут присоединены белорусские, литовские и украинские земли. Он писал своему другу графу В.Ф. Васильеву 2 (14) марта 1814 г. из французского Сомвуара: «У нас говорят, что по мирному договору Герцогство Варшавское будет сохранено в целости и к нему прибавятся Литва, Волынь и т.д., следовательно, Россия не будет ими владеть. Это объединение доказывает восстановление Польши, одна лишь Галиция, принадлежащая Австрии, туда не войдет [...]. Кажется, по законам нашим коренным, родового имени отдавать нельзя». К этому моменту великий князь уже знал, что император намерен предоставить ему важный пост в Польше. «Герцогство Варшавское, — продолжил он, — должно существовать как есть, без приращений, и должно управляться русским и по-русски, но составлять отдельное тело. Я хорошо выполняю свою работу. Но было бы лучше разделить ее (Польшу. — О.К.) согласно последнему разделу. Сохрани боже, совершить раздробление России под любым предлогом»²⁸. Любопытно, что в то же время великий князь Константин осуждал политику разделов, но, вероятно, как и Павел I, считал их свершившимся фактом. Накануне Отечественной войны, 2 (14) июня 1812 г., Константин писал тому же графу Васильеву из Видз, что «нынешние обстоятельства являются только следствием конца правления Екатерины, [...] ввиду того, что раздел Польши стал примером и сигналом к нарушению всего, что было до тех пор священо в мире, как *трактаты, присяга, верность народа по отношению к своему государю*, под видом справедливости, поддерживаемой штыками и пушками [...]. Впрочем, я не говорю, что подражание Наполеона в этом отношении оправдано фактами, изложенными выше»²⁹.

В 1814 г. после поражения Наполеона Костюшко связывал надежды на восстановление польского государства с российским императором. В письме Александру I от 28 марта (9 апреля) он просил объявить «всеобщую амнистию полякам», образовать из бывших территорий Речи Посполитой конституционную монархию (с конституцией, приближенной к английской), открыть бесплатные школы для обучения крестьян и через десять лет отменить крепостное право на литовских, украинских и белорусских землях, наделив крестьян землей. При соблюдении этих условий Костюшко выражал желание приехать в Польшу, чтобы служить родине³⁰. Генерал направился в Париж и, остановившись в Шведском отеле на улице Булуа, просил Александра I об аудиенции. Император прислал за ним придворный экипаж и при встрече оказывал ему всяческие знаки внимания, а в беседе с глазу на глаз заверил его в наилучших намерениях относительно поляков. После этого визита Костюшко стали навещать приближенные Александра. Первым приехал великий князь Константин Павлович, который затем неоднократно встречался с генералом [21. С. 225]. Константин по поручению императора встал во главе польского Военного комитета, призванного заниматься реорганизацией и укомплектованием польских войск, возвращавшихся на родину. В письме от 18 (30) апреля 1814 г. великий князь просил Костюшко рекомендовать ему офицеров, которые могли бы войти в состав комитета. «Я решился обратиться к Вам, генерал, чтобы просить Вашего совета в выборе лиц, наиболее подходящих для исполнения

²⁸ Письма великого князя Константина Павловича к графу Владимиру Федоровичу Васильеву. 1812–1814 // Русский архив. 1882. Кн. I. С. 159.

²⁹ Письма великого князя. С. 129.

³⁰ Recueil des traités. P. 599.

этого поручения, требующего особого доверия», — писал он [19. S. 683]. Костюшко нанесли визиты находившиеся в Париже польские офицеры. Также он поддерживал связь с одним из главных советников Александра I в польском вопросе — князем А.Е. Чарторыским и представлял ему записки о необходимости восстановления польского государства в границах до Первого раздела Речи Посполитой, всеобщей амнистии, улучшения положения крестьян и т.д.³¹

На балу у княгини Т. Яблоновской, на котором присутствовал и великий князь Константин Павлович, состоялась вторая беседа императора Александра и Костюшко. По словам очевидцев, Александр и Константин, взяв Костюшко под руки, вели его сквозь толпу гостей, расчищая ему проход и говоря: «Пропустите, пропустите, это великий человек» [21. S. 226]. Письменный ответ Александра I Костюшко был датирован 21 апреля (3 мая) 1814 г. В нем выражалась надежда на то, что в ближайшем будущем удастся осуществить возрождение польского государства. «Еще немного времени и благоразумных действий, — писал Александр, — и поляки восстановят свою отчизну, свое имя, я же буду иметь удовольствие убедить их, что тот, которого они считали своим неприятелем, забыв прошлое, исполнит их желания. Как отрадно будет мне, генерал, видеть Вас помощником в этих благотворных трудах! Ваше имя, Ваш характер, Ваши способности будут мне лучшею поддержкою»³². У Костюшко были и другие встречи с императором. Л. Ходзько упомянул о визите польского генерала в Елисейский дворец, где в присутствии великого князя Константина Павловича состоялась его очередная встреча с Александром. Показывая на карте давние польские границы от Двины до Днепра, Костюшко обратил внимание императора на необходимость строительства крепостей на этих рубежах. Константин Павлович говорил потом в парижских салонах: «Нельзя иметь дела с Костюшко, этот старик выжил из ума и несет вздор о какой-то целой и независимой Польше!» [12. S. 53].

Планы Александра I в отношении польских земель встретили на Венском конгрессе серьезное противодействие со стороны Австрии и Англии, которые вместе с Францией заключили 22 декабря 1814 (3 января 1815) г. тайный союз, направленный против России и Пруссии, желавшей в качестве компенсации получить Саксонию. Однако в связи с угрозой возвращения Наполеона недавние союзники достигли компромисса и Александру I пришлось согласиться на уступки в польском вопросе, отказавшись от включения в состав будущего Польского королевства некоторых территорий, которые должны были перейти к Австрии и Пруссии. О невозможности объединить все бывшие польские земли Костюшко сообщил присутствовавший на конгрессе князь А.Е. Чарторыский, приглашая его в Вену. 3 (15) апреля Костюшко получил письмо Александра I с предложением приехать в главную квартиру русских войск. Трудности с получением паспорта и маршрут в объезд через швейцарскую территорию и земли Бадена, Вюртемберга и Баварии сильно замедлили его путь [19. S. 530–531].

Между тем, пока Костюшко находился в дороге, документы, определившие судьбу Польши, были уже подписаны. На основании русско-австрийского и русско-прусского договоров от 21 апреля (3 мая) 1815 г. большая часть бывшего Герцогства Варшавского под именем Царства (Королевства) Польского была присоединена к России. Австрия получила соляные копи Велички, сохранила за собой Галицию, ей также был возвращен Тернопольский округ. К Пруссии

³¹ Pisma Tadeusza Kościuszki. S. 230–231, 234–237.

³² Recueil des traités. P. 600–601.

отошли западные земли Великой Польши и Поморье. Краков становился вольным городом под опекой Австрии, России и Пруссии. Таким образом, территория образованного в составе Российской империи Царства Польского охватывала всего лишь $\frac{3}{4}$ территории бывшего Герцогства Варшавского³³.

Свидание императора и Костюшко состоялось 15 (27) мая в австрийском Браунау и продолжалось около 15 минут. Оно не удовлетворило польского генерала, и Александр предложил ему отправиться в Вену, чтобы выслушать доводы князя А.Е. Чарторыского и ознакомиться с бумагами, касавшимися Польши. 19 (31) мая Костюшко прибыл в Вену и вскоре встретился с Чарторыским. Он считал «посмешищем» образование польского государства лишь из земель Великого герцогства Варшавского и хотел получить гарантии будущего присоединения к нему западных российских губерний [11. Р. 31–33; 19. S. 531]. Такая возможность предусматривалась в заключительном Генеральном акте Венского конгресса, подписанном 28 мая (9 июня) 1815 г., в котором были повторены положения русско-австрийского и русско-прусского соглашений от 21 апреля (3 мая) 1815 г. В ст. I данного документа, закреплявшей присоединение к Российской империи Герцогства Варшавского, говорилось: «Его императорское величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением»³⁴.

Наличия этого права, по мнению Костюшко, было недостаточно, и польский генерал хотел иметь письменные заверения самого императора. Он писал Александру 29 мая (10 июня): «Я никогда не осмелился бы, Ваше величество, торопить исполнение Ваших великих проектов: я бы свято хранил это намерение в своих мыслях, и только с явного разрешения я использовал бы эту священную тайну»³⁵. Однако ответа на свое письмо Костюшко так и не получил. Вероятно, Александр I не хотел давать конкретных письменных обещаний, опасаясь, что его послание может стать достоянием гласности и скомпрометировать его в глазах русского общества.

Отсутствие ответа Костюшко рассматривал как свидетельство того, что император не способен предоставить гарантии вхождения территорий западных губерний в состав Польского королевства. Своими сомнениями он поделился в письме князю Чарторыскому с предположительной датой 13 (25) июня. «Я не хочу действовать в положении неопределенности для страны и только питаю надежду. [...] Мы будем благодарны и вечно признательны императору за воскрешение уже утраченного польского имени, но одно имя не составляет народа, а размер территории с обывателями»³⁶. В тот же день Костюшко выехал в Швейцарию. Через некоторое время он решил избрать местом своего постоянного пребывания Золотурн. Там он поселился в доме бывшего префекта кантона, своего давнего знакомого, брата П.И. Цельтнера – Ф.К. Цельтнера [19. S. 532, 534–535].

20 июня (2 июля) 1815 г. в Варшаве было объявлено об образовании Царства Польского, а 15 (27) ноября принята его конституция, в соответствии с ней Царство обладало значительной автономией: управлялось собственным

³³ ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXXIII. 1815–1816. № 25.824. С. 64–70; № 25.826. С. 71–78; № 25.827. С. 78–87.

³⁴ ПСЗ (I). Т. XXXIII. № 25.863. С. 146–147.

³⁵ Recueil des traités. P. 700.

³⁶ Pisma Tadeusza Kościuszki. S. 233–234. В отличие от Т. Корзона (см.: [19. S. 533]), Г. Мосщицкий приводит другую предполагаемую дату – 8 (20) июня.

правительством во главе с наместником, имело двухпалатный парламент — сейм, собственную армию, командовать которой было поручено великому князю Константину Павловичу. Личность императора Александра пользовалась большой популярностью в польском обществе в первые годы существования конституционного Царства Польского. В 1816 г. был организован сбор средств на возведение в Варшаве триумфальных ворот в честь Александра. Костюшко также переслал с этой целью из Швейцарии 1000 франков³⁷.

Спустя полтора года, 3 (15) октября 1817 г., Костюшко скончался в Золотурне от апоплексического удара на фоне заражения тифом. Ф.К. Цельтнер сообщил о его смерти российскому императору. В ответном письме от 2 (14) декабря 1817 г., написанном по распоряжению Александра I министром статс-секретарем Царства Польского И. Соболевским, говорилось: «Его императорско-королевское величество всегда с удовольствием отдавал должное мужеству, великодушному жертвованию, равно величию и прямоте характера, какие отличали этого храброго и добродетельного защитника Польши. Его величество император и король разделяет общую скорбь, которую смерть Костюшко распространила в его отчизне [...]» [12. С. 55]. Тело Костюшко было забальзамировано и похоронено в склепе бывшей иезуитской церкви Золотурна, а внутренние органы — на кладбище Цухвиля, рядом с Золотурном. Почти сразу появилась мысль о перенесении его останков на краковский Вавель, пантеон польских королей и краковских епископов, где незадолго до этого был погребен другой национальный польский герой — князь Ю. Понятовский. Император Александр не только дал согласие на погребение, но и распорядился оплатить расходы, связанные с перевозкой гроба Костюшко, из казны Царства и отправил с этой целью в Швейцарию князя А. Яблоновского. В Кракове, Царстве Польском, литовских и белорусских губерниях, Великом герцогстве Познанском прошли траурные богослужения в память о Костюшко. На варшавской церемонии в костёле св. Креста, кроме обычной публики, присутствовали министры, сенаторы, крупные чиновники, генералитет. Здесь находился и великий князь Константин Павлович. Останки Костюшко были привезены из Золотурна в Краков и в течение девяти недель выставлены в костёле святого Флориана, затем торжественно погребены 11 (23) июня 1818 г. в склепе собора святых Станислава и Вацлава, его гроб поместили рядом с гробами короля Яна Собеского и князя Ю. Понятовского³⁸.

* * *

Великий князь Константин Павлович оставался в Царстве Польском в качестве главнокомандующего польской армией до конца 1830 г. За пятнадцать лет в его взглядах на польский вопрос произошла значительная эволюция. В первые годы пребывания в Польше поведение Константина служило постоянным источником недовольства в польском обществе, так как цесаревич враждебно относился к самому Царству и к его конституции, и особенно в армии, в которой он пытался ввести русские военные порядки. В связи с заключением мorganатического брака с графиней Иоанной Грудзиньской в 1820 г. и отречением от прав на российский престол в 1822 г. великий князь стал связывать свое будущее с Польшей, где он получил ряд чрезвычайных

³⁷ *Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego*. Nr 59. 23.VII.1816. Dodatek. S. 1345.

³⁸ *Baranowski W.* Pogrzb Tadeusza Kościuszki w grobach królów w katedrze krakowskiej r. 1818 — dnia 23 czerwca. Kraków, 1880. S. 10–21; см.: [16. S. 438; 13. S. 62–64].

полномочий: «карт-бланш» для борьбы с любыми проявлениями оппозиции в октябре 1820 г.,³⁹ право ведения внешнеполитических переговоров по вопросам, касавшимся Царства, вследствие учреждения собственной дипломатической канцелярии в сентябре 1822 г.⁴⁰ Константин Павлович также поддерживал идею присоединения к Царству части бывших территорий Речи Посполитой, вошедших в состав Российской империи. В 1817 г. великий князь стал во главе формируемого в западных губерниях Отдельного Литовского корпуса. Указами от 29 июня 1822 г. Александр I предоставил ему власть главнокомандующего действующей армией в Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерниях и Белостокской области. При Константине находилась гражданская часть, в которой осуществлялось местное управление⁴¹. Надежды поляков и Константина подкреплялись публичными заявлениями Александра I во время пребывания в Варшаве, в сеймовых речах и частных разговорах⁴², но вряд ли были осуществимы, учитывая позицию русского общества [С. 477–478]. В любом случае эти декларативные высказывания способствовали сохранению остатков бывлой популярности императора в польских кругах, которая заметно снизилась на фоне нарушений конституции, отсрочки в созыве сеймов, введения цензуры и деятельности тайной полиции.

Николай I не разделял в данном вопросе взгляды Александра I и великого князя Константина Павловича. В этом его еще больше убедили обнаружившиеся после ареста декабристов связи между членами Южного общества и польского Патриотического общества, имевшего целью воссоединение земель, ранее находившихся под властью Речи Посполитой. Константин в письме Николаю I от 15 февраля 1826 г. пытался оправдать надежды поляков на инкорпорацию западных губерний, ссылаясь на обещания Александра I, в частности на его переписку с Костюшко. Эта корреспонденция, как предполагал великий князь, распространялась в копиях и была известна в польском обществе⁴³. В письме от 30 ноября (12 декабря) 1827 г. Константин Павлович критически оценивал разделы Польши, констатируя: «Нет поляка, к какой бы партии он не принадлежал, который не был бы убежден в истине, что его страна была захвачена, а не завоевана императрицей Екатериной в продолжение трех произошедших разделов, которая поступила так в мирное время и без объявления войны, прибегнув при этом ко всем наиболее постыдным средствам, которыми побрезговал бы каждый честный человек. Одно лишь Королевство Польское было завоевано и это было освящено договорами после войны и явилось следствием заключения мира; это чувствуется всеми и целым светом, завоевание есть плод победы, тогда как захват — постыдный грабеж, который рано или поздно падет на голову грабителя»⁴⁴.

Николай I дал понять Константину Павловичу, что надежды на присоединение западных губерний неосуществимы. В конце 1827 г. он принял решение комплектовать Отдельный Литовский корпус не только местными уроженцами,

³⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 12. Оп. 1. Д. 285. Л. 17–18; см.: [9. С. 90].

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9320. Л. 28–33; [22. Р. 72–74].

⁴¹ ПСЗ (I). Т. XXXIV. 1817. № 26.950. С. 438; Т. XXXVIII. 1822–1823. № 29.087, 29.088. С. 309; см.: [8. С. 78–79].

⁴² См., например: Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. I. 1825–1829 / печ. под ред. Д. Ф. Кобеко. С. 205–206.

⁴³ Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131. С. 52–53; см.: [6. С. 377].

⁴⁴ Сб. РИО. Т. 131. С. 205–206; см.: [6. С. 390–391].

но и рекрутами из внутренних областей России. На освобожденные административные посты в западных губерниях стали назначаться российские чиновники⁴⁵. Это породило еще большее недовольство в польском обществе. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии оказали заметное влияние на внутреннюю обстановку в Царстве Польском. Ноябрьское восстание 1830 г. в Польше знаменовало фиаско политической карьеры Константина Павловича, его поражение повлекло за собой ликвидацию конституции и политической автономии Царства Польского в составе Российской империи.

* * *

Костюшко навсегда остался в сердцах современников и потомков символом идеи независимости Польши. Человеком, который не шел на компромиссы ни с Наполеоном, ни с Александром I, отвергавшим полумеры и мечтавшим не только о воссоединении всех бывших земель Речи Посполитой, но и о проведении широких социальных преобразований. Великий князь Константин Павлович не пользовался расположением поляков, тем не менее в силу различных обстоятельств его имя было неразрывно связано с Польшей. Эволюция, произошедшая в мировоззрении великого князя в период пребывания в Царстве Польском, для многих современников осталась незамеченной, поскольку ввиду своего статуса и положения он не мог открыто высказывать свои взгляды. Немалая часть как поляков, так и русских видела в нем источник постоянного недовольства поляков политикой российской администрации и возлагала на него определенную долю ответственности за разразившееся в 1830 г. восстание.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи
АКВ – Архив князя Воронцова
ПСЗ (I) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I
Сб. РИО – Сборник императорского Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ВС – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 129, 1602; Ф. 133. Оп. 468. Д. 9320.
Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. XIII. Бумаги графов Александра и Семена Романовичей Воронцовых. Письма князя Безбородки (1776–1799). 507 с.; М., 1880. Кн. XXIV. Бумаги разного содержания. 424 с.
Гагарин М. Разговоры императора Павла I-го с Тадеушем Косцюшко в Петербурге / сообщ. Г.А. Воробьев // Русская старина. 1905. № 11. С. 392–396.
Горяинов С.М. Заточение Ф. Костюшки в крепости (1794–1795 гг.) // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1912. Кн. 1. С. 1–28.
Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим и их показания // ЧОИДР. 1867. Кн. 1. Раздел V. Смесь. С. 60–130.
Письма великого князя Константина Павловича к графу Владимиру Федоровичу Васильеву. 1812–1814 // Русский архив. 1882. Кн. 1. С. 126–159.
Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXXIII, XXXIV, XXXVIII.
По случаю слуха о прибытии Костюшки в русские владения в 1798 году // ЧОИДР. 1867. Кн. II. Раздел V. Смесь. С. 40–48.

⁴⁵ Сб. РИО. Т. 131. С. 184, 186–187, 190–191; см.: [6. С. 391–392; 7. С. 16].

- Российский государственный архив древних актов. Ф. 12. Оп. 1. Д. 285.
- Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т. 1. 1800–1802 / под ред. проф. А. Трачевского. 923 с.; СПб., 1910. Т. 131. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. I. 1825–1829 / печ. под ред. Д.Ф. Кобеко. 398 с.
- Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / по поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. СПб., 1876. Т. III. Трактаты с Австрией. 1808–1815. 549 с.; СПб., 1902. Т. XIII. Трактаты с Францией. 1717–1807. 338 с.; СПб., 1905. Т. XIV. Трактаты с Францией. 1807–1820. 433 с.
- Baranowski W.* Pogrzeb Tadeusza Kościuszki w grobach królów w katedrze krakowskiej r. 1818 – dnia 23 czerwca. Kraków, 1880. 22 s.
- Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rkps. 2889, 23802.
- Correspondance de Napoléon I-er / publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Paris, 1863. Т. XIII. 631 p.; Paris, 1863. Т. XIV. 637 p.; Paris, 1864. Т. XV. 604 p.
- Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II et ses plus proches collaborateurs (1764–1796) / édition, introduction et commentaires: Z. Zielińska, traduction de l'introduction et des commentaires: K. Zaleska. Kraków: Arcana, 2015. 721 p.
- Czartoryski A.J.* Pamiętniki i memoriały polityczne, 1776–1809 / wybrał, oprac., wstępem i przypisami opatrzył J. Skowronek. Warszawa: Instytut wydawniczy «Pax», 1986. 778 s.
- Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego. Nr 59. 23.VII.1816.
- Mottaz E.* Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. Paris, 1897. 298 p.
- Niemcewicz J.U.* Notes sur ma captivité à Saint-Petersbourg, en 1794, 1795 et 1796. Paris, 1843. 236 p.
- Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich / pierwsze wydanie według obszerniejszej wersji rękopiśmiennej; tekst opracował i wstępem poprzedził J. Dihm. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1957. Т. II. 447 s.
- Pisma Tadeusza Kościuszki / wybrał, objaśnił, wstępem poprzedził H. Mościcki. Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1947. 344 s.
- Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne, 1762–1862 / [publié] par le comte d'Angeberg [L. Chodźko]. Paris; Leipzig, 1862. 1171 p.
- Wybicki J.* Życie moje oraz wspomnienie o Andrzejcu i Konstancji Zamoyskich / z rękopisów wydał i objaśnił A.M. Skałkowski. Kraków: Nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1927. 355 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дьяков В.* Тадеуш Костюшко в русской столице // Родина. 1992. № 8/9. С. 152–155.
2. *Дьяков В. Т.* Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798) // Славяноведение. 1993. № 5. С. 67–75.
3. *Новикова О.В.* Ошибки истории. Тадеуш Костюшко в Мраморном дворце // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб.: Изд-во «Серебряный век», 2012. С. 440–446.
4. *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 461 с.
5. *Филатова Н.М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. редактор С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 469–518.
6. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. М.: «Чарли», 1997. Кн. 1. 752 с.
7. *Askenazy S.* Bracia // Teki historyczne. Londyn, 1960–1961. Т. XI. S. 3–20.
8. *Askenazy S.* Łukasiński. Warszawa: E. Wende i spółka; Lwów: H. Altenberg, 1908. Т. 1. 417 s.
9. *Askenazy S.* Rosja – Polska. 1815–1830. Lwów: Nakładem H. Altenberga; Warszawa: E. Wende i sp., 1907. 206 s.
10. *Askenazy S. W.* Księżę Konstanty i księżniczka Helena Lubomirska // Biblioteka Warszawska. 1913. Т. 2. S. 409–444.
11. *Chodźko L.* Biographie du général Kosciuszko, ornée de son portrait. Fontainebleau: Imp. de E. Jacquin, 1837. 48 p.
12. *Chodźko L.* Tadeusz Kościuszko. Paryż: W Drukarni L. Martinet, 1859. 56 s.
13. *Czajkowski M.* Naczelnik na Wawelu // Mówią wieki: magazyn historyczny. 2017. Nr 8. S. 62–64.

14. Czubaty J. Republikanin wśród cesarzy: Kościuszko po klęsce insurekcji // *Mówią wieki: magazyn historyczny*. 2017. Nr 8. S. 52–55.
15. *Dihm J. Kościuszko nieznany / wydanie pośmiertne*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1969. 447 s.
16. *Herbst S. Kościuszko Andrzej Tadeusz Bonawentura // Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1968–1969. T. XIV. Kopernicki Izidor – Kozłowska Maria. S. 430–440.
17. *Jedynakiewicz K. Kobiety w życiu Tadeusza Kościuszki // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica 57*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. S. 107–122.
18. *Jedynakiewicz K. Tadeusz Kościuszko wobec emigracji polskiej we Francji w latach 1798–1801 (okres legionowy) // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica 49*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1993. S. 131–149.
19. *Korzon T. Kościuszko. Biografia z dokumentów wysnuta*. Kraków: Wł.L. Anczyc i spółka, 1894. 819 s.
20. *Lubicz-Pachonński J. Kościuszko po Insurekcji. 1794–1817: Dwa fragmenty*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1986. 244 s.
21. *Paszkowski F. Dzieje Tadeusza Kościuszki, pierwszego naczelnika Polaków*. Kraków: W Drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1872. 357 s.
22. *Pienkos A. T. The Imperfect Autocrat: Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom*. Boulder: East European Monographs, 1987. 186 p.
23. *Skowronek J. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1969. 383 s.
24. *Skowronek J. Le programme européen du prince Adam Jerzy Czartoryski en 1803–1805 // Acta Poloniae Historica*. Warszawa, 1968. Vol. 17. P. 137–159.
25. *Zielińska Z. «O sukcesyi tronu w Polsce», 1787–1790*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1991. 291 s.
26. *Zielińska Z. Potocki Roman Ignacy Franciszek // Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984–1985. T. XXVIII. Potocki Ignacy – Przerębski Mikołaj. S. 1–17.

REFERENCES

- Askenazy S. Bracia. *Teki historyczne*, Londyn, 1960–1961, t. XI, pp. 3–20. (In Pol.)
- Askenazy S. *Łukasiński*. Warszawa, E. Wende i spółka, Lwów, H. Altenberg, 1908, t. 1, 417 p. (In Pol.)
- Askenazy S. *Rosja – Polska. 1815–1830*. Lwów, Nakładem H. Altenberga, Warszawa, E. Wende i sp., 1907, 206 p. (In Pol.)
- Askenazy S. W. Książę Konstanty i księżniczka Helena Lubomirska. *Biblioteka Warszawska*, 1913, t. 2, pp. 409–444. (In Pol.)
- Chodźko L. *Biographie du général Kosciuszko, ornée de son portrait*. Fontainebleau, Imp. de E. Jacquin, 1837, 48 p.
- Chodźko L. *Tadeusz Kościuszko*. Paryż, W Drukarni L. Martinet, 1859, 56 p. (In Pol.)
- Czajkowski M. Naczelnik na Wawelu. *Mówią wieki: magazyn historyczny*, 2017, no. 8, pp. 62–64. (In Pol.)
- Czubaty J. Republikanin wśród cesarzy: Kościuszko po klęsce insurekcji. *Mówią wieki: magazyn historyczny*, 2017, no. 8, pp. 52–55. (In Pol.)
- Dihm J. *Kościuszko nieznany*, wydanie pośmiertne. Wrocław, Warszawa, Kraków, Zakład narodowy imienia Ossolińskich Publ., 1969, 447 p. (In Pol.)
- Dyakov V. T. Kostiuszko i jego soratniki posle srazheniia pri Matseiovitse (1794–1798). *Slavyanovedenie*, 1993, no. 5, pp. 67–75. (In Russ.)
- Dyakov V. Tadeush Kostiuszko v russkoi stolitse. *Rodina*, 1992, no. 8/9, pp. 152–155. (In Russ.)
- Filatova N. M. Russkoje obschestvo i Korolevstvo Pol'skoje v 1815–1830 gg. *Pol'sha i Rossia v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830*, ed. S. M. Fal'kovich, Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 469–518. (In Russ.)
- Herbst S. Kościuszko Andrzej Tadeusz Bonawentura. *Polski słownik biograficzny*, Wrocław, Warszawa, Kraków, Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1968–1969, t. XIV, Kopernicki Izidor – Kozłowska Maria, pp. 430–440. (In Pol.)
- Jedynakiewicz K. Kobiety w życiu Tadeusza Kościuszki. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica 57*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 1996, pp. 107–122. (In Pol.)
- Jedynakiewicz K. Tadeusz Kościuszko wobec emigracji polskiej we Francji w latach 1798–1801 (okres legionowy). *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica 49*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 1993, pp. 131–149. (In Pol.)

- Korzon T. *Kościuszko. Biografia z dokumentów wysnuta*. Kraków, Wł.L. Anczyc i spółka, 1894, 819 p. (In Pol.)
- Lubicz-Pachoński J. *Kościuszko po Insurekcji. 1794–1817: Dwa fragmenty*. Lublin, Wydawnictwo Lubelskie Publ., 1986, 244 p. (In Pol.)
- Novikova O.V. Oshibki istorii. Tadeush Kostiushko v Mramornom dvortse. *Rossiiia – Polsha. Dva aspekta evropejskoi kul'tury. Materialy XVIII Tsarskosel'skoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, Serebriany vek Publ., 2012, pp. 440–446. (In Russ.)
- Paszkowski F. *Dzieje Tadeusza Kościuszki, pierwszego naczelnika Polaków*. Kraków, W Drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1872, 357 p. (In Pol.)
- Pienkos A.T. *The Imperfect Autocrat: Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom*. Boulder, East European Monographs, 1987, 186 p.
- Presniakov A.E. *Rossiiskije samoderzhtsy*. Moscow, Kniga Publ., 1990. 461 p. (In Russ.)
- Shil'der N.K. *Imperator Nikolai Pervyi, jego zhizn' i tsarstvovanie*. Moscow, Charli Publ., 1997, t. 1, 748 p. (In Russ.)
- Skowronek J. *Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego*. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1969, 383 p. (In Pol.)
- Skowronek J. Le programme européen du prince Adam Jerzy Czartoryski en 1803–1805. *Acta Poloniae Historica*, Warszawa, 1968, vol. 17, pp. 137–159.
- Zielińska Z. «*O sukcesji tronu w Polsce*», 1787–1790. Warszawa, Wydawnictwo naukowe PWN Publ., 1991, 291 p. (In Pol.)
- Zielińska Z. Potocki Roman Ignacy Franciszek. *Polski słownik biograficzny*, Wrocław, Warszawa, Kraków, etc., Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1984, t. XXVIII, pp. 1–17. (In Pol.)

Сведения об авторе

Каштанова Ольга Сергеевна,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>
E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Information about the author

Kashtanova Olga S.,
Ph D. (History), Research Fellow,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>
E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 36–50

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 36–50

DOI: 10.31857/S0869544X0021999-1

Оригинальная статья / Original Article

Образ Тадеуша Костюшко в польской периодической печати 1815–1830 годов в контексте официальной культуры конституционного Царства Польского

© 2022 г. Н.М. Филатова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

natalifilatova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена образу руководителя польского национально-освободительного восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко в польской периодической печати 1815–1830 гг. Тема рассматривается в контексте официальной культуры Царства Польского – государства, созданного по инициативе Александра I под эгидой России. В рамках официальной идеологии дань памяти польскому национальному герою, прославившемуся сражениями с русскими, была ограничена определенными конвенциями: отсутствием антирусских мотивов и затушевыванием самой сути исторического конфликта, в результате которого Костюшко стал вождем польского народа.

Ключевые слова: Тадеуш Костюшко, конституционное Царство Польское, польская периодическая печать XIX в., русско-польские отношения, польская культура, историческая память.

Ссылка для цитирования: *Филатова Н.М.* Образ Тадеуша Костюшко в польской периодической печати 1815–1830 годов в контексте официальной культуры конституционного Царства Польского // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 36–50. DOI: 10.31857/S0869544X0021999-1.

The Image of Tadeusz Kościuszko in the Polish Periodicals of 1815–1830 in the Context of the Official Culture of the Congress Kingdom of Poland

© 2022. Natalia M. Filatova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

natalifilatova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the image of Tadeusz Kościuszko, head of the Polish national liberation revolt in 1794, in the Polish periodicals of 1815–1830. The topic is considered in the context of official culture of the Congress Kingdom of Poland,

created by Alexander I under the auspices of Russian Empire. Within official ideology, recognition of the Polish national hero, famous for his battles with the Russians, was restricted by certain conventions: absence of anti-Russian topics and hiding of the very essence of historical conflicts which made Kościuszko the leader of the Poles.

Keywords: Tadeusz Kościuszko, Congress Kingdom of Poland, Polish periodicals of the XIX century, relations between Russia and Poland, Polish culture, historical memory.

Reference for citation: *Filatova Natalia M. The Image of Tadeusz Kościuszko in the Polish Periodicals of 1815–1830 in the Context of the Official Culture of the Congress Kingdom of Poland // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 5. P. 36–50. DOI: 10.31857/S0869544X0021999-1.*

Фигура национального героя Польши Тадеуша Костюшко (1746–1817) прочно вошла в польскую историческую память, приобретая черты культовой. Можно говорить о рождении своего рода легенды, ставшей предметом самостоятельного изучения польских исследователей (см., например, [3; 7; 9]). Однако в разное время эта легенда приобретала разные формы. Как известно, Костюшко сначала прославился сражениями с русскими во время Российско-польской войны 1792 г., а в 1794 г. возглавил восстание против российской оккупации польских земель, названное его именем. Неудивительно, что преломление его образа в свете политики забвения русско-польской вражды и национального примирения, на которую делал ставку Александр I в своих геополитических планах, создавая в 1815 г. Царство (Королевство) Польское, объединенное с Россией династической унией, было своеобразным. Это отразили материалы периодической печати конституционного Царства Польского (1815–1830), демонстрирующие сочетание патриотического духа с вынужденным приспособлением польской интеллектуальной элиты к новой политической ситуации.

Новое положение вещей – русские и поляки под одним скипетром – требовало новых акцентов, обновленных образов героев национального и совместного прошлого. Такими были (уже просто потому что не считаться с их прочным местом в польской исторической памяти было нельзя) Юзеф Понятовский (особая роль была предназначена траурным мероприятиям, связанным с возвращением на родину его останков, что должно было продемонстрировать лояльность новой власти к проявлениям польского патриотизма и уважение к побежденным, а также сгладить негативные впечатления от недавнего противостояния на поле боя) и Тадеуш Костюшко, поддержкой которого Александр I пытался заручиться при создании нового польского государства.

На пике своих пропольских планов руководимый стремлением завоевать расположение польской элиты, российский император в мае 1814 г. в частном письме к Т. Костюшко писал: «Самые сокровенные желания мои исполнились, и с помощью Всевышнего я надеюсь осуществить возрождение храброй и почтенной нации, к которой Вы принадлежите. [...] Пройдет еще несколько времени и при мудром управлении поляки будут снова иметь отечество и имя [...] Как отрадно было бы мне, генерал, иметь Вас помощником при этих благотворных трудах. Ваше имя, ваш характер, ваши способности будут мне лучшей поддержкой». Однако польский государственный деятель, находившийся уже в преклонных годах, так и не вернулся на родину, дистанцировавшись от планов императора. В июне 1815 г., после того как был подписан заключительный акт Венского конгресса, он заверял Александра I, что готов посвятить остаток дней своим службе ему, однако лишь в том случае, если все польские

подданные императора будут объединены в возрожденное польское государство. «Иначе Польша будет постоянным источником раздора и соседние державы всегда найдут в ней почву для возбуждения волнений», — утверждал Костюшко¹. Об этом же он писал в дружеском письме Адаму Чарторыскому: «Воздадим благодарность и сохраним вечную признательность императору за воскресение уже потерянного польского имени; однако не одно имя составляет народ, но территория с народонаселением». Костюшко выражал обеспокоенность относительно исполнения обещаний императора распространить границы Царства Польского «по Двину и по Днепр», т. е. присоединить к нему западные губернии России. Лишь это, по его словам, гарантировало бы полякам «большее уважение, равно как и значение и постоянную дружбу с русскими». В противном же случае, полагал Костюшко, «каждый со страхом придет к тому заключению, что со временем польское имя подвергнется презрению и что русские будут обращаться с нами как с покоренным народом»².

Милость Александра I к побежденным (что было частью его саморепрезентации как «Ангела мира»), не только прощение бывших врагов на поле боя, но и опора как на польский генералитет эпохи наполеоновских войн, который в большинстве своем составил верхушку армии Царства Польского, так и на польские патриотические традиции, его стремление вызвать любовь новых подданных — все это повлияло на то, что он не мешал развитию культа польских национальных героев. Тем более что такие фигуры, как Тадеуш Костюшко и Юзеф Понятовский, пользовались уважением в русском обществе, особенно среди высших офицеров, как воплощение воинской чести и долга. Таким образом, те, кто прославился сражениями с русскими, сохранили свое место в высочайше утвержденном пантеоне. Однако репрезентация этих героев была достаточно специфичной.

Ниже обратимся к нескольким избранным публикациям о Костюшко, демонстрирующим своеобразие «подачи» его образа польской читающей публике в эти годы. Хотя, безусловно, публикаций о нем (особенно в связи с кончиной в 1817 и похоронами его останков на Вавеле в 1818 г.), если учесть и информационные издания, было гораздо больше. Юзеф Красиньский вспоминал, что когда из Швейцарии пришло известие о смерти польского национального героя, «Император Александр I, великодушный даже по отношению к доблестным неприятелям, которые воевали с его предшественниками, не только не запрещал всем публичным изданиям прославлять его (Костюшко. — *Н.Ф.*), но даже издал указ, разрешающий перевезти его тело в Краков»³.

На пике надежд, связанных с либеральной политикой Александра I, в 1818 г. в важнейшем для эпохи литературно-эстетическом ежемесячном журнале «*Pamiętnik Warszawski, czyli dziennik nauk i umiejętności*» (1815–1823), была опубликована «Элегия на смерть Тадеуша Костюшко» Канторберия Тымовского⁴.

Характерно, что С. Папе, составитель антологии, посвященной образу Костюшко в польской литературе, в 1946 г. публикует «Элегию» Тымовского лишь частично, пропуская строки, в которых упоминаются российские

¹ Цит. по: Россия и Польша в 1814–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. № 4. С. 243, 246.

² Россия и Польша при Александре I // Русская старина. 1882. Т. 35. № 7. С. 141–142. (В этой публикации, как и в той, на которую я ссылаюсь выше, приводятся французский оригинал и русский перевод писем).

³ *Kraśiński J.* W pierwszych latach Królestwa Kongresowego // Biblioteka Warszawska. 1913. Т. 2. S. 54.

⁴ *Tymowski K.* Elegia na śmierć Tadeusza Kościuszki // *Pamiętnik Warszawski, czyli dziennik nauk i umiejętności.* 1818 (styczeń). Т. 10. S. 103–112.

императоры, и называя изложение поэтом биографии героя «неинтересным»⁵. Авторы польских работ XX в., посвященных теме и образу Костюшко в польской культуре, старались не заострять внимания на произведениях, выдержанных в пророссийской риторике⁶. Однако парадокс состоит в том, что Тымовский — не тот автор, которого соотечественники могли бы обвинить в недостаточном патриотизме. Несколькими годами раньше он активно писал стихи, воспевающие участие поляков в российской кампании Наполеона и полные воинственных призывов: «Ода по поводу торжеств Генеральной Конфедерации 28 июня 1812 г.», «К литвинам», «К нашим братьям на московской службе» (в последнем он, в частности, называл бывшие польские территории Российской империи «землей, которую топчут варвары»). Все они в 1812 г. были опубликованы в центральных газетах Герцогства Варшавского. Однако в те годы (примерно до восстания 1830 г.) к смене политической конъюнктуры представители польских элит относились довольно легко. Нравственный императив верности своему народу и идее возрождения польского государства успешно сочетался в сознании польского патриота с верностью тому иноземному правителю, с которым связывались надежды обретения независимости. Поэтому апелляции Тымовского, занявшего в Царстве Польском высокую государственную должность при министре Просвещения С.К. Потюком и продолжавшего сочинять стихотворения «на случай», к Александру I и Павлу I были вполне в духе эпохи. Использование автором новой политической риторики роднит его со многими другими поэтами.

«Элегия на смерть Тадеуша Костюшко» К. Тымовского выполняла в Царстве Польском официально-патриотическую функцию, ее неоднократно декламировали в театрах на музыку К. Курпиньского. Ее автор был известен также «Элегией по поводу возвращения останков князя Юзефа Понятовского польским войском на родину» (1815). Кончину Костюшко он сравнивает со смертью Юзефа Понятовского, усматривая в этом событии новое «оживление народного горя». Объединяющие нацию лозунги звучат в начале и конце стихотворения: всеобщее горе, по словам автора, демонстрирует единство «семьи Леха» и связывающие поляков «бессмертные узы». Он призывает соотечественников к тому, чтобы в их в сердцах не угасал «братский огонь», «ибо суровое будущее покажет, что умер последний поляк».

Что касается описания жизни и славных дел Костюшко, то они намечены лишь пунктиром и скрыты за иносказаниями. Тымовский прославляет польского героя прежде всего как защитника свободы, которому школой послужил американский опыт, поскольку приверженность ценностям вольности и независимости универсальна. Борьба за чужую свободу сформировала того, чьим призванием было сражение во имя соотечественников. О борьбе же Костюшко за свободу отчизны, о ее победных страницах рассказано скупой и невнятной. Главное, что Костюшко защищает родную землю — ту, где «течет река сарматов»:

Tam na słynnej żniwem roli,
Zazdrosny swobód, zazdrosny zaszczytów,
Kwitnie dzielny szczep Lechitów,

⁵ *Papée S.* Tadeusz Kościuszko w literaturze polskiej: Antologia 1746–1946. Kraków: Księgarnia S. Kamińskiego, 1946. S. 36–39.

⁶ Анализ корпуса польских текстов, посвященных Костюшко и написанных в первые годы после его смерти, содержит монография К. Шреневской [8. S. 56–76]. Рассматриваемые стихотворения в ней не упоминаются, однако наблюдения о влиянии политической ситуации на посмертный образ польского героя представляются верными.

Chwała współziomków i króli:
Tu, aby nie dał w ohydzie
Zginać ojczyźnie która wieki chwały liczy,
Lud, w bohaterów zamienić rolniczy,
KOŚCIUSZKO idzie.

(Там, на славной изобилием земле, / Ревностный к свободе и чести, / Живет храбрый народ Лехитов, / Слава земляков и королей. / Сюда, чтобы не дать в бесчестье / Погибнуть славной в веках отчизне, / Превратить в воинов народ-хлебопашец / Идет КОСТЮШКО.)

Удерживаемая в руках восставших и защищаемая их грудью Варшава, как и в других рассматриваемых ниже произведениях, сравнивается с Троей. О горестной минуте «гибели отчизны» автор отказывается рассказывать, объясняя это тем, что справедливость восторжествовала у трона Александра I. Последний именуется здесь Августом в честь прославленного римского императора, своими победами завершившего гражданские войны: «Имя Польши было провозглашено устами Александра Августа».

Прославляет Тымовский и Павла I. Этот «повелитель миллионов, над владениями которого не заходит солнце, явился, оставив на время первейший из тронов, чтобы освободить защитника Польши», заточенного «в великом городе Петра». Поступок российского императора, по словам поэта, гораздо больше возвышает Костюшко, нежели какой бы то ни было лавровый венок.

Когда же Венский конгресс «изменил облик мира», обремененный прожитыми годами герой не поверил в возрождение отчизны, усмотрев в происходящем лишь неопределенные надежды. Переживший горький опыт, Костюшко – подобно капитану, который, побывав в штормах, боится тихой гавани, не вернулся в Польшу, «обретшую новую жизнь волею Александра I».

Другое произведение, заслуживающее внимания, – это напечатанная в издании «*Tygodnik Polski*» в 1819 г. «Историческая дума о Тадеуше Костюшко, написанная перед его смертью» авторства Станислава Стажиньского⁷. «*Tygodnik Polski*» издавался теми, кого В. Пушкин назвал «новым Парнасом» предромантической Варшавы. Так польский историк литературы именовал молодого, но чрезвычайно плодовитого журналиста, публициста, издателя, которого с полным правом можно назвать владельцем первого в Польше концерна периодической печати, одну из центральных фигур культурной жизни конституционного Королевства Польского – Бруно Кичиньского и его единомышленников. Кроме издававшейся им и Т. Моравским серии газет либеральной политической направленности, выпуск которых повлек за собой конфликт с правительством и введение цензуры на периодическую печать («*Gazeta Codzienna Narodowa i Obca*» (1818–1819), «*Kronika drugiej połowy roku 1819*» и «*Orzeł Biały*» (1819–1820)), с 1818 по 1822 г. под редакцией Кичиньского и близких ему по духу литераторов также выходило последовательно три издания, каждое из которых продолжало другое: «*Tygodnik Polski i Zagraniczny*» (1818, тт. 1–4), «*Tygodnik Polski*» (1819–1820) и «*Wanda*» (1820–1822). Эти издания, в отличие от упомянутых выше принадлежавших Кичиньскому печатных органов, были литературными. Объединяла издателей, в числе которых были также Ю. Брыкчиньский и Ф.С. Дмоховский, и публиковавших на страницах редактируемых ими журналов свою поэзию и прозу литераторов – таких как А. Плихта, К. Бродзиньский, А. Кожуховский, единая общественная позиция. Она заключалась в либеральных, просветительских взглядах и в то же время в стремлении

⁷ [Starzyński S.]. Duma historyczna o Tadeuszu Kościuszcze przed Jego śmiercią napisana // *Tygodnik Polski*. 1819. T. 2. S. 173–182. Сведения об авторстве приводятся по кн. [5. S. 165].

к совершенствованию, развитию и упрочению уже существовавшего государственного организма – конституционного Царства Польского. Это, в частности, дало возможность В. Пушу опровергать устоявшееся мнение, согласно которому в Царстве Польском литература не поднимала национальных и общественных проблем [5. S. 162]. Особенностью изданий было то, что, по сравнению с другими, в них преобладали поэтические произведения разных жанров, в том числе связанные с исторической тематикой «думы» и «оды» (порой дата их написания и авторство из политических соображений специально камуфлировались, чтобы создать иллюзию давности написания и политической нейтральности публикуемых материалов).

«Дума» С. Стажиньского представляет собой произведение на десяти страницах. Сегодняшний читатель, не подготовленный исторически, не знающий истории восстания и не владеющий языком эпохи, вряд ли сумел бы разобраться в его содержании. Конфликт Польши и России, его причины, сама история польско-российского противостояния здесь максимально затушеваны, завуалированы иносказаниями, метафорами, именами античных героев – путеводителями служат лишь названия мест сражений: Дубенка, Рацлавице, Мачеевице. Говорится лишь о «длительных несчастьях» Польши, о ее борьбе с «превосходством и влиянием соседа», о том, что часть отчизны была занята «войсками победителя», в то время как сама отчизна породила «полчища низкого отродья», которые разрушили правые начинания, порушили мудрую конституцию. Большинство же поляков, угнетаемых чужой силой, но пылавших святой жадой свободы и славы, вооружились отвагой и встали на защиту страны. Подчеркивается добродетель поляков, заключающаяся не только в доблести, но и в том, что это народ, находящийся «в первом ряду держав и известный в мировом масштабе», а главное – такой, который «всегда будет верен своим кормчим, но не сможет долго находиться под гнетом».

Имя героя скрыто за иносказаниями: он и Аристид (афинский полководец, подвергшийся остракизму и временно уехавший на остров Эгину), и Гектор (один из главных троянских героев в «Илиаде»), и, конечно же, слывший образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу римский патриций Цинциннат. Он и Военачальник (*Naczelnik*) поляков, и тот, кто завоевал уважение Дж. Вашингтона и Б. Франклина. Рассказ о передвижениях Военачальника сопровождается упоминанием о его соратниках – Гуго Коллонтае и Игнации Потоцком, находится место и для политкорректного комплимента в адрес «доблестного Зайончека», наместника Царства Польского после 1815 г. Интересно, что русские нигде не названы русскими, не упоминается также Суворов. Те, между кем, собственно, имеет место военное противостояние, названы также иносказательно: речь идет о войне греков (это русские) и троянцах (это поляки). И те, и другие – достойные противники и равны в своем мужестве. Они сражаются как рыцари, их «равняет между собой, с одной стороны, перевес сил, с другой – отчаяние и отвага». Костюшко падает на землю, получив последний удар от рук «смелых донских казаков». Однако неприятель благороден, и, как пишет автор, «вид почетного ранения во имя отчизны вызывает слезы у противника».

Некто, пришедший освободить Костюшко из заточения (описанного также очень условно), также не назван по имени. Отворяет двери темницы «тот, кто только лишь недавно принял во владение обширные края». Отдавая дань благородству великого польского мужа, он сокрушает его оковы, «доказав своим славным поступком, что добродетель всегда побеждает». Естественно, что финал

связывает дело, за которое боролся польский герой, с образованием конституционного Царства Польского. Именно это событие «дало новую жизнь» «братьям» Костюшко и стало его утешением, как и то, что «Великодушный потомок его избавителя (т.е. Александр I. — *Н.Ф.*) осчастливил народ Леха».

С одной стороны, «Дума» содержала стандартный набор примет той самой романтической легенды Костюшко, которая сложилась позднее и о которой подробно писали, в частности, М. Янион и М. Жмигродская [2. С. 276–303]. Обязательными чертами романтического образа польского героя были несчастная любовь, которую он пережил в юности, его происхождение из обедневшего шляхетского рода, из-за чего он не смог добиться руки дочери гетмана, а также скромность, философские наклонности, республиканские идеалы, приобретенное уважение в странах, где превыше всего ценится свобода. Все это вкупе с членством в американском «Обществе Цинциннатов» закрепило за ним прозвище Цинцинната. С другой — автор уже на первой странице упоминает «польского короля», «под опекой которого расцвело просвещение», и подчеркивает, что именно за его дело сражался Костюшко. Верность польскому монарху Станиславу Августу Понятовскому не раз подчеркивается поэтом: это легитимизирует все действия Костюшко против русских и позволяет, несмотря ни на что, восхвалять его именно как славного рыцаря.

И, наконец, в 1822 г. сам Кичиньский публикует в издании «*Wanda*» «Оду на смерть Тадеуша Костюшко». В заглавии было обозначено, что данное стихотворение — «перевод с французского», а его источником являются «письма из Нормандии»⁸.

В этом стихотворении, занимавшем всего две страницы, восславлялось бессмертие Костюшко, который на «вечном троне славы» «восседает на первом месте возле счастливого Вашингтона». Подчеркивалось, что «меч мщения за отчизну» был взят героем «с алтаря долга», что он стал великим на поле боя, несмотря на поражение. Характерны для официального жизнеописания героя также акценты на том, что победители героя удостоили его еще большей славы и что он «снижал уважение королей», предпочтя скромную жизнь лавровому венку триумфатора.

Особого рассмотрения заслуживает наиболее характерная для 1820-х годов и наиболее пространная из всех публикаций, озаглавленная «Некоторые черты из жизни Тадеуша Костюшко». Она была помещена в следующих друг за другом номерах издания «*Tygodnik Wileński*» в 1821 г.,⁹ а также издана отдельной брошюрой¹⁰. Виленская пресса, в отличие от варшавской, издавалась в пределах Российской империи и, следовательно, неизбежно должна была помещать больше прорусских, верноподданнических материалов. Однако во времена кураторства А.Е. Чарторьским Виленского учебного округа она находилась в едином дискурсивном поле с варшавскими изданиями, пропагандируя польский патриотизм и идею культурного сближения поляков и русских. Как и «*Dziennik Wileński*», «*Tygodnik Wileński*» также активно занимался знакомством польского читателя с русской культурой.

Знаменательно, что Костюшко был представлен текстом, переведенным с русского и принадлежащим перу Федора Глинки. Автор «Писем русского

⁸ Kiciński B. Oda na śmierć Tadeusza Kościuszki. Z francuskiego // *Wanda*. 1822. T. 1 (styczeń). S. 17–18.

⁹ [Glinka T.] Niektóre rysy życia Tadeusza Kościuszki // *Tygodnik Wileński*. 1821. T. 1. S. 153–163, 265–274; T. 2. S. 33–43.

¹⁰ Glinka T. Niektóre rysy życia Tadeusza Kościuszki. Tłum. z rosyjskiego. Wilno: Alexander Żółkowski, 1821. 55 s.

офицера» в одном из их томов опубликовал жизнеописание Костюшко, которое имело позитивное значение для знакомства русского читателя с фигурой польского национального героя¹¹. Однако и польский читатель в 1820-е годы знакомился с биографией героя по жизнеописаниям, составленным иностранцами и переведенным на польский язык. Поэтому произведение Глинки сыграло свою роль в формировании легенды Костюшко на польских землях в 20-е годы XIX в. [8. S. 108–109].

Ф. Глинка, неоднократно проходивший вместе с русскими войсками через польские земли в 1805–1806 гг. и во время заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., описал и свои в высшей степени благоприятные впечатления от Польши. Он с сочувствием отзывался о нации, на долю которой выпала незавидная политическая судьба: «Слышишь ли ты там, в далекой глубине лесов, и там, по уединенным развалинам древних замков, стон, подобный стону человека, умирающего в пустыне? Это стонет древний дух польский! [...] Многие веки будут слышать стон его и пройдут мимо. Напрасно надежда шекотит сердце, напрасно жены и девы польские, пылающие духом древних рыцарей, заставляют юношей своих петь любимую песню их:

Еще Польша не погибла, доколе мы живы:
Все, что прежде потеряли, саблями воротим!» (с. 272).

Между прочим, литератор отмечал, что «во всех, даже беднейших, домах» ему довелось видеть портрет Костюшко.

В сочинении, посвященном жизнеописанию Костюшко, Глинка демонстрирует уважение по отношению к польскому герою, подчеркивая, что написал свой текст в местах, где родился Костюшко, общаясь с лицами из его близкого окружения и глядя на его мраморный бюст. Этот очерк содержал романтизированную биографию Тадеуша Костюшко, рассказывал о том, как формировались его патриотизм, совершенное владение военным искусством, широта мысли и горизонт познаний, философский склад ума. Благодаря наукам «он видит рождение царств и народов, их возвышение, славу и падение» и желает «вписать имя свое в бытие мира и заслужить рукоплескание народов, подержав падение великолепных развалин своего отечества» (с. 273–274). Рассказывалась история романтической любви героя, история его пребывания в Северной Америке, где он «воспылал желанием сделаться участником в священной народной войне» и почувствовал «презрение к порочной Европе» (с. 277). Возвратившись в свое отечество, по словам автора, он застал его «растленным роскошью, слабодушием и развратом вельмож»: «Пожары домашних раздоров пылали внутри Польши»; «Екатерина Великая наводила гром свой на чело буйной Варшавы; великий Суворов извлекал меч» (с. 278–279).

Говоря о начале восстания и военных действий против русских и пруссаков, когда Костюшко был «избран в предводители голосом и сердцами целого

¹¹ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год, с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. В 8 ч. М.: В типографии С. Селивановского, 1815–1816. Ниже цитируется по переизданию: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. / Писана Федором Глинкой. [Печ. с изд. 1815 г. без перемен]. М.: типография «Русского», 1870. 500 с. В скобках указываются страницы.

Очерк о Костюшко был также опубликован отдельным изданием: Глинка Ф.Н. Черты из жизни Тадеуша Костюшки, плененного российским генералом Ферзеном. СПб.: В типографии И. Байкова, 1815. 51 с.

народа» (с. 281), автор подчеркивает стремление польского военачальника защитить пленных от мести черни. В уста Костюшко Глинка вкладывает слова: «Я уважаю россиян, несмотря на то что они теперь неприятели наши» (с. 284).

Центральным эпизодом очерка является, безусловно, битва при Мацеевицах и пленение Костюшко. Характерно и типично для официального исторического дискурса эпохи то, что описывая военные действия, повествователь занимает объективную позицию *над* обеими сторонами, стараясь отдавать дань военной доблести, проявленной и поляками, и русскими. Так описано и главное историческое сражение. Костюшко – «вождь мудрый, но не всеведущий» – собирается напасть с рассветом на русских, занятых переправой через Вислу (с. 287). «Но русские не дремлют!»: и Суворов, и Ферзен, и доблестный генерал Денисов – все проявляют себя как герои. Однако главным ореолом славы освещен центральный персонаж повествования. Вот некоторые цитаты из текста Глинки:

«Русские начали бой [...]. Вздрогнули поляки, но вождь их был бодр. [...] Голос любимого вождя одушевлял воинов, и сражение было упорно. Многие русские, стоявшие в долине, видели ясно одного человека небольшого роста, в смуром краковском кафтане, проворно бегающего по высотам замка и с необычайной отважностью метко наводящего орудия свои – это был сам Костюшко! [...] Среди убийств и разрушения, облит дымящейся кровью, на грудах растерзанных тел, стоит Костюшко непоколебим...» (с. 289).

Согласно автору, Костюшко велик не только потому, что его мысли возвышенны и глубоко патриотичны, но и потому что прозорлив, предвидя падение Польши. В то время, когда его соратники еще надеются на приход подкрепления, он восклицает: «Погибло отечество, смерть нам или плен!» (с. 290).

Показательно и то, что Глинка, также в духе официального дискурса, акцентирует взаимное уважение противников и даже их взаимовыручку на поле боя. Впрочем, общее понятие чести, действительно, порой сблизало офицеров воюющих сторон. Об этом неоднократно писали польские и русские мемуаристы, описывая военные действия 1812 или 1831 г. Раненого Костюшко спасает русский гусарский офицер, услышавший стенания умирающего польского воина: «Храбрые русские! Спасите знаменитого вождя нашего Костюшку!» (с. 290). Русские омывают его раны, делают перевязку и несут к генералу Ферзену. Костюшко же «при всяком случае доказывал уважение к русским и преимущественно к Суворову. Герой Рымникский умел также ценить достойного вождя поляков». В плену Костюшко находится на попечении «искуснейших врачей», ему присылают из Варшавы «дорожную бричку его, Арапа, выехавшего с ним из Америки, и три тысячи червонцев» (с. 291).

Не обходится Глинка и без описания «той важной минуты в жизни Костюшко, когда великий Монарх Севера даровал ему новую жизнь, возвратя свободу» (с. 291). Более того, по сути, Павел I является главным героем всей этой поучительной истории. По словам автора, это был «государь высокого духа, умевший отдавать полную цену добродетелям и благородству» (с. 292). Следует вспомнить, что именно Павел I из всех русских царей (включая даже Александра I, восприятие которого в Польше было двойственным) оставил в польской исторической памяти положительный след, представляя собой исключение и даже составляя некоторую альтернативу другим российским императорам. И это было связано в первую очередь с тем, как император отнесся к Тадеушу Костюшко. Очевидно, импонировал он польской ментальности и своим сложившимся образом «рыцаря на троне». Вот что пишет о преемнике Екатерины II польский историк – современник эпохи Ф. Скарбек: «Каковы

были истинные намерения Павла I относительно Польши? Хотел ли он исправить политическую ошибку Екатерины и вернуть независимую Польшу? Или же намеревался исполнить вторую часть завета Петра Великого, т.е. отнять владения Пруссии и Австрии с тем, чтобы потом присоединить к империи всю Польшу? Ответы на эти вопросы погребены вместе с самим монархом, погибшим преждевременной смертью. Известно только, что он освободил знаменитых польских пленников, что дал разрешение сформировать польское войско и призвать туда выходцев из Польши, что вернул некоторым полякам их владения, конфискованные Екатериной, и, наконец, что повелел присоединить к своему титулу титул польского короля и предпринял безрезультатные усилия, чтобы получить от Пруссии и Австрии отторгнутые части Польши» [6. S. 3].

В рассматриваемом тексте император обращается к Костюшко как к «герою, имеющему право, по добродетелям своим, на уважение света» (с. 292–293). Польского военачальника он застаёт «в глубокой задумчивости, окружённого чертежами и книгами, пристально рассматривающего изображение земного шара» (с. 292) и переживающего, что вихрь истории стирает с лица земли народы и государства, в том числе его отчизну.

Главная мораль, которую польский читатель-современник должен был извлечь из цитируемого нами исторического очерка, вложена в уста Павла I, отвечающего Костюшко, что его отечество «еще существует на лице земном», но «поляки не могут быть народом самобытным (в польском переводе: «od siebie zależący»). — Н.Ф.), но они могут быть счастливы и будут благополучны под сенью скипетра русского» (с. 292). Другой урок состоит в том, что национальный герой поляков смиряется с Божьей волей и отказывается от борьбы. «Нет! Думал он, один человек не может остановить бурного течения обстоятельств [...]. Я ли виновник, что растление нравов, забвение древней славы и расслабление душ погрузило соотчичей моих в междоусобные раздоры и отняло у них руки к защите себя! С сего времени да будет воля Бога, управляющего судьбами Вселенной и царств!» (с. 293). Освобожденный благородным российским монархом из Петропавловской крепости, он не возвращается более к бурной политической жизни и уходит на покой. «Тихое уединение» делает Костюшко «независимым от человеческих страстей» (с. 293).

Знаменательно и то, что Костюшко в интерпретации автора предвидит счастливое будущее Польши под скипетром Александра I, отказавшись возглавить польский корпус, направлявшийся воевать в Россию в 1812 г. Его предчувствия оправдываются, когда он видит Александра Благословенного, «гремящего на высотах Монмартра и милующего заблужденных в стенах Парижа» (с. 294).

Присутствие Костюшко в польской культуре в первые годы после его смерти не ограничивалось, безусловно, периодической печатью, а распространялось на литературу в целом и на такие очень важные для того времени жанры, как речи и проповеди или же либретто театральных постановок. В связи с интересующей меня проблематикой отмечу, например, вышедшее отдельным изданием стихотворение сторонника польско-русского сближения (автора стихов «Поляки к русским в 1813 г.») Антония Выбрановского «Мысли о Павле I в связи с кончиной Костюшко»¹². О Костюшко писали и говорили также такие центральные фигуры польской общественной и литературной жизни, как Ю.У. Немцевич, Я.П. Воронич, К. Козьян. Некоторые тексты их сочинений и выступлений, кульминационным моментом которых стало

¹² *Wybranowski A. Myśli o Pawle I z powodu zgonu Kościuszki. B.m., 1817. 4 s.*

возведение кургана Костюшко в Кракове, публиковались отдельными изданиями и на страницах центральных газет в разных частях Польши (например, «*Gazeta Krakowska*», «*Sybilla Nadwiślańska*», «*Pszczółka Krakowska*»).

Особый контекст сопровождал публикации в «*Sybilla Nadwiślańska*». Редактируемая Ф. Гжималой «*Sybilla Nadwiślańska*» была одним из последних периодических изданий Царства Польского, имевших выраженное оппозиционное направление. «*Sybilla*» продолжила упомянутую выше серию политизированных изданий Кичиньского и Моравского («*Gazeta Codzienna Narodowa i Obca*» (1818–1819), «*Kronika drugiej połowy roku 1819*» и «*Orzeł Biały*» (1819–1820)). В 1821 г. вышло шесть ее номеров. Здесь страницы, посвященные историческому прошлому, перемежались со злободневными материалами о современной политической ситуации в Европе и Польше, выдержанными в либеральном духе. Так, сами за себя говорят заголовки статей «О развитии личной свободы в Польше и других странах» (заканчивалась публикация наблюдениями над ситуацией в Российской империи)¹³, «Мысли гражданина конституционного государства»¹⁴, «Политический образ Европы»¹⁵. В разделе «История» из номера в номер публиковались материалы, посвященные выдающимся историческим личностям Польши и героическим страницам ее прошлого, например «Портреты славных поляков»¹⁶, обзор конституции 3 мая и сравнение ее с конституцией 1815 г.¹⁷, «Историческая песнь о генерале Ясинском» (автор — Б. Кичиньский)¹⁸, «Воспоминания князя Юзефа Понятовского о войне с русскими в 1792 г.»¹⁹ и др. Открывала эту серию публикация, озаглавленная «Очерки из жизни Тадеуша Костюшко». В ней прямо указывалось на то, что дань памяти «защитнику народной свободы», «на руках которого скончалась Польша», связана прежде всего с тем великим национальным делом, которому он служил и о котором поляки будут помнить вечно. Говорилось также о том, что польские читатели ждут от соотечественника, известного своими литературными талантами и делившего с Костюшко узы заключения (имелся в виду Ю. У. Немцевич) обширного сочинения о полководце. Анонсировалось изложение и разбор рассмотренного выше сочинения Ф. Глинки о Костюшко. В качестве приложения к статье публиковались письма Костюшко, по словам издателя, ранее не печатавшиеся. В первом из них, адресованном в июле 1794 г. генералу Хрущеву, жена и дети которого остались заложниками в Варшаве, военачальник писал о том, что «сердца поляков далеки от всякой мести». Второе содержало обращение Верховного национального совета повстанцев к Костюшко после битвы под Мацеевицами с высокой оценкой его заслуг²⁰. В следующем номере публикация писем Костюшко была продолжена²¹. Фигурировал Костюшко и в воспоминаниях Ю. Понятовского о войне 1792 г., заканчивавшихся словами: «Это была священная война, потому что Войско Польское не выступало на стороне произвола и деспотизма, а защищало свободы, унаследованные от предков, защищало границы своей земли»²².

¹³ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 1. S. 63–70; Nr. 5. S. 302–315.

¹⁴ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 1. S. 71–73; Nr. 2. S. 137–138.

¹⁵ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 3. S. 163–175; Nr. 4. S. 245–252; Nr. 6. S. 364–373.

¹⁶ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 3. S. 175–181.

¹⁷ *Sybilla Nadwiślańska*, 1821. Nr. 4. S. 280–298; Nr. 6. S. 319–345.

¹⁸ *Sybilla Nadwiślańska*, 1821. Nr. 5. S. 299–302.

¹⁹ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 5. S. 278–285; Nr. 6. S. 345–364.

²⁰ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 1. S. 73–75.

²¹ *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 2. S. 132–134.

²² *Sybilla Nadwiślańska*. 1821. Nr. 6. S. 363.

Материалы, опубликованные в «*Pszczółce Krakowskiej*», журнале, издаваемом и редактируемом в 1819–1822 гг. Константином Маерановским, вышли в Варшаве отдельной брошюрой²³. Туда вошли, в частности, ода поэта, переводчика и драматурга Павла Чайковского²⁴ и речь краковского профессора гомилетики Юзефа Винцентия Ланьцуцкого²⁵. Сам Маерановский, автор «Кантаты в честь основания могильного холма Тадеуша Костюшко 16 октября 1820 г. в Кракове», неоднократно делал военачальника героем своих произведений. Написанная им и поставленная в Кракове в 1820 г. лирическая сцена «Первая любовь Костюшко» была посвящена прощанию молодого героя с любимой им Людвикой Сосновской. В этом спектакле Костюшко предсказывает будущую судьбу Польши, декламируя:

Nie na długo, cna Polsko, ulegniesz przemocy,
Przyjdzie Aniół od Północy,
Uzna szlachetne zapały,
Przywróci twój byt, imię i zwróci do chwały.

(Недолго, добродетельная Польша, ты будешь под гнетом,/ Явится Ангел с Севера,/ Вознаградит благородные стремления,/ Вернет тебе жизнь, имя и прежнюю славу) (цит. по: [4. S.111]).

«*Pszczółka Krakowska*», рассказывая об успехе «Первой любви», упоминала «слезы радости, слезы воспоминаний, милых сердцу поляков, которым сегодня можно во всеуслышание говорить о своей исторической славе, наслаждаться своим бытием и именем»²⁶. В 1821 г. тот же Маерановский написал либретто оперы «Костюшко на берегах Сены», в которой действие происходит во Франции в 1814 г., где Костюшко с удовлетворением узнает о благоприятных для Польши намерениях Александра I²⁷.

Исторически сложилось так, что первые отклики на смерть Костюшко, совпавшие с расцветом конституционного Царства Польского и надеждами поляков на либеральную политику Александра I, несли на себе выраженный отпечаток эпохи. Образ Костюшко оказался тесно связанным с личностями Павла I и Александра I. Для литературы и публицистики этого периода характерно затушевывание самой сути исторического конфликта, в результате которого Костюшко стал вождем польского народа, подчеркивание его связи с последним королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским. Как пишет К. Щреневска, «Костюшко таким образом оказался в лагере роялистов, был представлен едва ли не как опора трона. Исчезла прежняя картина, на которой роялисты и инсургенты находились на противоположных полюсах, а король и его окружение видели в вожде лишь отрицательного героя. Теперь все, чем Костюшко еще четверть века тому назад вызывал раздражение [...], было отнесено к разряду добродетелей — теми же самыми людьми или же их младшими братьями и сыновьями» [8. S. 62]. Кроме того, исследовательница отмечает христианские добродетели, на которые, в противовес политическим,

²³ Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «*Pszczółki Krakowskiej*». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. 24 s.

²⁴ *Czajkowski P.* Oda do wzniesionej mogiły dla Kościuszki // Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «*Pszczółki Krakowskiej*». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. S. 21–24.

²⁵ *Łańcucki J.W.* Do cieniów Tadeusza Kościuszki w czasie uroczystych obrzędów sypania mogiły przez wszystkich stany mieszkańców W.M. Krakowa i jego okręgu na uwiecznienie pamiątki jego przeznaczony, dnia 16 października 1820 r. // Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «*Pszczółki Krakowskiej*». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. S.17–20.

²⁶ Цит. по: *Papée S.* Tadeusz Kościuszko. S. 40–41.

²⁷ [*Majeranowski K.*] Kościuszko nad Sekwaną: Opera narodowa w 2 aktach, oryginalnie wierszem napisana / Z muzyką F.S. Dutkiewicza. Kraków: Nakład redakcji «*Pszczółki Krakowskiej*», 1821. 59 s.

делался акцент в посмертной литературе о Костюшко, что сыграло роль в придании его образу образцовых черт поляка-католика.

Обратим внимание также на подчеркивание гуманного отношения Костюшко к побежденным русским, и, напротив, отсутствие антирусских нот при упоминании о пленении и заключении Костюшко в Петербурге. Надо отметить, что подобная интерпретация не была исключительно характерной лишь для рассматриваемого периода. Что касается отношения руководителя восстания с русскими, то их уважительное обращение со своим пленником отмечалось и прежде, и потом. Так, Ю. Морелевский в одном из своих «Плачей» по разделу Польши (один из них был посвящен Костюшко), написанных в 1795 г., обращаясь к «славному узнику», находящемуся в заключении, утверждает, что его величие признает и «враг». По словам поэта, даже «гордая тобой, таким узником, Нева, шадя, омывает крепость, где ты о нас печалишься»²⁸. Еще долго мотив пребывания Костюшко в Петропавловской крепости оставался привлекательным для писателей – в качестве примера можно привести одноактную драматическую сцену Адама Сташчика «Костюшко в Петербурге» (Львов, 1904).

Тем не менее рассмотренный материал убедительно демонстрирует вынужденные в эпоху конституционного Царства Польского конвенции в проявлениях патриотизма, актуальных, правда, лишь до начала 1820-х годов. После 1822 г. ужесточилась цензура по отношению к произведениям, в которых отношения Польши и России освещались не надлежащим образом (предварительная цензура сначала на периодические издания, а затем и на всю печатную продукцию, выходящую в Царстве Польском, была введена указами наместника Ю. Зайончека в 1819 г.). Предпринимались попытки скоординировать действия петербургских и варшавских цензоров. Так, в списке, присланном в 1827 г. министром внутренних дел В.С. Ланским Н.Н. Новосильцеву, присутствовала книга К. Фалькенштейна о Костюшко²⁹. По поводу этой книги было высказано замечание, что в ней содержатся недопустимые высказывания о Екатерине II и Павле I. В ответе Новосильцева говорилось, что это произведение, вышедшее на немецком языке (и впоследствии переведенное на французский), – среди прочих – уже запрещено в Царстве Польском [1. S. 236].

В связи с этим подчеркну, что в данной статье исследован лишь определенный пласт культуры – культура официальная. И несмотря на то что черты «официального» образа Костюшко внесли свой вклад в память о нем, в стороне от моего исследования остался другой – глубинный пласт, оказавшийся на первом плане уже в эпоху романтизма и продемонстрировавший сложные механизмы исторической памяти, опирающейся на преемственность национально-патриотической традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год, с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. В 8 ч. М.: В типографии С. Селивановского, 1815–1816.

Глинка Ф.Н. Черты из жизни Тадеуша Костюшки, плененного российским генералом Ферзенем. СПб.: В типографии И. Байкова, 1815. 51 с.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. / Писана Федором Глинкой. [Печ. с изд. 1815 г. без перемен]. М.: типография «Русского», 1870. 500 с.

²⁸ Цит. по: *Papée S. Tadeusz Kościuszko*. S. 22–23.

²⁹ *Falkenstein K. Thaddäus Kosciuszko*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1827. 294 s.

- Россия и Польша в 1814–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. № 4. С. 241–276.
- Россия и Польша при Александре I // Русская старина. 1882. Т. 35. № 7. С. 141–146.
- Czajkowski P. Oda do wzniesionej mogiły dla Kościuszki // Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «Pszczółki Krakowskiej». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. S. 21–24.
- Falkenstein K. Thaddäus Kosciuszko. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1827. 294 s.
- Glinka T. Niektóre rysy życia Tadeusza Kościuszki. Tłum. z rosyjskiego. Wilno: Alexander Żółkowski, 1821. 55 s.
- [Glinka T.] Niektóre rysy życia Tadeusza Kościuszki // Tygodnik Wileński. 1821. T. 1. S. 153–163, 265–274; T. 2. S. 33–43.
- Kiciński B. Oda na śmierć Tadeusza Kościuszki. Z francuskiego // Wanda. 1822. T. 1 (styczeń). S. 17–18.
- Kraśniński J. W pierwszych latach Królestwa Kongresowego // Biblioteka Warszawska. 1913. T. 2. S. 41–67.
- Łańcucki J.W. Do cieniów Tadeusza Kościuszki w czasie uroczystych obrzędów sypania mogiły przez wszystkich stany mieszkańców W.M. Krakowa i jego okręgu na uwiecznienie pamiątki jego przeznaczonej, dnia 16 października 1820 r. // Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «Pszczółki Krakowskiej». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. S. 17–20.
- [Majeranowski K.] Kościuszko nad Sekwaną: Opera narodowa w 2 aktach, oryginalnie wierszem napisana / Z muzyką F.S. Dutkiewicza. Kraków: Nakład redakcji «Pszczółki Krakowskiej», 1821. 59 s. Opis święta narodowego założenia mogiły Tadeszowi Kościuszce. Odbitka z «Pszczółki Krakowskiej». Warszawa, wydaw. anonim., 1820. 24 s.
- Papée S. Tadeusz Kościuszko w literaturze polskiej: Antologia 1746–1946. Kraków: Księgarnia S. Kamińskiego, 1946. 142 s.
- [Starzyński S.]. Duma historyczna o Tadeuszu Kościuszce przed Jego śmiercią napisana // Tygodnik Polski. 1819. T. 2. S. 173–182.
- Sybilla Nadwiślańska. Warszawa, 1821. T. 1. Nr. 1–6.
- Tymowski K. Elegia na śmierć Tadeusza Kościuszki // Pamiętnik Warszawski, czyli dziennik nauk i umiejętności. 1818 (styczeń). T. 10. S. 103–112.
- Wybranowski A. Myśli o Pawle I z powodu zgonu Kościuszki. B.m., 1817. 4 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gąsiorowska N. Wolność druku w Królestwie Kongresowym. 1815–1830. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1916. 438 s.
2. Janion M., Żmigrodzka M. Romantyzm i historia. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2001. (Wyd. 2). 712 s.
3. Oleksowicz B. Legenda Kościuszki. Narodziny. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2000. 302 s.
4. Papierzowa A. Libretta oper polskich z lat 1800–1830. Kraków: PWM, 1959. 261 s.
5. Pusz W. «Nowy Parnas» przedromantycznej Warszawy. Bruno Kiciński i grono jego współpracowników. Wrocław; Warszawa etc.: Ossolineum, 1979. 254 s.
6. Skarbek F. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // Skarbek F. Dzieje Polski. Poznań: Księgarnia J.K. Żupańskiego, 1877. T. 2. 314 s.
7. Sznicer-Gałkowska I. Postać Tadeusza Kościuszki w refleksji poetyckiej // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Filologia Polska. Historia i Teoria Literatury. 2001. Z. VIII. S. 159–171.
8. Sreniowska K. Kościuszko bohater narodowy: Opinie współczesnych i potomnych 1794–1946. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1973. 265 s.
9. Tadeusz Kościuszko w historii i tradycji / oprac. J. Kopczewski. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1968. 461 s.

REFERENCES

- Gąsiorowska N. *Wolność druku w Królestwie Kongresowym. 1815–1830*. Warszawa, Gebethner i Wolff Publ., 1916, 438 p. (In Pol.)
- Janion M., Żmigrodzka M. *Romantyzm i historia*. Gdańsk, Wydawnictwo słowo/obraz terytoria Publ., 2001, (Wyd. 2), 712 p. (In Pol.)

- Oleksowicz B. *Legenda Kościuszki. Narodziny*. Gdańsk, Wydawnictwo słowo/obraz terytoria Publ., 2000, 302 p. (In Pol.)
- Papierzowa A. *Libretta oper polskich z lat 1800–1830*. Kraków, PWM Publ., 1959, 261 p.
- Pusz W. «*Nowy Parnas*» przedromantycznej Warszawy. Bruno Kiciński i grono jego współpracowników. Wrocław; Warszawa etc. Ossolineum Publ., 1979, 254 p. (In Pol.)
- Skarbek F. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. *Skarbek F. Dzieje Polski*. T. 2. Poznań, Księgarnia J. K. Żupańskiego Publ., 1877, 314 p. (In Pol.)
- Sznicer-Gałkowska I. Postać Tadeusza Kościuszki w refleksji poetyckiej. *Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Filologia Polska. Historia i Teoria Literatury*. 2001, z. VIII, pp. 159–171. (In Pol.)
- Śreniowska K. *Kościuszko bohater narodowy: Opinie współczesnych i potomnych 1794–1946*. Warszawa, Wydawnictwo naukowe PWN Publ., 1973, 265 p. (In Pol.)
- Tadeusz Kościuszko w historii i tradycji*, oprac. J. Kopczewski. Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych Publ., 1968. 461 p. (In Pol.)

Сведения об авторе

Филатова Наталия Маратовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения Российской ака-
демии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID ID: 0000-0003-0599-211X
E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Information about the author

Filatova Natalia M.
Ph D. (History), Senior Research,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-0599-211X
E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 51–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 51–64

DOI: 10.31857/S0869544X0022314-8

Оригинальная статья / Original Article

«Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе

© 2022 г. М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)

maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы деятельность институтов памяти в славянских странах Центральной и Восточной Европы, а также Балканского региона, их роль в ревизии истории и формировании нового мемориального канона, призванного консолидировать общества зарубежных славянских государств. Новизна исследования состоит в сравнительном анализе институций, которые определяют основные векторы и траектории исторической политики. В статье проанализированы фактор антикоммунизма в деятельности институтов памяти, а также основные исследовательские проекты. Результаты исследования позволяют предположить, что институты памяти являются важным фактором в развитии современных политических славянских идентичностей в контекстах как ревизии прошлого, так и формирования новых мемориальных канонов.

Ключевые слова: институты памяти, историческая память, политика памяти, ревизия истории, мемориальный канон, антикоммунизм.

Ссылка для цитирования: *Кирчанов М. В.* «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0022314-8.

«Institutions of Memory» as a Form of Historical Politics in Central and South-Eastern Europe

© 2022. Maksym V. Kyrchanoff

Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to analyze the activities of memory institutions in the Slavic countries of Central and Eastern Europe, as well as the Balkan region. The author examines the role of memory institutions in the revision of history and the formation of a new memorial canon. The novelty of the study lies in the comparative

analysis of institutions that determine the main vectors and trajectories of historical politics as a politics of memory. The article analyzes the factor of anti-communism in the activities of the institutions of memory, and the main research projects of the institutions of memory. The article shows the contribution of memory institutions to the revision of the communist past and the construction of new versions of national historical memories, invented to consolidate the societies of foreign Slavic states. The results of the study suggest that the institutions of memory became important factors in the development of modern political Slavic identities in contexts of revision of the past and the formation of new memorial canons.

Keywords: institutions of memory, historical memory, politics of memory, revision of history, memorial canon, anti-communism.

Reference for citation: *Kyrchanoff Maksym V.* «Institutions of Memory» as a Form of Historical Politics in Central and South-Eastern Europe // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Science.* = *Slavyanovedenie.* 2022. № . С. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0022314-8.

Введение. Важным явлением в современной научной и культурной жизни ряда стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы стала политизация исторического знания, известная в историографии как «историческая политика» или «политика памяти».

В научной литературе, сфокусированной на политически и идеологически мотивированных манипуляциях с историей, отсутствует единая дефиниция «политики памяти», изначально возникшая в ФРГ, а под немецким влиянием – в Польше. В германской историографии существует понятие «*Geschichtspolitik*» [20], а в польской – «*polityka historyczna*» [22]. На статус компромиссного претендует определение А. Миллера, согласно которому «набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [1], представляют собой историческую политику.

Историография накопила значительный опыт изучения политики памяти, выделив ее системные характеристики, важнейшей из которых является появление специализированных институтов, вовлеченных в реализацию мемориальной политики в интересах правящих элит. Современные постсоциалистические страны актуализируют различные варианты развития подобных институций, но работы российских историков посвящены в основном национальным вариантам исторической политики.

В данной статье предпринят анализ деятельности институтов памяти в ряде стран ЦВЕ, а также Болгарии. На современном этапе действуют Институт памяти нации (*Ústav pamäti národa*, далее – ИПН) в Словакии, Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (*Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu*, далее – ИНП) в Польше, Институт изучения тоталитарных режимов (*Ústav pro studium totalitních režimů*, далее – ИИТР) и Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма (*Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu*) в Чехии и Институт исследования недавнего прошлого (*Институт за изследване на близкото миналото*, далее – ИИНП) в Болгарии.

Ревизия коммунистического прошлого как основа деятельности институтов памяти. Общим направлением в деятельности институтов памяти является ревизия истории коммунистических режимов, формирование негативного образа

коммунизма как универсальной угрозы демократии. По мнению украинской исследовательницы И. Колесник, профессиональные историки могут по-разному относиться к правящим элитам, обслуживая их интересы или находясь в оппозиции [11. С. 9]. Поэтому создание институтов памяти сняло перед некоторыми интеллектуалами эти нравственные и этические дилеммы, позволив им открыто реализовать все эти стратегии, формируя новый мемориальный канон, заниматься изучением архивных фондов или подвергать критике предшествующий режим.

ИИП в Польше – классический пример институционализации органа государственной власти, призванного корректировать национальную память [25] – в качестве основы нового канона исторической памяти видит «расследование коммунистических преступлений, совершенных против лиц польской национальности или польских граждан других национальностей в период с 8 ноября 1917 г. по 31 июля 1990 г.»¹. В Словакии ИИП позиционируется в качестве специализированной организации, также призванной формировать новую версию исторической памяти путем изучения истории коммунистического режима в контексте его преступлений².

Подобные мотивы лежали в создании ИИИП в Болгарии. Болгарские участники политики памяти отталкиваются от того, что «спустя более 20 лет после краха коммунизма болгарское общество все еще пытается осмыслить свое недавнее прошлое. Коммунистическое прошлое преодолено, но не забыто, продолжает воспроизводиться по принципу функционирующих сетей, наводящих мосты между коммунистическим режимом и современными политическими или общественными деятелями»³. В этой ситуации Институт призван корректировать историческую память болгарского общества, маргинализируя позитивное восприятия коммунистического наследия, продвигая содержательно иные интерпретации истории, которые, по мнению ряда интеллектуалов, «соответствуют подлинным ценностям демократической жизни»⁴.

Аналогичные цели ставит и официальный дискурс ИИП в Словакии, активность которого фокусируется на сборе документов о социалистическом периоде, облегчения доступа к ним, а также на «реконструировании аппарата власти» для более эффективного изучения преступлений тоталитарных режимов против словацкой нации⁵. ИИП содействует реабилитации жертв коммунистического режима, раскрывая имена как пострадавших, так и сотрудников органов государственной безопасности, что, по мнению некоторых историков и публицистов в Словакии, может «продвигать идеи свободы и защищать демократию от режимов, подобных нацизму и коммунизму»⁶.

Как предположил австрийский славист Р. Линднер, «только в исключительных случаях историки вновь будут учиться своему ремеслу» [13. С. 22]. В условиях общей политизации исторического знания, ее последствиями воспользовались идеологически мотивированные интерпретаторы прошлого, склонные соотносить результаты исследований с требованиями актуальной повестки дня, учитывая также интересы элит. В этой ситуации ряд тем, связанных

¹ Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154, O-IPN.html>

² O Ústave pamäti národa. URL.: <https://www.upn.gov.sk/sk/o-ustave-pamati-naroda/>

³ Институт за изследване на близкото минало: За нас. URL.: <https://minaloto.bg/за-нас/>

⁴ Институт за изследване на близкото минало: За нас. URL.: <https://minaloto.bg/за-нас/>

⁵ Ústav pamäti národa: Organizačná štruktúra. URL.: <https://www.upn.gov.sk/sk/organizacna-struktura/>

⁶ Ústav pamäti národa: Úlohy ÚPN. URL.: <https://www.upn.gov.sk/sk/ulohy-ustavu/>

с изучением истории левоавторитарных режимов в Центральной Европе, оказался в сфере не академического сообщества, а в большей степени части интеллектуалов, склонных реагировать на внешние запросы и потребности политического класса. Подобной логике подчинено функционирование большинства институтов памяти.

Среди целей ИИТР в Чехии – «выявление и беспристрастная оценка периода несвободы и периода коммунистической тоталитарной власти, определение антидемократической и преступной деятельности государственных органов, особенно силовых структур, а также преступной деятельности Коммунистической партии Чехословакии и других организаций, основанных по идеологическому принципу»⁷. В этом контексте политика памяти развивается в направлении коллективной социальной амнезии, основанной на деконструкции политически и идеологически неудобных моментов истории через их последовательную маргинализацию. Задачи конструирования негативного образа коммунизма возложены на Управление документации и расследования преступлений коммунизма, созданное в структуре МВД и призванное «выявлять и расследовать преступления, совершенные в период с 25 февраля 1948 г. по 29 декабря 1989 г.»⁸.

Большинство усилий подобных институтов, таким образом, направлены в одинаковой степени как на ревизию сложившихся ранее версий памяти, которые унаследованы от социалистического периода, так и на конструирование нового мемориального канона. Последний, правда, крайне ограничен в формировании версий гражданской идентичности, которые объединяли бы граждан стран Центральной и Восточной Европы, а также Балканского полуострова, так как политически мотивированные интервенции интеллектуалов в историю коммунистического прошлого в большей степени содействуют фрагментации общества по идеологическому принципу.

Локализация коммунистического в современной памяти фактически стала его деконструкцией путем новейшего, фактически – ревизионистского, «изобретения» образов ПНР в контекстах истории социальной несправедливости и бедности [27], антикоммунистической борьбы [37], католического сопротивления [29], последовательной демонизации политической системы социалистической Польши [21]. Подобная общая тематика штудий институтов памяти, вероятно, свидетельствует о верности предположения В. Аусвэйта и Л. Рэя о том, что «крах коммунизма представлял собой дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [4. С. 30], которые оказались в центре интересов институтов, включенных в мемориальную политику. Новый канон формируется путем интеграции в него тех версий памяти, которые в ПНР были маргинальны [33]. В современной Польше они, наоборот, воспринимаются как основа новой национальной памяти, проводимой через маргинализацию образов коммунистического прошлого и глорификацию антикоммунистической борьбы.

Тематическая направленность исследований Института национальной памяти в Польше актуализирует общие тенденции коммеморации,

⁷ Zákon Č. 181/2007 Sb. Ze dne 8. června 2007 o Ústavu pro studium totalitních režimů a o Archivu bezpečnostních složek a o změně některých zákonů. Změna: 160/2008 Sb. Změna: 167/2012 Sb. Změna: 250/2014 Sb. URL.: <https://www.ustrcr.cz/o-nas/zakon-c-181-2007-sb/>

⁸ Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu. URL.: <https://www.policie.cz/clanek/urad-dokumentace-a-vysetrovani-zlocinu-komunismu-679905.aspx>

воспроизводимые другими подобными институциями: пересмотр коммунистического прошлого и продвижение его негативного образа как стержня новой версии национальной памяти. Польская версия мемориальной политики, реализуемой ИИМП, представляет собой классическую для остальных стран региона модель институционализации политики памяти, так как, по мнению Р. Трабы, «ни одна из стран Центральной и Восточной Европы (кроме Польши) не проходила через очную ставку с собственным прошлым» [2. С. 44] в масштабах, сопоставимыми с польскими.

Издательская деятельность институтов памяти. В издательской деятельности ИИМП декларирует в большей степени научные, а не политические цели. Болгарские участники политики памяти в отношении коммунистического прошлого указывают на приоритетность изучения режима НРБ как «идеологического и политического явления» в контекстах различных историографических подходов — от традиционной событийной модели прошлого до социальной истории, а также культурной антропологии, интеллектуальной и устной истории⁹.

ИИМП в определенной степени отличается от аналогичных институций в Словакии или Польше, так как занимает стабильную нишу в болгарском научном книгоиздании, регулярно публикуя как источники личного происхождения [10], фиксирующие гетерогенные памяти [19], интерпретируемые не только через призму национальной репрессированной памяти, но и рассматриваемые в рамках конструктивистской историографии. Поэтому ИИМП активен в публикации исследований, сфокусированных на феномене мемориальной культуры [7] в теоретической перспективе, формировании нового канона памяти и национального мнемонического пространства, в который в одинаковой степени были бы интегрированы и большие нарративы современной болгарской историографии.

Последние связаны преимущественно с попытками создания «всеобщей», синтетической, истории НРБ [16], ее интеграцией в теории тоталитаризма [18], а также в более частные версии памяти, сфокусированные на коммунистическом опыте принуждения и подчинения [15] различных групп болгарского общества [5] в истории страны [9] в рамках социалистического режима. Публикации ИИМП от аналогичных изданий похожих институций, например, в Польше отличаются большей академической фундированностью, представляя собой не просто опубликованные тексты источников личного происхождения, но и попытки описания новейшей истории страны через призму конструктивистской историографии.

Издательские инициативы присутствуют в деятельности и других институций, призванных содействовать пересмотру исторической памяти в Центральной и Восточной Европе, но их тематика в значительной степени отлична от преимущественно академического дискурса, существующего в Болгарии. Польские и словацкие издательские инициативы в этом направлении формируют в большей степени дискурс персональной истории, обеспечивая современные и последующие поколения историков уникальным корпусом источников. В этом отношении в Польше и Словакии институты памяти работают в сфере текстуализации и фиксации аутентичной исторической памяти о коммунистическом прошлом, в то время как ИИМП нацелен на ревизию и реинтерпретацию пласта коллективных и индивидуальных памятей, связанных с НРБ. В целом же все подобные издания подчинены общей логике

⁹ Институт за изследване на близкото минало: Мисия. URL.: <https://minaloto.bg/за-нас/>

формирования негативного образа коммунистического прошлого и его маргинализации в национальной памяти. Поэтому новейшая история Словакии второй половины 1940-х – конца 1980-х годов в издательских проектах ИПН, конструируется как национальная травма, вызванная репрессивной политикой [34], деятельностью партийной номенклатуры [26], милитаризацией общества [30], преследованием отдельных социальных групп (студентов [23], католического духовенства [24]) по идеологическим мотивам.

В аналогичном направлении развивается и активность Института изучения тоталитарных режимов в Чехии, сфокусированного на восприятии коммунизма как намеренного эксперимента, направленного на уничтожение прав и свобод человека. Поэтому участники политики памяти создают академический образ коммунизма как периода экономического кризиса и бедности [35], противостояния общества и государственного аппарата [31], деформаций в развитии культуры [32] и последовательного сопротивления ему со стороны его противников [28].

Подобная тематика исследований формирует образ жертвы, что вынуждает участников коммеморации действовать в режиме «забывания» и вытеснения определенных моментов из мемориального канона, стимулируя выборочную политически мотивированную амнезию. Таким образом, в основе процесса фрагментации общества лежат не только идеологические причины, но и разное понимание прошлого.

Исследовательские проекты институтов памяти, направленные на деконструкцию коммунистического наследия. Институты памяти постсоциалистической Европы реализуют различные проекты, направленные как на ревизию коммунистического наследия, его изъятие из коллективной памяти, так и на формирование новых версий мемориального канона. Институт исследования недавнего прошлого реализует исследовательские проекты под лозунгом «Давайте переосмыслим историю недавнего прошлого»¹⁰, что вписывается в стратегии «осознания и признания коллективной ответственности за травматическое прошлое, связанные с огромными трудностями проработки и преодоления тоталитарного наследия» [6], чем и занимается ИИНП.

Первым проектом ИИНП стал проект «Пробужденная память – голоса снизу», преследовавший цель «поддержать создание общедоступных практик, которые не только освобождают заблокированную память, но и продвигают определенные модели поведения и ценности», для чего предусматривалось изучение «активных рефлексий относительно прошлого, используя механизмы личной истории». Реализуя этот проект, Институт исходил из необходимости одновременной деконструкции и конструкции памяти путем не просто пересмотра и ревизии истории, но через большую визуализацию в пространствах болгарской коллективной исторической памяти «забытого и скрытого», что было подвергнуто принудительной маргинализации и вытеснению, вынуждая болгар с 1944 по 1989 г. прибегать к «молчанию, неучастию, отчуждению от собственного прошлого»¹¹.

По мнению участников проекта, не только формирование нового канона памяти, но и пересмотр его более ранних версий был бы невозможен без «восстановления связи с анонимными носителями памяти о прошлом», для чего необходимо «услышать голоса людей, голоса, которые раньше были едва слышны, голоса снизу, голоса людей на периферии системы, исполнителей

¹⁰ Да преосмыслим историята на близкото минало. URL.: <https://minaloto.bg/category/projects/>

¹¹ Разбудена памет – гласовете отдолу. URL.: <https://minaloto.bg/разбудена-памет-гласовете-отдолу/>

предписанных ролей, растоптанных или обласканных ею, не сумевших осмыслить свой жизненный опыт и потому все еще бессильных»¹². В этом контексте болгарская политика памяти, в отличие, например, от польской и чешской, склонных к идеологически мотивированной ревизии коммунистического прошлого как почти исключительно негативного опыта, актуализировала тенденции в переоценке памяти путем ее интеграции в контексты социальной и культурной антропологии.

Проект «Политики памяти и знания» сфокусировался на изучении политически и идеологически мотивированного использования образов прошлого в болгарском обществе. Участники проекта поставили задачи ревизии исторической памяти путем замены одних образов другими, для чего через средства массовой информации стимулировался «интерес и критическое знание о коммунистическом периоде». Болгарские участники исторической политики в рамках реализации этого проекта актуализировали ее близость с польской моделью формирования нового компромиссного канона, добываясь доступности архивных документов о политических репрессиях в НРБ, «институционализируя память о недавнем прошлом через образовательные мероприятия и мемориальные учреждения»¹³.

Институты памяти и проблемы правового статуса жертв авторитарных режимов. Институты памяти активное внимание уделяют как проблемам антикоммунистического движения, так и статусам их участников в современном обществе. Например, проект ИИНП «Диссидентские культурные движения в Восточном блоке — пособие для студентов» был направлен на пересмотр интеллектуальной и культурной истории Болгарии периода социализма через популяризацию истории альтернативных диссидентских культурных движений в социалистических государствах. Партнерами в реализации проекта стали Управление Национального комитета памяти (Венгрия), польские и румынские университеты, а также две албанские и чешское НПО¹⁴. В рамках проекта предпринимались попытки распространения новых версий исторической памяти среди молодого поколения путем организации открытых лекций и выставок, посвященных истории цензуры.

Если ИИНП актуализирует диссидентский антикоммунистический опыт как часть памяти, то активность ИПН в Словакии носит в большей степени практикоориентированный характер, будучи связанной с присвоением статуса участника и ветерана антикоммунистического сопротивления, что регламентируется Законом № 219/2006 Словацкой Республики «Об антикоммунистическом сопротивлении». В рамках реализации этого проекта Институт выполняет «терапевтическую функцию», так как в центре обсуждения оказываются «только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации» [3. С. 101], нуждавшейся в гражданской консолидации, формой которой в Словакии оказалось присвоение особого статуса лицам, участвовавшим в борьбе с коммунизмом. ИПН принимает решение о признании статуса участника антикоммунистического сопротивления на основании письменного заявления, которое может быть подано родственниками умершего или казненного лица¹⁵. Лица,

¹² Разбудена памет — гласовете отдолу.

¹³ Политики на паметта и знанието. URL.: <https://minaloto.bg/политики-на-паметта-и-знанието/>

¹⁴ Диссидентски културни движения в Източния блок — наръчник за ученици и студенти. URL.: <https://minaloto.bg/category/projects/>

¹⁵ Oddelenie účastníkov a veteránov protikomunistického odboja. URL.: <https://www.upn.gov.sk/sk/oddelenie-ucastnikov-a-veteranov-protikomunistickeho-odboja/>

его получившие, признаются «активными борцами за свободу и демократию» в силу того, что они являлись участниками «незаконной организации или группы, активно борющейся с коммунистическим режимом», авторами «петиций или подобных материалов, направленных на восстановление свободы и демократии», а также вынужденно «покинули Республику в связи с неизбежным арестом и осуждением»¹⁶. Проекты ИПН направлены непосредственно на корректировку исторической памяти и формирование нового мемориального канона, основанного на антикоммунистической идеологии.

Коммеморативные проекты институтов памяти. Если проекты ИИНП направлены на попытки общей ревизии исторической памяти о социалистическом периоде в Болгарии, заменяя одни представления о прошлом другими, то институты памяти в Польше и Словакии не ставят столь амбициозных задач, сосредоточив деятельность на формировании новых образов событий, признаваемых центральными для словацкой и польской идентичностей. В этом отношении большинство проектов имеют прикладной характер, став формой коммеморации моментов в новейшей истории, которые воспринимаются в качестве системных для исторической памяти. Поэтому участие ИПН в мемориальной политике направлено не только на «формирование официального исторического нарратива, касающегося словацкого прошлого», но и на активное использование тоталитарной парадигмы, что автоматически заставляет его акцентировать внимание «на репрессивном характере власти» [12. С. 39] существовавшего режима.

В рамках подобной политики памяти пересмотру подвергаются более ранние представления о событиях 1948, 1968 и 1989 г. 1948 год, например, в рамках современного мемориального канона воспринимается в категориях национальной трагедии, так как «ознаменовал установление тоталитарного коммунистического режима»¹⁷. Стратегии коллективной памяти о событиях Пражской весны со словацкой стороны направлены на «фиксацию в текстовой и аудиовизуальной формах всех важных последствий ставшего культовым 1968 года»¹⁸. В рамках коммеморации падения социалистического режима Институт организовал в 2020 г. Фестиваль свободы¹⁹, призванный содействовать большему распространению формируемого канона памяти, основанного на негативном восприятии наследия коммунистического режима.

По аналогичному принципу выстроены проекты ИИТР в Чешской Республике. Если словацкие участники политики памяти вовлечены в пересмотр старых и формирование новых интерпретаций важнейших событий своей истории, то их чешские коллеги создают новые версии мемориального канона относительно 1968²⁰, 1977²¹ и 1989 г.²² Эти даты в чешской и словацкой тактиках «проработки прошлого» постепенно актуализируют мифы «не только как компонента исторического сознания [...], но и самой исторической науки,

¹⁶ Otázky a odpovede k vybavovaniu žiadostí o priznanie postavenia účastníka a veterána protikomunistického odboja. URL.: <https://www.upn.gov.sk/sk/otazky-a-odpovede-k-vybavovaniu-ziadosti-o-priznanie-postavenia-ucastnika-a-veterana-protikomunistickeho-odboja/>

¹⁷ 48 február. URL.: <https://www.februar1948.sk/>

¹⁸ August 1968: 50. URL.: <https://www.21august1968.sk/>

¹⁹ November 1989. URL.: <https://www.17november1989.sk/>

²⁰ Dokumenty o mezinárodní spolupráci komunistických bezpečnostních SLOŽEK (1948–1989). URL.: <https://www.ustrcr.cz/uvod/vychodni-blok/>

²¹ Ke 40. výročí vzniku Charty 77 pořádají ústr a abs několik akcí. URL.: <https://www.ustrcr.cz/ke-40-vyroci-vzniku-charty-77-poradaji-ustr-a-abs-nekolik-akci/>

²² Stránky věnované událostem roku 1989. URL.: <https://www.ustrcr.cz/uvod/listopad-1989/>

в равной степени формирующей историческое сознание и национальную традицию» [14. С. 186]. Словацкая и чешская политики памяти в этом контексте представляют отдельные даты в новых версиях мемориального канона как центральные события. Новая культура памяти в Чехии в отношении событий социалистического режима сводится к ревизии прошлого через открытие архивов, публикацию источников о деятельности спецслужб в подавлении диссидентского движения, что достигается методами как текстуализации, так и визуализации памяти. Если первая представлена пояснительными комментариями, отражающими основные положения сложившегося мемориального канона, то вторая направлена на «оживление» памяти через публикацию фотографических источников.

Историческая политика, проводимая ИНП в Польше также сфокусирована на большей визуализации ключевых моментов в польской истории второй половины XX в. Проект «Сфальсифицированные выборы в Сейм – 19 января 1947 г.» стал попыткой ревизии польской исторической памяти через разрушение мифа о выборах в Сейм 19 января 1947 г. и формирования их образа как коммунистической фальсификации²³. Проект «Март 1968» актуализирует одновременно борьбу поляков в 1968 г. против коммунистического режима, а также репрессивную политику властей в отношении диссидентов²⁴, «Июнь 76» призван визуализировать историческую память в контексте выступлений поляков против повышения цен в 1976 г.²⁵ Если тематический проект «Август 1980» сфокусирован на появлении «Солидарности», что «принесло надежду Польше и всему миру после многих лет борьбы, когда поляки и другие народы, подавленные коммунизмом, обрели независимость, а каждый из нас обрел свободу»²⁶, то проект «Декабрь 1981» сосредоточен на изучении последствий 13 декабря 1981 г., которые привели к тому, что «рухнули надежды миллионов поляков, а шанс на демократические перемены был отложен на долгие годы. Военное положение принесло большие страдания тысячам людей и их семьям – изоляцию в лагерях для интернированных, тюремное заключение, безработицу, репрессии, в результате которых десятки невинных людей погибли»²⁷.

«*Антропологический поворот в деятельности институтов памяти.* В сравнении с этими польскими проектами, призванными как актуализировать, так и визуализировать память в виртуальном пространстве, самым «прорывным» с точки зрения организации донесения материала до общества и интеграции академической науки и политической конъюнктуры стал проект «Устная история коммунизма в Болгарии. 1944–1989». В этом отношении в политике памяти в Болгарии, реализуемой на институциональном уровне, становится заметным антропологический поворот, так как в рамках реализации подобных проектов коллективная память обретает индивидуальное человеческое измерение и звучание. Реализация этого проекта, который, по мысли его инициаторов, «поможет сложному, но необратимому процессу преодоления коммунистического наследия»²⁸, предусматривала не визуализацию, а звучание исторической

²³ Sfałszowane wybory do Sejmu – 19 stycznia 1947. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/portale-tematyczne/38427,Sfałszowane-wybory-do-Sejmu-19-stycznia-1947.html>

²⁴ Marzec 1968. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/portale-tematyczne/24137,Marzec-1968.html>

²⁵ Czerwiec 1976. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/portale-tematyczne/24127,Czerwiec-03976.html>

²⁶ Sierpień 1980. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/portale-tematyczne/24136,Sierpien-1980.html>

²⁷ Grudzień 1981. URL.: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/portale-tematyczne/24138,Grudzien-1981.html>

²⁸ Устна история на комунизма в България (1944–1989). URL.: <https://minaloto.bg/устна-история-на-комунизма-в-българия-1/>

памяти представителей разных поколений, так как волонтеры записали несколько десятков интервью, которые отражали различные модусы восприятия социалистического прошлого. Эксперты ИИНП не ограничились только механической фиксацией нескольких десятков индивидуальных памятей о прошлом, сопроводив их соответствующими комментариями и анализом, которые фактически содействовали как ревизии истории НРБ, так и ее локализации в «новой» модернистской методологии. Поэтому активность ИИНП может быть описана формулой отношений между «памятью» и «историей», предложенной М. Тодоровой, полагавшей, что взаимозависимость между этими категориями вынуждает общество последовательно фрагментировать мемориальную практику, выделяя ««общие», «социальные», «коллективные» или «народные» памяти» [15], которыми и занимается ИИНП.

Содержательно к проекту изучения устной истории близок проект «Исследования периода коммунизма 1944–1989»²⁹, также реализованный Институтом и призванный предложить основные векторы и траектории формирования и развития нового мемориального канона, основанного на ревизии истории НРБ, для чего предполагалось изучить различные аспекты истории болгарского социализма (от денежной политики до центрального аппарата БКП, от партийной номенклатуры до функционирования органов государственной безопасности, от культурной политики до деятельности и быта историков в период социализма) не в рамках традиционной событийной историографии, но через призму их различных восприятий в памяти поколений, социальных, религиозных и этнических групп.

Среди крупных проектов ИИНП – проект «Помнить и понимать коммунизм в Болгарии». Он предполагал исследование личных биографий представителей разных профессиональных групп социалистического общества (адвокатов, судей, прокуроров, университетских профессоров, писателей, журналистов, православных священников, муфтиев и др.). Реализация этого проекта расширила возможности политики памяти интегрировать достижения академической историографии, в том числе новой социальной истории, что выразилось не только в попытках предложить новые интерпретации прошлого болгарских профсоюзов, здравоохранения, туризма и промышленности³⁰, но и расширить само понятие «память». Такая версия памяти не ограничивается исключительно политически мотивированной критикой коммунистического режима как репрессивного, а расширяет ее формы.

Выводы. Таким образом, Институты национальной памяти в Польше, Словакии, Болгарии и Чехии, основанные в конце 1990-х – в 2000-е годы, стали важными участниками исторической политики, ревизии прошлого и формирования новых мемориальных канонов, призванных сформировать негативные образы коммунистических режимов, предлагая новые версии памяти, основанные на демонизации авторитарного наследия. Основным заказчиком нового мемориального канона является государство. Институты памяти в Польше, Чехии, Словакии созданы властями, а их активность интегрирована в деятельность национальных академий наук и специализированных исторических институтов. Исключение – Болгария, где аналогичный институт является негосударственной структурой, что и определяет источники его внешнего

²⁹ Исследования на периода на комунизма 1944–1989 г. URL.: <https://minaloto.bg/изследвания-на-периода-на-комунизма-1944–1989/>

³⁰ Да помним и разбираме комунизма в България. URL.: <https://minaloto.bg/да-помним-и-разбираме-комунизма-в-българия/>

финансирования и существенно отражается на выборе самих стратегий коммеморации коммунистического опыта.

Институты памяти активно вовлечены в процессы открытия архивов документов специальных служб социалистического периода, что фактически интегрирует их в идеологически мотивированные процедуры люстрации. В отличие от них болгарский Институт изучения недавнего прошлого не только имеет привилегированный доступ к архивам, но и сам занимается сбором устных свидетельств и источников личного происхождения, которые фиксируют различные версии исторической памяти.

Деятельность таких институтов ведет к политизации и идеологизации истории на принципах антикоммунизма (Чехия, Болгария) и католицизма (Словакия, Польша), содействуя формированию новых мемориальных канонов, призванных консолидировать одни группы (бывшие диссиденты, их потомки, сторонники правых идеологий) и маргинализировать другие (бывшие сотрудники спецслужб, партийные функционеры, левые). Поэтому анализируемые институты в Польше и Чехии оказались участниками кампаний по люстрации сотрудников спецслужб и партийных активистов, а в Болгарии местные активисты политики памяти на институциональном уровне ограничиваются попытками привлечь внимание к истории БКП и служб безопасности путем ревизии их истории и формирования отрицательного образа социалистического прошлого в современном обществе.

Институты памяти, таким образом, стали важными факторами исторической политики и формирования нового мемориального канона с целью консолидации общества и легитимации существующих политических режимов. Аналогичные институты активно действуют также в Румынии, Венгрии, постсоветских странах, что указывает на необходимость дальнейшего изучения институционализированных форм политики памяти в сравнительной перспективе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БДРПК – Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма (Прага, Чехия)
ИИМП – Институт исследования недавнего прошлого (София, Болгария)
ИИТР – Институт изучения тоталитарных режимов (Прага, Чехия)
ИМП – КРПП – Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (Варшава, Польша)
ИПН – Институт памяти нации (Братислава, Словакия)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

August 1968: 50. URL.: <https://www.21august1968.sk/>
Instytut Pamięci Narodowej. URL.: <https://ipn.gov.pl/>
November 1989. URL.: <https://www.17november1989.sk/>
48 február. URL.: <https://www.februar1948.sk/>
Ústav pamäti národa. URL.: <https://www.upn.gov.sk/>
Ústav pro studium totalitních režimů. URL.: <https://www.ustrcr.cz/>
Институт за изследване на близкото минало. URL.: <https://minaloto.bg/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер А.И.* Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.
2. *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64.
3. *Шеррер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 89–108.

4. *Айтүэйт Ы., Рэй Л.* Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27–43.
5. *Димитров М.* Политическата логика на социалистическото потребление. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2018. 276 с.
6. *Енев З.* Преработването на миналото – България, 2013 // Либерален преглед. 2013. 9 Юни. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2081-2013>
7. *Знеполски И.* Историкът и множественото минало. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2017. 332 с.
8. *Иванова Е.* Консенсуси на българската памет // Либерален преглед. 2012. 29 март. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45>
9. *Кабакчиева П., Бояджиева П.* (Не)възможният синдикализъм. Строители и учители през комунизма. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2019. 352 с.
10. *Колева Д.* Памет и справедливост. Лични спомени и публични разкази за комунизма. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2020. 368 с.
11. *Колесник І.* Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. 2017. Вип. 9. С. 9–24.
12. *Ластоўскі А.* Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // Палітычная сфера. 2016. № (1). С. 37–55.
13. *Лінднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20–25.
14. *Маркава А.* Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. № 1–2. С. 179–212.
15. *Методиев М., Дерменджиева М.* Държавна сигурност – предимство по наследство. Професионални биографии на водещи офицери. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2015. 976 с.
16. НРБ. От началото до края / ред. *И. Знеполски*. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2011. 478 с.
17. *Тодорова М.* Създаването на един национален герой: Васил Левски в българската обществена памет // Либерален преглед, 2013. 22 май. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10>
18. Тоталитаризмите на ХХ век в сравнителна перспектива / ред. *И. Знеполски*. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2010. 252 с.
19. Трудният разказ. Модели на автобиографично разказване за социализма между устното и писменото / съст. *А. Кьосев, Д. Колева*. София: Институт за изследване на близкото миналото, 2017. 424 с.
20. *Assmann A.* Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2007. 320 s.
21. *Drabik S.* Krakowska organizacja PZPR (1948–1990). Struktury – Członkowie – Działalność. Kraków: Instytut Pamięci Narodowej, 2021. 416 s.
22. *Gawin D.* Po co nam polityka historyczna? // Gazeta Wyborcza. 2005. 30 września.
23. *Glossová M.* „Nespôsobilý na vysokoškolské štúdium”. Previerky a vylučovanie študentov slovenských vysokých škôl. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2021. 260 s.
24. *Jakubčín P.* Pastieri v osidlach moci. Komunistický režim a katolícki kňazi na Slovensku v rokoch 1948–1968. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2012. 215 s.
25. *Kącka K.* Polityka historyczna: kreatorzy, narzędzia, mechanizmy działania – przykład Polski // Narracje pamięci: między polityką a historią / pod red. *K. Kąckiej, J. Piechowiak-Lamparskiej, A. Ratke-Majewskiej*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2015. S. 59–80.
26. *Kinčok B.* Gustáv Husák a jeho doba. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2015. 559 s.
27. *Kozikowski J.* Władza a społeczeństwo. Formowanie systemu komunistycznego w województwie białostockim w latach 1944–1948. Białystok–Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2021. 1080 s.
28. *Kudrna L., Stárek Čuňas Fr.* Kniha v barvě krve. Násilí komunistického režimu vůči undergroundu. Praha: ÚSTR – Academia, 2020. 732 s.
29. *Noszczak B.* Antymilenium. Konflikt państwa z Kościołem na tle obchodów tysiąclecia chrztu Polski (1956–1966/1967). Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2020. 504 s.
30. *Palko V.* Ostro sledovaná hranica. Spravodajská zložka 11. brigády pohraničnej stráže v rokoch 1951–1989. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2020. 264 s.

31. Pinerová K., Louč M., Bušková K. Vězení jako zrcadlo společnosti. Nerovný souboj vědy, politiky a humanity 1965–1992. Praha: ÚSTR – Karolinum, 2021. 478 s.
32. Pinkas J. Jak vzpomínáme na normalizaci. Obrazy normalizační minulosti ve filmu. Praha: ÚSTR – Karolinum, 2020. 238 s.
33. Rulewski J. Wysoka temperatura. Od wolności do wolności 1980–1990 / oprac. naukowe Jan Olaszek. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2021. 344 s.
34. Sivoš J. Bez rozsudku! Pracovné tábory, sústreďovacie tábory a tábory nútenej práce na Slovensku 1945–1953. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2011. 242 s.
35. Šlouf J. Praha v červnu 1953. Dělnická revolta proti měnové reformě, vyjednávání v továrnách a strukturální proměna dělnické třídy. Praha: ÚSTR – Academia, 2021. 216 s.
36. Stobiecki R. Historici a historická politika // Dějiny – Teorie – Kritika. 2007. No. 1. S. 27–41.
37. Wojcieszek E. «Fanatycy» i inni. Opór Wielkopolan wobec komunistów w latach 1956–1970. Poznań; Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019. 320 s.

REFERENCES

- Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Bonn, Bundeszentrale für Politische Bildung Publ., 2007, 320 s.
- Aütüeit Ū., Reš L. Madėrnasts', pamiat's' i postkamunizm. In *Palitychnaia sfera*. 2006, no. 6, pp. 27–43. (In Bel.)
- Dimitrov M. *Politicheskata logika na sotsialisticheskoto potreblenie*. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2018, 276 p. (In Bulg.)
- Drabik S. *Krakowska organizacja PZPR (1948–1990). Struktury – Członkowie – Działalność*. Kraków, Instytut Pamięci Narodowej Publ., 2021, 416 p. (In Pol.)
- Enev Z. Prerabotvaneto na minaloto – Bŭlgariia, 2013. In *Liberalen pregled*. 2013. 9 Juni. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2081-2013> (In Bulg.)
- Gawin D. Po co nam polityka historyczna? *Gazeta Wyborcza*. 2005. 30 września. (In Pol.)
- Glossová M. «Nespôsobilý na vysokoškolské štúdium». *Previerky a vylučovanie študentov slovenských vysokých škôl*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2021, 260 p. (In Slovak.)
- Ivanova E. Konsensusi na bŭlgarskata pamet. In *Liberalen pregled*. 2012. 29 mart. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (In Bulg.)
- Jakubčín P. *Pastieri v osídlach moci. Komunistický režim a katolícki kňazi na Slovensku v rokoch 1948–1968*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2012, 215 p. (In Slovak.)
- Kabakchieva P., Bojadzhieva P. *(Ne)vŭzmozhniat sindikalizŭm. Stroiteli i uchiteli prez komunizma*. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2019, 352 p. (In Bulg.)
- Kaçka K. Polityka historyczna: kreatorzy, narzędzia, mechanizmy działania – przykład Polski. In *Narracje pamieci: między polityką a historią* / pod red. K. Kaçkiej, J. Piechowiak-Lamparskiej, A. Ratke-Majewskiej. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK Publ., 2015, pp. 59–80. (In Pol.)
- Kinčok B. *Gustáv Husák a jeho doba*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2015, 559 p. (In Slovak.)
- Kolesnyk I. Ukraïns'kyi istoryk i vlada: vid prymusu do partnerstva. In *Eidos*. 2017, vyp. 9, pp. 9–24. (In Ukrainian)
- Koleva D. *Pamet i spravedlivost. Lichni spomeni i publichni razkazi za komunizma*. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2020, 368 p. (In Bulg.)
- Kozikowski J. *Władza a społeczeństwo. Formowanie systemu komunistycznego w województwie białostockim w latach 1944–1948*. Białystok; Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej Publ., 2021, 1080 p. (In Pol.)
- Kudrna L., Stárek Čuňas Fr. *Kniha v barvě krve. Násilí komunistického režimu vůči undergroundu*. Praha, ÚSTR – Academia Publ., 2020, 732 p. (In Czech.)
- Lastoški A. Prapratsoŭka kamunistychnaha minulaha ũ Slavakii: asnoŭnyia faktary i dynamika. In *Palitychnaia sfera*. 2016, no. (1), pp. 37–55. (In Bel.)
- Lindner R. Niazmennasts' i zmeny ũ postsavetskaï historyahrafiï Belarusi. In *Kantakty i dyaialohi*. 1996, no. 3, pp. 20–25. (In Bel.)
- Markava A. Historychnaia sviadomasts' iak pradmet samarėfleksii ũ chėshskaï historyahrafiï. In *Belaruskii Historychny Ahliad*. 2012, t. 19, no. 1–2, pp. 179–212. (In Bel.)
- Metodiev M., Dermendzhieva M. *Dŭrzhavna sigurnost – predimstvo po nasledstvo. Profesionalni biografii na vodeshii ofitseri*. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2015, 976 p. (In Bulg.)
- Miller A.I. Rossiya: Vlast' i istoriya. In *Pro et Contra*. 2009, no. 3–4, pp. 6–23. (In Russ.)
- Noszczak B. *Antymilenium. Konflikt państwa z Kościołem na tle obchodów tysiąclecia chrztu Polski (1956–1966/1967)*. Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej Publ., 2020, 504 p. (In Pol.)

- NRB. *Ot nachaloto do kraia* / red. I. Znepolski. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2011, 478 p. (In Bulg.)
- Palko V. *Ostro sledovana hranica. Spravodajská zložka 11. brigády pohraničnej stráže v rokoch 1951–1989*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2020, 264 p. (In Slovak)
- Pinerová K., Louč M., Bušková K. *Vězení jako zrcadlo společnosti. Nerovný souboj vědy, politiky a humanity 1965–1992*. Praha, ÚSTR – Karolinum Publ., 2021, 478 p. (In Czech.)
- Pinkas J. *Jak vzpomínáme na normalizaci. Obrazy normalizační minulosti ve filmu*. Praha, ÚSTR – Karolinum Publ., 2020, 238 p. (In Czech.)
- Rulewski J. *Wysoka temperatura. Od wolności do wolności 1980–1990* / oprac. naukowe Jan Olaszek. Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej Publ., 2021, 344 p. (In Pol.)
- Sherrer Y. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo. In *Pro et contra*. 2009, no. 3–4, pp. 89–108. (In Russ.)
- Sivoš J. *Bez rozsudku! Pracovné tábory, sústredovacie tábory a tábory nútenej práce na Slovensku 1945–1953*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2011, 242 p. (In Slovak.)
- Šlouf J. *Praha v červnu 1953. Dělnická revolta proti měnové reformě, vyjednávání v továrnách a strukturální proměna dělnické třídy*. Praha, ÚSTR – Academia Publ., 2021, 216 p. (In Czech.)
- Stobiecki R. Historici a historická politika. In *Dějiny – Teorie – Kritika*. 2007, no. 1, pp. 27–41. (In Czech.)
- Todorova M. Süzdavaneto na edin natsionalen geroi: Vasil Levski v bulgarskata obshtestvena pamet. In *Liberalen pregled*, 2013. 22 mai. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10> (In Bulg.)
- Totalitarizmite na XX vek v sravnitelna perspektiva* / red. I. Znepolski. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto Publ., 2010, 252 p. (In Bulg.)
- Traba R. Pol'skiye spory ob istorii v XXI veke. In *Pro et Contra*. 2009, no. 3–4, pp. 43–64.
- Trudniyat razkaz. Modeli na avtobiografichno razkazvane za sotsializma mezhdu ustnoto i pismenoto* / süst. A. K'osev, D. Koleva. Sofia: Institut za izsledvane na blizkoto minaloto, 2017, 424 p. (In Bulg.)
- Wojcieszek E. «Fanatycy» i inni. *Opór Wielkopolan wobec komunistów w latach 1956–1970*. Poznań; Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej, 2019, 320 p. (In Pol.)
- Znepolski I. *Istoričit i mnozhestvenoto minalo*. Sofia, Institut za izsledvane na blizkoto minaloto, 2017, 332 p. (In Bulg.)

Сведения об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич,
доктор исторических наук, доцент,
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Information about author

Kyrchanoff Maksym V.,
DSc. (History), associate professor,
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 5, с. 65–87

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 65–87

DOI: 10.31857/S0869544X0022000-3

Оригинальная статья / Original Article

Никола Пашич и Степан Радич. «Реставрационные идеи» в современной сербской и хорватской историографии

© 2022 г. А.А. Силкин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

alexander.silkin.as@gmail.com

Аннотация. Представители историографии бывших югославских республик традиционно принимают участие в непрекращающейся политической дискуссии по поводу того, каким путем должны развиваться государства – наследницы СФРЮ. Ссылаясь на свое глубокое понимание истории, служители Клио указывают определенные явления и временные отрезки, которые должны служить современному обществу идеальными моделями, заслуживающими воспроизведения в настоящем и будущем. Поэтому те или иные исторические деятели с их реальными и мнимыми чертами преподносятся образцами для подражания – провозвестниками всего прогрессивного в области политики и государственного строительства. В частности, глава сербской Народной радикальной партии Никола Пашич и председатель Хорватской (республиканской) крестьянской партии Степан Радич в трудах многих авторов предстают «отцами-основателями» либерально-демократической традиции в Сербии и Хорватии конца XIX – первых трех десятилетий XX в. Соответственно, «реставрации» подлежит «золотая эпоха сербского парламентаризма» (1903–1914), прошедшая под знаком доминирования НРП, и виртуальная «Хорватская нейтральная крестьянская республика» – программа, позволившая ХРКП добиться консолидации хорватского народа в 1920-е годы. Статья посвящена выяснению того, насколько исторически достоверны навязываемые образы прошлого.

Ключевые слова: Сербия, Хорватия, Югославия, республика, парламентаризм, либеральная демократия, политика памяти, исторические мифы.

Ссылка для цитирования: *Силкин А.А.* Никола Пашич и Степан Радич. «Реставрационные идеи» в современной сербской и хорватской историографии // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 65–87. DOI: 10.31857/S0869544X0022000-3.

Nikola Pašić and Stjepan Radić. «Restoration Ideas» in Contemporary Serbian and Croatian Historiography

© 2022. Alexander A. Silkin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

alexander.silkin.as@gmail.com

Abstract. Historians from the former Yugoslav republics traditionally participate in never ending political discussion about the way their homelands should develop. Referring to their profound understanding of the past, scholars indicate certain phenomena and entire time periods that should serve as ideal models for modern society deserving to be «reproduced» in the nearest future. Accordingly, certain historical figures with their real and imaginary virtues are presented as role models – heralds of everything progressive in the field of politics and state building. In particular, the head of the Serbian People’s Radical Party, Nikola Pašić, and the chairman of the Croatian (Republican) Peasant Party, Stjepan Radić, in the works of many authors appear as the «founding fathers» of the liberal democratic tradition in Serbia and Croatia in the late 19th – first three decades of the 20th century. Accordingly, the «golden era of Serbian parliamentarism» (1903–1914), which passed under the sign of the dominance of the PRP, and the virtual «Croatian Neutral Peasant Republic», a program that allowed the C(R)PP to consolidate the Croatian people in the 1920s, are subject to «restoration». The article is devoted to finding out how historically reliable the imposed images of the past are.

Keywords: Serbia, Croatia, Yugoslavia, republic, parliamentarism, liberal democracy, politics of memory, historical myths.

Reference for citation: *Silkin Alexander A.* Nikola Pašić and Stjepan Radić. “Restoration Ideas” in Contemporary Serbian and Croatian Historiography // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 5. P. 65–87. DOI: 10.31857/S0869544X0022000-3.

Двенадцать лет тому назад профессор Белградского университета Мирослав Йованович в книге «Кризис истории» писал о «трансформации исторического сознания» [15. С. 139] сербов и остальных народов бывшей Югославии вследствие потрясений 1990-х – начала 2000-х годов. Профессиональных историков произошедшее побуждало задуматься об изменившейся общественной роли, которую им надлежало играть в странах, возникших на обломках многонационального государства. Попыткой такого переосмысления можно считать как процитированную книгу, так и опубликованные примерно в то же время работы Дубравки Стоянович. Оба исследователя опирались на постулат Люсьена Февра о том, что «науку не создают в башнях из слоновой кости. Она творится в гуще жизни» [1. С. 22]. Поэтому М. Йованович считал актуальной задачу преодоления «огромной пропасти между наукой и обществом, испытывающим большую потребность в истории и в понимании исторических сюжетов» [15. С. 9]. Соглашаясь с коллегой по кафедре всеобщей современной истории, Д. Стоянович утверждала, что предназначение ученого состоит в том, чтобы «искать в прошлом ответы на вопросы, которые ставит сегодняшний день, помогать обществу в рациональном осмыслении современных событий, а также предоставлять знания о причинах явлений и их происхождении» [40. С. 25].

Однако активная вовлеченность в перипетии общественной жизни неизбежно приводит служителя Клио к столкновению с «эпическо-мифологическими и идеологическими злоупотреблениями историей, которые, как правило, осуществляются с целью легитимизации некоей общественной или политической идеи». Это ставит историка перед следующей профессионально-этической дилеммой: «Согласиться с актуализацией событий прошлого, которую навязывают внеученные центры силы, или все-таки бороться за эмансипацию знания и исторического мировоззрения, за рациональное понимание и трактовку этого прошлого». К какому выбору в конце XX – начале XXI в. склонялась сербская историография в лице своих представителей? Не к тому, который М. Йованович считал верным, о чем свидетельствует название его книги. В ней

приводится немало примеров того, как «историческая наука вместо реализации своей основной функции — формирования рационального исторического сознания загромождает мифологическими конструкциями общественную память и без того травмированную и одурманенную мифами» [15. С. 141, 9, 106].

Одним из направлений такого ретроспективного «конструирования» стал поиск условно позитивных эпизодов истории, которые могли бы послужить «опорой» для «сбившегося с пути» сербского народа. Предполагалось «почерпнуть из “прошлого” готовые решения, обнаружить в нем предпочтительные модели социального поведения и системы ценностей, которые позволили бы заложить [...] основу современной коллективной самоидентификации сербов» [15. С. 160]. Другими словами, оглядываясь назад, следовало определить «точку, к которой современное сербское общество могло бы “вернуться”, дабы “исправить ошибки” истории». М. Йованович указал несколько таких «рестаурационных идей» — от «святосавской», предполагающей «прямую связь и преемственность между “славной” средневековой сербской историей и самовосприятием современных сербов», до четнической «равногорской», подразумевающей разрыв с социалистическим прошлым и возвращение к буржуазно-монархическим ценностям.

Убежденные в том, что принадлежность Сербии к европейской политической и культурной традиции нуждается в «историческом» подтверждении, исповедуют «пашичевско-карагеоргиевичевскую рестаурацию». В ее основе — миф о «золотой эпохе сербской демократии (1903—1914)», согласно которому «сербское государство с момента возникновения было открыто для восприятия западных концепций либерализма, парламентаризма и демократии, а политическая элита, получившая образование в западных университетах, полностью принимала западную модель развития и модернизации» [40. S. 26]. В соответствии с такой трактовкой сербское княжество после обретения независимости в 1878 г. в течение двух с небольшим десятилетий, несмотря на полное отсутствие социальных предпосылок, преобразилось в «современное европейское государство». За считанные годы в стране сложились условия для формирования политических партий, введения парламентаризма, а к началу XX в. «почти воплотилась британская двухпартийная модель демократии» [6. С. 172]. Кульминации процесс европеизации якобы достиг в период правления короля Петра Карагеоргиевича (1903—1914), когда Сербия могла считаться «передовой демократией, одной из самых развитых в Европе».

Д. Стоянович, А.Л. Шемякин, а также Ольга Попович-Обрадович [17] посвятили немало работ демонстрации несоответствия данного умозрительного представления реальному положению вещей в Сербии в 1878—1914 гг. Однако комплиментарный взгляд на политическое развитие Сербии не ограничивается указанными хронологическими рамками. Когда речь заходит о межвоенном периоде (1918—1941), некоторые историки склонны трактовать обострение межнациональных отношений в Королевстве СХС/Югославия как следствие противостояния передовой сербской интеллектуальной/политической элиты с косными и ретроградно настроенными представителями югославян бывшей Австро-Венгрии.

По словам Любодрага Димича, «сербская династия Карагеоргиевичей принимала западноевропейскую либеральную гражданскую идеологию», а «политические силы бывшего Королевства Сербия (радикалы, либералы, бывшие напредняки, республиканцы) выступали за либерально-гражданские решения в новом государстве» [26. S. 15]. Оно виделось «парламентской демократией, основанной на европейских стандартах и сербском опыте (курсив мой. — А.С.)»

[10. С. 50]. С коллегой согласился Джордже Станкович, который подобное «видение» приписал главе сербской Народной радикальной партии (НРП) Николе Пашичу. Тот якобы «представлял югославянское государство построенным на либеральных принципах гражданского государства с простым, а не сложным внутренним устройством, с правом голоса для всех совершеннолетних обоих полов, а также народной скупщиной как верховным и неограниченным в своих правах законодательным органом» [18. С. 314].

Возвращаясь к тезису Л. Димича, отмечу, что одним из проявлений прогрессивности взглядов сербских политиков названа приверженность большинства их «модерной политической интеграционной югославянской идее». «Ее последователи, — продолжил автор, — лелея у югославян осознание ими собственной этнической близости, общности языка, территории проживания, стремились к преодолению раздробленности и барьеров, которые оставили предыдущие столетия» [9. С. 108].

Неуспех реализации «модерной идеи» объяснялся тем, что ей «противодействовало партикуляристское сознание аграрного общества с укоренившимися в нем национальными идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными и авторитарными» [11. С. 68]. Носителями оных провозглашены, прежде всего, югославяне-католики, центробежные устремления которых стали основной причиной кризиса первой Югославии. По словам Смиляны Джурович, «бросалось в глаза сопротивление интеграции и централизации со стороны отдельных субъектов политики, [...] претендовавших на представительство отдельных регионов государства, которые они — эти субъекты — стремились представить в качестве так называемых исторических областей. Противоречия между инициаторами процесса становления нового современного капиталистического государства, с одной стороны, и носителями историзма, с другой, в 1920-е годы всерьез препятствовали нормальному функционированию Королевства СХС» [12. С. 274].

А как 1920-е годы оцениваются современной хорватской историографией? В ней превалирует точка зрения хоть и зеркально противоположная вышеприведенной, но ничуть не менее «убедительная». Она, в частности, высказана в коллективном труде «Хорватская политика в XX веке» (2006 г.), объединившем лучшие историографические силы и увенчавшем проект Матицы хорватской «XX век». Ответственный редактор издания Любомир Антич происходившее в первой Югославии тоже трактует как противостояние отсталости и прогресса, объясняя поражение последнего тем, что «не воплотились надежды хорватских и словенских “югославян” на то, что Хорватия и Словения, располагавшие развитым обществом, экономикой и культурой, европеизируют остальную часть нового государства. Наоборот, эта часть их балканизировала. Процесс в первую очередь затронул государственно-политическую сферу, которая [...] характеризовалась навязыванием всей стране сербских довоенных институтов, а именно династии, армии, полиции» [20. С. 53].

Тезис о насильственной «балканизации» — один из элементов «мифологической конструкции», более столетия присутствующей в общественно-политическом дискурсе. Согласно ей, Хорватии от века предначертана роль «последнего отряда европейского фронта против Балкан». В лучшие времена, по словам главы Хорватской народной крестьянской партии¹ Степана Радича, «отряд»

¹ Партия образована в 1904 г. как Хорватская народная крестьянская партия. В 1920 г. изменила название на Хорватскую республиканскую крестьянскую партию. В 1925 г. лидер партии С. Радич признал Видовданскую конституцию и, следовательно, монархическое устройство государства, в результате чего партия была переименована в Хорватскую крестьянскую партию.

был «авангардом Запада», осуществившим «реконкисту» Боснии: «В географическом отношении Босния — это Балканы. Но мы ее дебалканизировали. Она больше не на Балканах» (цит. по [30. S. 348]). В 1918 г. «Запад» вынужденно отступил, и «авангард» превратился в «арьергард», который, подобно рыцарям Карла Великого во главе с Роландом, пал в неравном противостоянии с «сарацинами». «Межвоенное время для Хорватии прошло под знаком разрыва векового союза с Австрией и Венгрией и последовавшего вхождения в первое югославянское государство. Хотя географически Хорватия осталась на прежнем месте, она из центральноевропейского аванпоста в отношении Балкан превратилась в балканский крайний рубеж в направлении Центральной Европы. Последствия этой перемены оказались фатальными» [20. S. 53], — сокрушался процитированный выше Л. Антич.

С подобной оценкой согласился академик Никша Станчич, который, однако, писал не о «балканизации» Хорватии, а о том, что в результате распада Австро-Венгрии ей пришлось прозябать на «периферии европейской модернизации». Для обозначения того неподобающего географического объекта, в котором оказалась Хорватия, он использовал не негативно окрашенный термин «Балканы», а эвфемизм «югославянское государство с центром в Юго-Восточной Европе» [39. S. 13]. О том, сколь «фатально» пребывание в оном, позволяет судить тот факт, что впервые в «Юго-Восточную Европу» Хорватия, по словам корифея науки, попала в результате османского завоевания в начале XVI в. До этого она «по своему общественному и культурному развитию была частью европейского Запада», который «объединял в своих границах территорию от Атлантики до Польши, прибалтийских государств и Украины включительно» [39. S. 9, 12].

Только «пять веков спустя Хорватия снова присоединилась к развитию той части Европы, которую мы именуем европейским Западом, из которого она выпала в Новое время» [39. S. 11, 31]. А именно, вступила в 2013 г. в Европейский союз, осуществив предварительно «продвинутое демократизацию», дабы стать для оного «приемлемой». Теперешний демократизм Хорватии, разумеется, возник не на пустом месте. Корни его обнаруживаются в XIX–XX вв., прошедших, по словам Н. Станчича, под знаком «формирования хорватского гражданского общества и национальной интеграции».

Кому Хорватия обязана этими достижениями? Главную заслугу многие историки и публицисты приписывают С. Радичу, восприятие которого полностью укладывается в вышеприведенную формулу М. Йовановича о «рестаурационных идеях». На современной общественно-политической арене апологеты Радича заняли место между двух крайних лагерей, ностальгирующих по прошлому, а именно, коммуно-югославского и нацистско-ушастешского. Иллюстрацией условной радичевско-демократической «рестаурации» служит цитата из статьи журналиста Звонимира Деспота: «Сегодня Радич должен был бы быть одним из главных образцов для подражания в процессе строительства демократического общества, демократических ценностей. Вместо этого уже много лет Хорватия и хорваты заняты ежедневной междоусобной резней, разделившись на тех, кто за Тито, а кто за Павелича [...]. Наследие Радича превышает рутинной политики и любой политической ориентации. Сказанное им столетие назад имеет значение по сей день [...]. К сожалению, все больше людей, которые ничего не знают о Радиче, а было бы так хорошо, если бы его читали, цитировали» [25].

С Деспотом солидарен профессор философского факультета Загребского университета Хрвое Петрич: «Степан Радич с братом Антуном обрисовали, какой должна быть Хорватия, на какие ценности должна опираться [...]. Правда,

по-видимому, эти идеалы никогда не удастся воплотить полностью, но к этому следует стремиться» [36. S. 542]. Бранка Бобан, главный специалист по истории Хорватской крестьянской партии, свой текст в античевском сборнике резюмирует следующими словами: «В значительной мере поспособствовал развитию современного хорватского национального сознания, неразрывно связанного с демократическими принципами» [23. S. 158].

Дабы восполнить пробелы в политическом образовании соотечественников, Мариян Липовац создал в фейсбуке страницу «Ежедневная доза Степана Радича»². Публицист удостоил лидера Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП) титула «крупнейший хорватский политик и просветитель первой половины XX в.» за то, что он «первый поднял тему прав человека, первым заговорил о правах женщин [...], первым из хорватских политиков выступил за европейскую интеграцию, первым затронул экологические темы» (цит. по [36. S. 540–541]).

В настоящее время, если верить Деспоту, главное препятствие реализации «идеалов» – приверженность многих хорватов крайне левым и крайне правым взглядам. Объясняя, что служило таковым в 1920-е годы, процитированные авторы возвращают нас к мифу о «балканизме», с которым Радич столкнулся в лице «сербийских политиков». «Будучи опьяненными победой в войне, они не были готовы даже разговаривать о его требованиях», – посочувствовала Б. Бобан лидеру ХНКП, которому «пришлось отстаивать свои демократические и либеральные принципы в государстве, которое не имело ничего общего ни с правовым, ни с демократическим государством» [23. S. 152, 158]³. Соавтору по сборнику вторил Антич, по словам которого в Королевстве СХС «атмосферу отравлял политический примитивизм, чуждый той части государства, которое находилось в Австро-Венгрии. Речь идет о насилии, вульгарности в обращении (например, матерщина импортирована с юга), манипуляциях на выборах [...], кумовстве, коррупции» [20. S. 53]. Н. Станчич, будучи специалистом по XIX в., не вдавался в такие мрачные подробности и просто утверждал, что сербская политическая элита «не располагала сложившимися демократическими традициями» [39. S. 28].

Так как «демократизм» преподносится в качестве главного атрибута теории и практики С. Радича, резонно спросить: какая «демократия» имеется в виду? «Что именно означает это понятие, которое принято во всем мире, которому все присягают на верность, и которое после всего того, что произошло в XX в., имеет столько взаимно противоречащих значений, что можно говорить о победе слова над своим собственным смыслом?» [19. С. 19], – я повторю вопрос, сформулированный Д. Стоянович в связи с «золотой эпохой сербской демократии». Однако, прежде чем попытаться найти ответ, оценим достоверность вышеприведенных оценок того контекста, в котором приходилось действовать ХРКП.

Что касается отсутствия демократических традиций у сербов, о нем можно говорить, только если ориентироваться на западноевропейский стандарт. По балканским меркам и в сравнении с тем, что могли себе позволить югославянские подданные Габсбургов, довоенная Сербия в 1903–1914 гг. переживала триумф демократии. В стране действовала конституция, на основе всеобщего избирательного права (для мужчин) формировался парламент, которому престол не мог

² *Lipovac M.*, <https://www.facebook.com/StjepanRadicDnevnaDoza/>

³ В числе основных перечислены следующие требования: республиканского устройства Хорватии, ее международный нейтралитет, упразднение регулярной армии, решение международных споров мирным путем.

навязать свою волю, а соперничавшие партии сменяли друг друга во главе правительства. Нелишне напомнить, что только в 1919 г. после указа принца-регента Александра Карагеоргиевича о распространении на югославянские области бывшей Австро-Венгрии действия сербского избирательного законодательства основная масса сторонников ХНКП получила право голоса.

Обвинение в адрес Белграда в нежелании «разговаривать» с Радичем о его требованиях выглядит неубедительным, если принять во внимание тот факт, что только в марте 1924 г. ХРКП решила отправить собственных депутатов в Народную скупщину [27. С. 161]. Более пяти лет партия бойкотировала и Временное народное представительство (1919–1920), и Конституционное собрание (1920–1921), и регулярный парламент, несмотря на участие в выборах в 1920 и 1923 г. Поэтому именно Радича можно уличить в том, что он не желал «разговаривать» с «сербиянцами», в отличие, например, от коммунистов. Их препирательствами с членами правящих партий полны стенограммы заседаний Уставотворной скупщины. Наконец, если бы в последней присутствовали депутаты от ХРКП, правительству вряд ли удалось бы добиться принятия собственного проекта конституции.

Не вызывает возражений перечисление Античем неприглядных сторон сербского «балканизма». Однако была ли сама Хорватия свободна от кумовства и коррупции, вульгарности и «примитивизма»? Не вполне, как следует из довоенных текстов самого С. Радича. В состоявшемся в мае 1910 г. выступлении перед сабором он указал на общественные язвы, исцеление которых составляло смысл «крестьянской политики» его партии: «Мы хотим наш народ [...] освободить от ужаса чиновничьего, ужаса поповского и [...] ужаса жидовского»⁴. Мы решительно выступаем против чиновничьего произвола, поповского оболванивания и жидовской эксплуатации»⁵. Дополнительно «отравляло атмосферу» то, что одной лишь экономической эксплуатацией «жиды» не ограничивались. «Лукавство у них слилось с дерзновенностью и подлостью в единое душевное свойство»⁶, которое позволило «чужеземцам» подчинить своей воле служителей церкви и некоторых местных политиков. В частности, основоположника хорватского национализма Анте Старчевича, который «подчинился жиду»⁷, а именно Йосипу Франку. Что касается священства, то оно «сегодня покорилося жидам и вместе с ними идет на обед к властям предержажим, чтобы заполучить себе красные кардинальские пояса»⁸. Вспомнить о собственном предназначении С. Радич призвал хорватский клир в рассматриваемом выступлении: «Священство должно быть самым ярким светильником, чистой лампадой, но не должно в той лампаде гореть вонючее жидовское масло!»⁹.

Антисемитизм, разумеется, не та сторона политической деятельности, которую хотели бы афишировать панегиристы Радича. Например, Липовац и цитировавший его Петрич в подтверждение того, что демократизм для их героя был

⁴ С. Радич использовал имеющее оскорбительный оттенок слово «*čifut*» – «жид». Слово «*žid*» переводится с хорватского как «еврей».

⁵ Radić S., Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru (govor predsjednika Seljačke stranke Stjepana Radića, izrečen u Hrvatskom državnom saboru dne 12. svibnja 1910., točno po brzopisnom zapisniku, ponješto skraćeno). Zagreb, 1910. S. 10.

⁶ Radić S. Frankova politička smrt. Zagreb, 1908 (https://archive.org/details/frankova_politicka_smrt_1908-stjepan_radic/page/n7/mode/2up).

⁷ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 9.

⁸ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 30.

⁹ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 35.

превыше национализма, привели следующую фразу: «Если крестьянин и дальше будет получать зуботычины в свободной Хорватии [...], это не та Хорватия, которую мы хотим» (цит. по [36. S. 541]). О том, что авторы скрыли за трюком, можно узнать из статьи Бобан: «Если крестьянин и дальше будет получать зуботычины в свободной Хорватии, *если графы и попы с жидами будут по-прежнему в ней хозяйничать* (курсив мой. — А.С.), это не та Хорватия, которую мы хотим» (цит. по [23. S. 147]). Признавая, что Радич ненавидел евреев, исследовательница, тем не менее, настаивала, что его следует считать «выраженным сторонником толерантного отношения к другим народам». Как одно сочетается с другим, не объяснено, но между строк читатель должен прочесть следующее: и на солнце есть пятна, а вместе с «жидами» крестьянский трибун всегда обличал аристократию и духовенство, что, безусловно, свидетельствует о приверженности социальному равенству и демократии.

Возвращаясь к вопросу о характере последней, отмечу, что национальная терпимость не единственная добродетель, которую при желании можно разглядеть под оболочкой ксенофобии. Радич характеризуется как «политик европейского кругозора» [36. S. 586], «человек европейского формата [...], наш первый образованный модерный политолог» [38. S. 306–307], который, будучи выпускником парижской Свободной школы политических наук, «особенно вдохновлялся демократией в Великобритании» [34. S. 30]. «Организовав модерную политическую партию» (с «модерной во всех отношениях программой» [34. S. 30]), он, по словам Бобан, «стремился применить в Хорватии идеи, которые лежали в основе самых мощных и актуальных общественных и политических движений в Европе, и которые он усвоил, пока учился в Праге и Париже [...]. Желая познакомиться хорватскую общественность с этими идеями и движениями, он написал ряд книг о [...] развитии конституционных и избирательных систем, о разных моделях парламентской демократии, о либеральной демократии» [23. S. 145–146]. Воплощением «краеугольных либерально-демократических принципов» стала «конституция Нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921), в которой предусматривались и по сегодняшним меркам высшие стандарты соблюдения прав и свобод [...], а демократия гарантировалась разделением властей [...], самоуправлением [...], парламентской системой [...], референдумом по вопросу принятия важнейших законов, правом отзыва депутатов и президента, системой контроля работы государственной администрации» [23. S. 158, 152]. С Бобан согласился академик Ходимир Сироткович, по мнению которого конституция содержала «исключительно либеральные позиции». О «либерально-демократических позициях» программных документов ХРКП написал Иво Гольдштейн, назвавший в качестве таковых «социальную справедливость, широкое народное просвещение, верховенство закона [...], контроль исполнительной и законодательной власти путем референдума» [28. S. 74, 45, 46].

Действительно, без перечисленного не построить *démocratie libérale*. Тем не менее вышеприведенная позиция не выглядит неуязвимой. Для ее обоснования используется послевоенный документ, который мог отражать в равной степени и прогрессивное политическое *credo* Радича, и стремление соответствовать ожиданиям целевой аудитории внутри страны и за ее пределами. Показательно, что сразу после описания государственного флага Хорватии в «конституции» следовало перечисление «мировых факторов, которые сделали малые народы субъектами международного права». Благодарность выражалась «в первую очередь великой республиканской Североамериканской Унии»

и «двум крупнейшим западноевропейским конституционным демократиям»¹⁰. Наиболее активно ХРКП апеллировала к ним в 1918–1924 гг., призывая прийти на помощь «европейскому авангарду/арьергарду», поэтому статей о разделении властей, верховенстве закона и тому подобного в «конституции» не могло не быть.

Кроме того, более ранние тексты и выступления свидетельствуют, что либералом Радич себя не считал: «Известно, что первая демократия возникла во Франции, экономическое ее название было либерализм или [...] свободная конкуренция. Она очень пришлась по душе жидам. Вторая демократия – рабочая или социалистическая. Экономическое ее название – конфискация [...], т.е. уничтожение частной собственности в государстве. И ее жида поддержали, надеясь, что конфисковать станут не у них, а у кого-то другого. Третий демократизм – крестьянский, который называется производство или хозяйство. Пока мы на земле, ни к чему нам либерализм и конкуренция. Чем конкурировать, когда у тебя ничего нет?»¹¹. В качестве резюме к этой лекции по политэкономии, которую Радич прочитал коллегам-депутатам в 1910 г., приведу написанное им за пять лет до этого под псевдонимом «Батюшка»: «Либерализм [...] не признает народной души, ставя во главу угла себя, а не “тело народное”. Поэтому [...] далек он от *славянской демократии* (курсив мой. – А.С.) и от хорватской народной крестьянской партии» (цит. по [36. S. 581]).

За подобными заявлениями, по словам англоязычного автора Марка Биондича, стояло представление, будто «наиболее существенной особенностью либеральной идеологии являлась отчужденность государства от общества. По словам Радича, государство “не имело обязанности помогать гражданам, а евреи и либералы тоже учат нас, что не в интересах государства заботиться о бедных людях – крестьянах или нищих, что каждый должен быть предоставлен своей судьбе”» [22. P. 76]. «В отличие от либерализма, – продолжил исследователь, – программа ХНКП делала упор на крестьянскую общину как единое целое, которое противостоит и индивиду, и экономическому принципу *laissez-faire*».

Условный выбор между правами и свободами отдельного человека, с одной стороны, и коллективными интересами «земледельческого сословия», с другой – обуславливался представлением о «пятикратном превосходстве» последнего над остальными общественными группами: «1. Превосходстве в численности, ибо крестьянство составляет подавляющее народное большинство (более 80%); 2. В труде и нажитом имуществе, так как крестьянин работает от зари до зари, и крестьянству принадлежит большая часть совокупного народного имущества; 3. В честности и моральности [...] 4. В политической устойчивости и жертвенности, верности народному языку и народным обычаям, то есть всему тому, что составляет хорватскую народность и хорватское отечество; 5. В человечности»¹².

Неудивительно, что Радич считал крестьянство единственным «политическим фактором», способным «обустроить нашу домовину (отечество. – А.С.) – государство, какое мы все хотим»¹³. Последнее предстает увеличенной моделью крестьянского «дома» (двора) и одновременно совокупностью таких «домов»: «Наша первая задача – защищать и развивать эти дома, а вторая – большую

¹⁰ Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 367–368.

¹¹ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 17

¹² Radić S. Seljački socijalni pokret jedina prava demokracija // *Herceg R.* Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923. S. IX–X.

¹³ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 17–18.

домовину, состоящую из малых домов, превратить, может быть, не в Бельгию или Швейцарию, а в Данию».

С высокой миссией жителей села диссонировало их дискриминированное в политическом отношении положение, за «исправление» которого ответственность лежала на образованных городских слоях. «Зная, что представляет собой народ, какова его физическая и моральная сила, мы обязаны воплотить ее должным образом. Потому что, если в народе той силы нет, интеллигенция останется без дела»¹⁴, — призывал Радич депутатов сабора. Разъяснение, в чем состояло это «дело», демонстрирует, что *la science politique* не единственный корень радичевской идеологии: «Об этом яснее всего написано в русской литературе, которая, на самом деле, литература крестьянская. Русские писатели проповедуют, что они в долгу перед народом, а не народ перед ними. В этом величие русской литературы. Поэтому [...] никто не смеет в саборе говорить “наш бедный робкий народ”, как какой-нибудь жид скажет о просящем милостыню [...]. Если народ превыше всего, если он суверенен, тогда о нем — только с почтением и любовью»¹⁵.

«Ценность русской литературы не только в ее художественных достоинствах, — писал в том же духе брат Степана и сооснователь партии Антун Радич (1868–1919), — для нас она имеет еще большее значение, потому что предлагает решение двух проблем [...]: народной культуры и отношения интеллигенции к народу [...]. Интеллигенция, стремительно восприняв западноевропейскую образованность и чуждые обычаи, стала чужой своему народу. Так разверзлась пропасть между образованными людьми и народом. Лучшие русские люди бились над ее преодолением, в чем помощницей выступала русская художественная литература. Она пробуждала интерес к народу, к его страданиям, воспламеняла благородную любовь к народу и никогда не возвышалась надменно над мужиком-бедолагой» (цит. по [32. S. 85]).

«Поэтому русские народники и русский литературный реализм спрофилировали политический и идеологический мир братьев Радич, — справедливо утверждал современный хорватский историк Стипе Кляич, — Радичи, беря пример с русских народников, собирались освободить “отнародившуюся” интеллигенцию [...] от раболепия перед Западом и вместо него предложили ей культ народа, села и крестьянства [...]. Копируя современный русский опыт, Радичи также восприняли антизападный славянский миф. Западная культура преподносится уничтожителем автохтонной хорватской крестьянской культуры [...]. Отвергая западный гражданский *modus vivendi*, Радичи источником своей идеологии избрали крестьянскую экзистенцию» [32. S. 85].

Преодоление «пропасти» по-радичевски подразумевало реализацию «концепции “крестьянского права”»¹⁶ [22. P. 67], которое должно было защитить от «атеизма и клерикализма, революции и бюрократизма, а также сегодняшних социализма и капитализма — апостола государственного всеислия и тирании денег над трудом» (цит. по: [36. S. 580]). Особую угрозу крестьянским домам представляла индустриализация, ибо «крупная промышленность [...] превращает широкие народные слои в сущих рабов, а земледельческий строй делает человека великаном»¹⁷. Исходя из этого ХНКП настаивала на «расширении

¹⁴ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 32.

¹⁵ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 32.

¹⁶ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 19.

¹⁷ Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 28, 24, 19.

избирательного законодательства», гарантиях «защиты крестьянского надела», организации самоуправляющихся хозяйственно-административных общин, подконтрольных крестьянам.

Послевоенное время принесло новые требования, сформулированные в «конституции». Некоторые ее положения плохо вязались с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве и, в частности, с либерализмом. Например, обязательным атрибутом «республики» должно было стать «правительство крестьянского большинства» (цит. по: [38. S. 301, 304]), а низовой административной единицей провозглашался «крестьянский дом». По-видимому, в интересах «большинства» предусматривалось упразднение всеобщей воинской обязанности и регулярной армии¹⁸, отмена таможенных пошлин и «учреждение кооперативов вместо капиталистических банков»¹⁹. Кроме того, предполагалось закрытие не только университета (как «ложной высшей школы»), но и гимназий с лицеями и реальными училищами (вместо них — народные школы). В соответствии с известным либерально-экономическим принципом «взять все, да и поделить» следовало провести экспроприацию крупных земельных владений²⁰. В целом документ живописал государство максимально необременительное для граждан. Глава III раздела «Б», посвященная «принципам организации» республики, гласила, что та — моральное объединение мыслящих существ [...], хозяйственная организация [...], культурная организация». Республика должна была «полностью уподобиться нашей старой хорватской задруге²¹, где все члены равны, где вся задруга владеет имуществом, где задругары сами выбирают хозяина, которого могут сместить, если он плохо хозяйствует»²².

Примечательно, что до войны Радич придерживался несколько иной позиции. Согласно неоднократно процитированному в настоящей статье выступлению, наличие регулярной армии позволяло «нам жить в полной безопасности, а некоторым даже и беззаботно». Без нее ведение войны представляло бы собой «настоящий бандитизм». Председатель ХНКП также настаивал на необходимости существования высшей школы, уточняя ее подлинное назначение: «Нам нужен университет, который будет служить науке, а не готовить чиновников [...]. В университет должны идти люди, которые посвящают себя науке»²³. И, *last but not least*, по-другому Радич относился к институту монархии: «Политика империи, которой придерживается крестьянская партия, есть политика династическая, то есть политика европейская, потому что обстоятельства сложились так, что наша династия, прежде всего династия европейская».

¹⁸ «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы». (*Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 370*).

¹⁹ Об этом написал в официальной трактовке «конституции» один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег (*Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 36.*).

²⁰ *Radić S. Politički spisi. S. 370.* «Все крупные землевладения, будь то государственные, церковные и частные, упраздняются в принципе. Ни одно землевладение не может быть большим, чем самый крупный крестьянский надел в данной жупании».

²¹ Задруга — большая патриархальная семья у южных славян. Состояла из 20–30 человек, как правило, нескольких сыновей одного отца с их женами и детьми, живших в одном дворе. Хозяйство в такой семье было общим. В главе стоял выборный домохозяин («домачин», «господарь»), руководивший всей ее жизнью с помощью своей жены («домачица», «господарица»), которая ведала женской половиной дома. Высшая власть в задруге принадлежала совету всех членов — взрослых мужчин и женщин, контролировавшему деятельность домохозяина.

²² *Radić S. Politički spisi. S. 342.*

²³ *Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru. S. 1, 7, 69.*

Очевидно, подобную эволюцию взглядов обусловила радикализация настроений «хорватского крестьянина», который, по словам Радича, «на протяжении четырех военных лет [...] не просто был настоящим рабом государства, но и всеми господами — официальными и неофициальными — эксплуатировался хуже любого тяглого скота» (цит. по: [21. S. 194]). Поэтому после войны «за пролитую кровь и слезы [...] он хотел и требовал такой же свободы и прав [...], за которые борются его крестьянские братья в России»²⁴.

Предреволюционную ситуацию, сложившуюся в хорватских землях в 1918–1920 гг., вспоминал в 1924 г. лидер югославских социал-демократов Витомир Корач: «Психологическое состояние масс было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие “зарю с востока” [...]. Психоз охватил массы. И тогда появились разные “спасители”, которые обещали избавление в 24 часа, если только пойти за ними. Поэтому любая демагогия ложилась на благодатную почву»²⁵.

Однако из всех «спасителей» крестьянские массы выбрали именно Радича, что Корач объяснял его «виртуозностью в демагогии» — способностью артикулировать весь широкий спектр этнических, социальных и политических фобий потенциального избирателя: «Если имеются поблизости сторонники Карла Габсбурга, то и он предстает заправским цезаристом; если кто праваш, и он — за хорватское государственное право; если кто-то ненавидит сербов, и он начинает их травить [...]; если кто-то не любит попов, и он также; если кто-то республиканец, и он тоже; если кто против войны, и он — пацифист [...]; если кто против военной службы, и он — за то, чтобы не было армии; если кто-то не хочет платить налоги, и он тут как тут. Одним словом, он не брезговал любыми пропагандистскими лозунгами и сумел каждое дуновение недовольства поймать в свои паруса. Никто не смог составить ему конкуренцию в демагогии — ни коммунисты, ни католики-клерикалы, ни франковцы».

«Массами овладела мораль проигравших, — в 1925 г. невольно подтвердил корачевскую характеристику сам Радич, — с одной стороны — приверженцы Габсбургов. С другой — большевики. Нам пришлось действовать быстро, и потребовался сильный “шлягер”. За республику мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии. Если бы это не сработало, пришлось бы искать что-то другое. Впрочем, сейчас мы можем быть довольными. Прикончили габсбурговщину и остановили распространение большевизма. Еще одна причина — опасность клерикализма»²⁶.

Чтобы достигнуть такого результата, потребовалось не только представить себя публике в выгодном свете, но и дискредитировать разношерстных конкурентов. Априорным преимуществом перед многими из них послужило осознание партийным руководством той неприязни, с которой «массы» относились к обретенным «братьям» — сербам. «Радич хорошо проник в душу хорватского крестьянина, который после четырехлетних страданий за чужие интересы вернулся домой и преисполнился горечью, бешенством и разочарованием,

²⁴ *Radić S. Gospodska politika bez naroda i proti narodu (govor predsjednika Hrvatske seljačke stranke nar. zast. Stjepana Radića na noćnoj sudbonosnoj sjednici Narodnog vijeća dne 24. studena 1918). Zagreb, 1920. S. 27.*

²⁵ Архив Югославије. Ф. 305 (Бура Поповић). Фасцикла 40.

²⁶ АЈ. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора. Фасцикла 6.

обнаружив страну под сербской оккупацией» (цит. по: [24. С. 29]), — вспоминал в 1932 г. бывший председатель Югославянского комитета Анте Трумбич.

В начале 1920-х годов антисербская риторика позволила радичевцам в борьбе за симпатии села обойти коммунистов, которые проповедовали чуждые тому идеи международной солидарности трудящихся. По словам межвоенного историка и публициста Йосипа Хорвата, коммунисты в отличие от Радича не видели, «что война [...] несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма» [31. С. 143].

По сравнению с коммунистами более легкой мишенью для пропаганды стали «городские» партии, представленные в хорватском саборе и позднее в Народном вече СХС. В большинстве они признали Югославию и положенную в ее основание теорию народного единства сербов, хорватов и словенцев, что позволило обвинить их в предательстве хорватских национальных интересов. Показательно описание Р. Херцегом электоральной победы, которую ХНКП одержала в Хорватии на выборах в Конституционное собрание в ноябре 1920 г.: «Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ наделить правами Радича, или тех своих господ, которые [...] решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был высказаться или за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам»²⁷.

Против тех, кого нельзя было обвинить в лояльности «оккупантам», эффективно действовал уже проиллюстрированный тезис об эксплуатации хорватского крестьянина всеми «капуташами»²⁸ и цилиндрашами» безотносительно их политической ориентации и той позиции, которую они занимали во время и после войны. Поэтому, как говорил Радич осенью 1918 г., «став в результате войны полноценным человеком», крестьянин на грядущих выборах в сабор или Учредительное собрание «не станет больше выбирать господ, нарушивших все обещания [...], а выберет только людей от сохи и мотыги». А те станут «править и вести государственные дела по воле и потребности крестьянского большинства, а не по своеволию незначительного господского меньшинства»²⁹. Дабы «прикончить» тех его представителей, кто ностальгировал по Габсбургам или просто так или иначе ассоциировался в массовом сознании со знатью, высшим духовенством и австро-венгерской бюрократией, идеологи ХНКП объясняли, что на «правителях и их первых помощниках — епископах и дворянах» лежит вина за все беды и несчастья: «Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия — это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов, те — окружных начальников [...], а эти — весь народ: “Пускай идет и бьет ся” [...]. Приказ шел сверху донизу. И весь народ должен был слушаться»³⁰.

Одновременно двух «зайцев» — сторонников Габсбургов и Карагеоргиевичей — должна была поразить партийная листовка, датированная февралем 1919 г.: «При короле решения принимает сам король-глупец или королевич [...],

²⁷ *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 33.*

²⁸ От сербохорв. *капут* — пальто. *Капуташ* — уничижительное прозвище, использовавшееся сельскими жителями югославянских стран для обозначения горожанина. Буквально переводится как «человек в пальто».

²⁹ *Radić S. Gospodska politika bez naroda i proti narodu. S. 26, 29, 19.*

³⁰ *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 8, 34.*

вельможи, аристократы, графы и прочие, кто вокруг короля трется и вместе с ним пьет народную кровь»³¹.

Устраняя «опасность клерикализма», ХРКП использовала в своих интересах как расхожее восприятие духовной власти в качестве пособника насильнического государства, так и устойчивую патриархальную религиозность селян. Апеллируя к ней, Радич подчеркивал, что «для нас крестьянство не класс, а [...] народ мучеников»³². Ему партийная пропаганда сулила блестящие перспективы: «Крестьянская процессия идет вперед и не сворачивая – в рай крестьянской республики»³³. Возглавила «поход за синей птицей» ХРКП – «носительница крестьянского движения, которое перерастает узкословные рамки и преобразуется не просто в народное (хорватское), но и общечеловеческое движение»³⁴.

Каковы идеалы, способные объединить все человечество? Ответ можно обнаружить в процитированной работе Херцега: «И появилась среди хорватского народа возрожденная христианская религия, вера в права и истину, добро и человека – человека праведного, отважного и мудрого». При этом имелся в виду не абстрактный *homo sapiens*, а совершенно конкретный – из плоти и крови: «Этот человек не вор [...], не трус [...], не чрезмерно умен, вроде тех, кто полагает, что умнее всего народа, и поэтому безумен. В этом можно было упрекнуть в 1918 г. всех вождей, но не Радича»³⁵. Кем себя считал этот «праведник», видно из его письма деятелю Крестинтерна Томашу Домбалу, отправленного в мае 1924 г.: «У нас совсем не существует агитации в обыденном смысле этого слова. У нас совсем не имеется агентов. Все у нас делается [...] самым идеальным образом – апостолатом, то есть [...] проповедыванием освобождения крестьянского народа»³⁶.

Подтверждением того, что народ проникался «апостольскими проповедями», служит донесение германского посланника в Белграде Фридриха фон Келлера: «Как ни относиться к личности Радича, он пользуется у крестьян уважением, граничащим с культом святого, который он всячески поддерживает, пользуясь своими актерскими способностями»³⁷. Радич, как писал рупор ХРКП, не был «шефом некой партии, какие существуют в Западной Европе. Он вождь, чьи решения выполняются беспрекословно [...] даже тогда, когда он кого-нибудь исключает из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершит свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. Он наставляет, грозит, карает, хвалит, но при этом всегда остается в душе добрым отцом» (цит. по: [31. S. 249]). Цитата из печатного органа партии не только подтверждает высокий статус председателя, но и заставляет задуматься о том, кто заслуживал «исключения из народа». Любой, кто не поддерживает ХРКП, или, как писал Радич, «тот господин и тот рабочий, кто находится вне крестьянского круга, и, следовательно, вне своего народа, то есть против него»³⁸.

³¹ HDA. Fond Ante Starčevića. Kutija 1. Pismo Stjepana Radića Marku Došenu. 27. I. 1919.

³² РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

³³ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 47.

³⁴ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 34, 35.

³⁵ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 31, 32.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

³⁷ Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. T. I. 1920–1929. S. 89.

³⁸ Radić S. Radić S. Čim je hrvatsko seljačтво preraslo školanu gospodu, radništvo i gradjanstvo // Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923. S. 49.

Забегая вперед, отмечу, что явственным свидетельством квази-религиозного характера идеологии ХРКП стало поведение соратников Радича после его смерти в 1928 г. Осиротевшие «апостолы» изъяли у преставившегося «первосвященника» сердце и мозг, которые предполагалось выставить в особом мавзолее, где они должны были «возвеличивать радичевское послание народу и поддерживать его культ» [29. S. 737, 746]. Этому оставшемуся нереализованным намерению, как полагал Стипица Гргич, «ближе всего [...] концепция мавзолея Ленина, где хранились земные останки вождя».

Таким образом, приверженность С. Радича принципу диктатуры большинства и нетерпимость в отношении находящихся вне его в силу своих этнических, социальных и прочих особенностей дают основания предположить, что он был весьма далек от либерализма с присущей тому этикой индивидуализма и пиететом в отношении прав меньшинств, политической оппозиции и т.д. Впрочем, с нами едва ли согласились бы те, кто считает патриархальные традиционалистские элементы теории и практики ХРКП проявлением их «модерной» сути. Так, покойный Иво Банац, воспроизведя радичевский тезис о «тождественности республиканского строя устройству традиционной хорватской задруги», тут же утверждал, что предложенная им «республиканская модель имела много общего с западными парламентскими системами» [21. S. 194]. Рассуждавший в том же ключе Х. Сироткович полагал, что определение республики как «объединения дома и народа» представляло собой «исключительно либеральное положение» конституции [38. S. 306].

Внутренняя противоречивость подобных утверждений наводит на мысль, что для известного направления современной хорватской историографии определения «модерный» и «либеральный» наделены тем же широким смыслом, что и эпитет «прогрессивный» («прогрессивный деятель», «прогрессивная роль» и т.п.). И, следовательно, обнаружение у Радича подобных черт носит «добровольно-принудительный» характер. В этом отношении показательна процитированная работа С. Кляича, который, напомню, утверждает, что братья Радичи «отвергли западный гражданский *modus vivendi*». При этом автор вслед за старшими коллегами повторил неременную мантру о «французском ученике», впитавшем революционные идеи «республиканства, либерализма» и т.д. Радичевские «представления о корреляции национализма, либерализма и демократизма» Кляич назвал «классическими мыслями европейского либерализма XIX в.» [32. S. 86]. В подтверждение он привел отрывок из статьи «Демократизм» (1902): «Настоящий либерализм и принцип народности взаимодополняют друг друга. Однако подлинной народной основой, источником и того, и другого является демократическая мысль [...]. Либерализм есть ничто иное как теоретический демократизм». С учетом ошибочности мнения, будто исторически либерализм вторичен в отношении демократизма³⁹, более обоснован-

³⁹ «Если принять дефиниции, что термин “либерализм” означает теорию и практику свободы индивида в правовом государстве, которое ограничено в своей власти и функциях, а “демократия” означает облик правления, при котором власть принадлежит большинству, тогда становится ясно, что либеральное государство не обязательно демократическое, а демократический способ правления не есть прямое следствие либерального государства. Напротив, в XIX в. имело место сущностное столкновение этих двух концепций. Либералы скептически относились к идее народного правления, выступая за ограниченное право голоса. В то время как в основе демократической идеи лежит принцип равенства, который либералы той эпохи часто воспринимали как отрицание индивидуальных свобод. Анализ показывает, что только после 1848 г. происходит симбиоз этих двух принципов [...]. Поэтому исторически демократия представляет собой естественное развитие принципа либерализма». [19. С. 24.]

ным выглядит тезис, что «Радич не позволил западным влияниям овладеть собой, хотя и избегал разрыва с западными ценностями».

* * *

Как уже было сказано в начале работы, С. Радич не единственный персонаж Новой и новейшей истории южных славян, которого пытаются представить предтечей современной «европейской модернизации», говоря словами Н. Станчица. Результаты, к которым наука пришла в связи с историческими проблемами, аналогичными радичевской контрверзе, имеют значение для нашей заочной полемики. Речь идет о противоречивых оценках Николы Пашича и возглавляемой им Радикальной партии, на «требования которой — по словам Хольма Зюндхаузена — во много была похожа программа» братьев Радичей [14. С. 276]. Программное сходство обуславливалось идентичной базой сторонников радичевцев и радикалов. В конце XIX — начале XX в. крестьяне примерно равного достатка составляли без малого 90% населения Сербии, и львиная их доля встала под знамена НРП вскоре после ее образования в 1881 г.

Социальная гомогенность сербского народа некоторыми исследователями видится фактором формирования «политически прогрессивной системы» [7. С. 69, 75]. Подобно тому как И. Банац вслед за Радичем усматривал в задруге общие с западным парламентаризмом черты, белградский политолог Мирослав Антонич в коллективной монографии «Сербь 1903–1914. История идей» (2015 г.) назвал неграмотное крестьянское большинство «средним классом». Следовательно, общество, в котором тот доминирует, «с точки зрения классических понятий идеально подходит для введения демократии». По-видимому, либеральной, ведь соавтор и ответственный редактор издания Милош Кович так и назвал свою главу: «Время короля Петра: победа либеральной демократии» [16. С. 185]⁴⁰.

И во время правления Петра Карагеоргиевича, и раньше — при последних Обреновичах — первую скрипку на сербской политической сцене играла Радикальная партия. Создавалась она, по мнению академика Милорада Экмечича, «по образцу современных европейских партий» [13. С. 323] и, по словам Милана Протича, «оказала решающее влияние на трансформацию Сербии в демократическое европейское государство» (цит. по: [4. С. 322]). Как писал покойный Душан Батакович, радикалы «отстаивали демократические идеалы и строго парламентскую процедуру в политической борьбе», «защищали принципы современного парламентаризма, всеобщего избирательного права и личной свободы». Идейные корни партии прослеживались процитированными авторами исключительно в западном направлении — до британской парламентской теории и французского радикализма, который решающим образом повлиял на «политическую программу и организацию движения» (цит. по: [4. С. 322, 328]).

Однако согласиться с данной точкой зрения мешает тот факт, что взлет популярности Н. Пашича в 1880-е годы отражал неприятие массами именно того стремления власти, каковое процитированные авторы ставят ему в заслугу. А именно, попыток «сделать из сербского народа [...] европейский народ, а саму Сербию превратить в европейское государство» [3. С. 202]. По признанию Стояна Новаковича, перед Напредняцкой (прогрессивной) партией, по воле князя/короля Милана Обреновича формировавшей правительство

⁴⁰ Король Петр Карагеоргиевич находился на сербском/югославском престоле в 1903–1921 гг. В 1914 г. он перенес монаршие prerogatives на сына — принца-регента Александра.

в 1880–1887-е годы, стояла именно эта задача. Для ее решения правящим кругам надлежало усвоить базисный принцип европейского либерализма: государство существует не для самого себя, а для человека. Тот, по словам другого видного напредняка Милана Пирочанаца, «свободен и обладает правом использовать и совершенствовать все свои способности, которыми он наделен от природы» (цит. по: [2. С. 151]). Однако нет розы без шипов, поэтому от самого «человека» – сербского крестьянина – требовалось научиться «государственной дисциплине». То есть, как написал А.Л. Шемякин, перевоплотиться «из бывшего бунтовщика против турок в бесправного подданного своего государства, из повстанца-партизана в регулярного солдата, из самодостаточного производителя в налогоплательщика с постоянно растущими податными обязательствами» [2. С. 23–24].

Подобный навязываемый сверху «метаморфоз» мог вызвать в закрытом аграрном обществе единственную реакцию, которую описал проницательный современник: «Инстинкты массы все больше восставали против модернизации государства». Пребывавшим в оппозиции радикалам удалось «уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения» [5. С. 563]. Европеизации по-напредняцки Пашич противопоставил лозунг защиты сербской самобытности: «Главное стремление [...] состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы [...] внести смуту в народное развитие [...]. У сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского и остальных славянских племен» (цит. по: [2. С. 291]). В парламенте и за его пределами партия саботировала предлагаемые правительством реформы, отвергая законы о железной дороге, банках, регулярной армии; выступая против привлечения в страну иностранного капитала и т.д.

Исконно сербскими учреждениями, родственными «установлениям», радикалы называли задругу и состоявшую из нескольких задруг общину⁴¹. Та для Пашича – «душа славянского мира. Она является его началом, и ее же современная общественная наука считает венцом развития нынешнего западноевропейского общественного порядка» (цит. по: [2. С. 358]). Поэтому община служила одновременно и микромоделью, и первичной самоуправляющейся единицей того виртуального образования, которое Пашич предложил в качестве альтернативы напредняцкому проекту «европейской» Сербии. Называлось оно «народное государство» или «народный дом», жители которого не делятся на тех, кто управляет (бюрократия), и тех, кем управляют. Он «строится и развивается на основе братского договора», а хозяин в нем – сам народ, который «создал [...] все то, что мы сейчас имеем», и поэтому вправе «распоряжаться всем, как своей собственностью» (цит. по: [2. С. 206]).

«“Схлестнулись” фаворизация индивида и апология общности, – описал А.Л. Шемякин идейную подоплеку конфликта радикалов и напредняков, – личной свободе противопоставлялся суверенитет народа; самой личности – весь социум; индивидуалистическому началу – коллективизм и солидаризм» [2. С. 155]. Воплощенные в «народном государстве» эти принципы защищали от капитализма с его воинствующим индивидуализмом и расслоением общества

⁴¹ Согласно представлениям радикалов, Сербская задруга соответствовала русской общине, а сербская община – сельской волости [2. С. 309].

на враждебные классы, от индустриализации, чуждой несербской «культуры» и в целом «заразы» с Запада. Тот, по словам Пашича, «выше всего на свете вознес деньги» – выше крестьянских «добродетелей и достоинства – чести, труда, морали» (цит. по: [2. С. 283]). Распространители «заразы» в Сербии названы в песне, которую распевала радикальная толпа (цит. по: [35. S. 56]):

<i>Против бога и владара, Против попа и олтара, Против круне и скиптара, ... За радника, за ратара Боримо се ми! Устај село, устај роде, Да се спасеш од госпode... Чиновнике, бирократе, Бифтарију, зеленаше, Цилиндраше и сабљаше, Који газе право наше, Гонићемо сви.</i>	<i>Против бога и правителей, Против попа и алтарей, Против короны и скипетра, ... За работника, за пахаря, Боремся мы! Восстань, крестьянин, восстань, народ, Чтобы спастись от господ... Чиновников, бюрократов, Торгашей, ростовщиков, Цилиндрашей и сабляшей⁴², Попирающих право наше, Погоним все вместе.</i>
--	--

Перечисленные лица, которым удалось присвоить власть и проводить государственную политику в интересах собственных, а не крестьянского большинства, обитали в Белграде и других городах. Те в 1880-е, по воспоминаниям радикального рупора «Самоуправа» (1941), «захлестнула иноземщина», следствием чего стало «отчуждение городских жителей от крестьян, от народа» (цит. по: [2. С. 38]). Кто же выражал его волю? Разумеется, «народная партия», которая представляла одновременно и инструментом борьбы за «народное государство», и несущей опорой оногo. При этом НРП в глазах ее членов – «движение». Его «суть», как много лет спустя вспоминал член ЦК Милош Трифунович, «не выражена в партийной структуре и уставе [...], потому что оно (движение. – А.С.) живет в душе многих людей. Это больше, чем просто партия, чем доктрина или идея. Движение существует как глубокое чувство [...], которое приобрело силу религии [...], глубокой политической веры»⁴³.

Ее обретением радикалы были обязаны тем же «пророкам», что и радикальцы двадцатью годами позже. «Живой пример русских нигилистов повлиял на нас более всего. Вера заразительна, и когда мы видели, как наши русские товарищи безоглядно верят в социализм, поверили в него и мы» (цит. по: [2. С. 339–340]), – вспоминал Пера Тодорович. «В своем проекте “народного государства”, – продолжил за одного из «апостолов» радикализма А.Л. Шемякин, – они не вышли за рамки системы народнического социализма. Их главные установки – отрицание капитализма и буржуазной цивилизации, восприятие народа как единого и целостного организма, возведение в культ свойств общинной (коллективистской) ментальности, концепция “народной партии” и т.д. восходят к его идейному фонду» [2. С. 36].

Будучи истинной, «вера», безусловно, имела универсальный характер. Поэтому радикалам их борьба с Миланом и напредняками виделась защитой от западного *Drang nach Osten* всего славянского племени, «славянской культуры» и грядущей «славянской эры». Адептов связывали узы более прочные, чем те, что имелись у обычных политических единомышленников. По воспоминаниям младшего современника основателей НРП, ее устройство «очень напоминало

⁴² Имеются в виду городские жители и представители жандармерии.

⁴³ АЛ. Ф. 80 (Јован Јовановић-Пижон). Фасцикла 31–151.

армию и церковь одновременно». «Все точно, — соглашался А.Л. Шемякин, — в действительности партия [...] таковым симбиозом и являлась. Иерархичность и дисциплина придавали ей черты воинского соединения, идеология и ее экзальтированное восприятие — характер религиозного ордена» [2. С. 342]. Его «*grand maître*» и одновременно «главнокомандующим», разумеется, был Н. Пашич, пользовавшийся среди членов партии и сочувствующих не меньшим авторитетом, чем Радич тридцать лет спустя. Достоверно свидетельство европейского наблюдателя: «Пашич [...] создал вокруг себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке, то отовсюду слышится: “Ах! Если бы Пашич был здесь. Когда же он будет здесь? К счастью, остается Пашич!”» (цит. по: [4. С. 325]).

Понимание НРП собственной роли как священной миссии вылилось в притязание на политическую гегемонию, которое оставалось неизменным в течение десятилетий. Его обоснованность подтверждалась и тем, что смысл демократии для радикалов сводился к праву большинства на монопольную власть. «Считая исключительно себя выразителями интересов всего народа», они рассматривали парламентаризм не как механизм амортизации общественных противоречий, а как «институционализацию такого права». Соответственно, считавшие иначе «воспринимались не как политические оппоненты, но как непримиримые противники, а значит — и *враги* народа» [4. С. 331, 328]⁴⁴. Чуждые плюрализма радикалы отвергали «саму суть либеральной идеологии, а значит, и “выраставшую” непосредственно из нее доктрину парламентаризма» [2. С. 329]⁴⁵.

Действительно, совсем немногое в облике радикалов соответствовало «образцу современных европейских партий». В каком же качестве НРП добилась тотального превосходства над оппонентами и мобилизовала большую часть населения Сербии? Свой ответ дала О. Попович-Обрадович, по словам которой, в Сербии «параллельно с первыми шагами модернизации была основана массовая народническо-социалистическая партия с тем типом организации, который войдет в практику лишь со появлением тоталитарных идеологий XX в.» [37. С. 331]. О каком конкретно типе идет речь, уточнил А.Л. Шемякин: «Принципы организации, строгая иерархичность и откровенный вождизм [...], политическая культура, основанная на неприятии политического плюрализма и принципе “Кто не с нами, тот против нас!” [...], очевидный мессианизм и одномерность мышления — весь этот арсенал “родовых” признаков роднит их [...] с “партией нового типа” — российскими большевиками. И сходство это отнюдь не кажется нам случайным, имея в виду единую народническую основу, на которой (понятно, в разное время и в разных условиях) обе партии и взрастали» [4. С. 332–333].

* * *

Для оценки ХРКП вышеприведенные выводы имеют немалое значение, обусловленное общей природой сербского и хорватского «движений». Их объединяли идейные корни, социальная база, структура организации, самовосприятие

⁴⁴ Участь противников радикалов после прихода тех к власти была незавидной. В 1887 г. жертвами террора, организованного радикальной толпой и поэтично названного «Народный вздох», стали 150 напредняков, а за десятилетие 1887–1896 погибли 384 члена Прогрессивной партии [5. С. 563].

⁴⁵ Как справедливо указала О. Попович-Обрадович, «парламентаризм уживается не с какой бы то ни было, а только с той концепцией демократии, которая имеет либеральный характер [...], которая в качестве априорных и неоспоримых уважает принципы индивидуализма и политического плюрализма и в соответствии с этими принципами подразумевает толерантность и уважение меньшинства» [17. С. 432].

руководства, лозунги и прочие средства манипуляции массами. Нет оснований полагать, что радичевцы добились успеха, подражая радикалам или сознательно копируя их опыт. В Хорватии в 1918–1920 гг., как и в обретшей независимость Сербии после двух войн с турками (1876, 1877–1878), львиную долю избирательного корпуса составляли мелкие сельские собственники-производители. Менее всего настроенные нести бремя государственного строительства они были готовы к восприятию популистских рецептов избавления от оно-го. В этой ситуации НРП и ХРКП, вооруженные народническо-социалистическим пропагандистским арсеналом, были «обречены» на успех. Его формулу описал новисадский историк Бранко Бешлин: «Неграмотное и отсталое крестьянство могла повести за собой только твердо организованная партия, члены которой до конца посвятили себя политической работе и были готовы на всякую жертву» [8. С. 864].

Можно сказать, что НРП и ХРКП представляли собой разделенные двумя десятилетиями образцы одного и того же общественно-политического явления. Результаты изучения более раннего не могут не присутствовать в «диагнозе» более позднего. Конечно понять, что С. Радич не предтеча либеральной демократии, позволяет даже беглый взгляд на его деятельность. Однако аргументированно подтвердить это легче, оперевшись на уже известный науке прецедент. Итак, доказательство антилиберализма и антизападничества радикалов, а также их типологического родства с большевиками «работает» в отношении радичевцев. А современным апологетам последних можно адресовать критическое замечание, сформулированное А.Л. Шемякиным в полемике с адептами «пашичевско-карагеоргиевичевской реставрации»: «Радикальные представления о “свободе”, “демократии” и т.д. в принципе не могли совпадать с тем современным значением этих понятий (в либеральном духе), которое используют некоторые сербские историки, пишущие о Пашиче и радикалах, “европеизируя” их тем самым значительно больше, чем они того заслуживают» [2. С. 155–156].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AJ – Архив Југославије
 ВНП – Временное народное представительство
 НРП – Народная радикальная партия
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
 СХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев
 ХКП – Хорватская крестьянская партия
 ХНКП – Хорватская народная крестьянская партия
 ХРКП – Хорватская республиканская крестьянская партия
 HDA – Hrvatski državni arhiv

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- AJ. Ф. 305 (Ђура Поповић). Фасцикла 40.
 AJ. Ф. 80 (Јован Јовановић-Пижон). Фасцикла 31–151.
 AJ. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора. Фасцикла 6.
 HDA. Fond Ante Starčevića. Kutija 1. Pismo Stjepana Radića Marku Došenu. 27. I. 1919.
 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.
 Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. Т. I. 1920–1929.
 Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923.
 Lipovac M. <https://www.facebook.com/StjepanRadicDnevnaDoza/>
 Radić S. Frankova politička smrt. Zagreb, 1908 (https://archive.org/details/frankova_politicka_smrt_1908-stjepan_radic/page/n7/mode/2up).

Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru (govor predsjednika Seljačke stranke Stjepana Radića, izrečen u Hrvatskom državnom saboru dne 12. svibnja 1910., točno po brzopisnom zapisniku, ponješto skraćen). Zagreb, 1910.

Radić S. Gospodska politika bez naroda i proti narodu (govor predsjednika Hrvatske seljačke stranke nar. zast. Stjepana Radića na noćnoj sudbonosnoj sjednici Narodnog vijeća dne 24. studena 1918). Zagreb, 1920.

Radić S. Seljački socijalni pokret jedina prava demokracija // Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923.

Radić S. Čim je hrvatsko seljačтво прерасло školану gospodu, radničтво i gradjanstvo // Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923.

Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Февр Л.* Бои за историју. М.: Наука, 1991. 632 с.
2. *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998. 448 с.
3. *Шемякин А.Л.* Политические партии в независимой Сербии (1881–1914) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2006. С. 199–214.
4. *Шемякин А.Л.* «Партия нового типа». Особенности сербского радикализма (конец XIX – начало XX века) // ГЛАС CDXX Српске академије наука и уметности, Одељење историјских наука. Књ 16. Београд, 2012. С. 319–334
5. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. М.: Индрик, 2014. Т. II. Архивные свидетельства. С. 551–627.
6. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1903): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. М., 2016. С. 169–260.
7. *Антонић С.* Демократија // Срби 1903–1914. Историја идеја. Београд: Clіo, 2015. С. 27–142.
8. *Бешлин Б.* Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2005. 944 с.
9. *Димић Љ.* Срби и Југославија. Београд, 1998. 191 с.
10. *Димић Љ.* Историја Српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. 472 с.
11. *Димић Љ.* Србија 1804–2004 (суочавање са прошлошћу) // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004: три виђења или позив на дијалог. Београд: Удружење за друштвену историју, 2005. 206 с.
12. *Ђуровић С.* Основне тенденције привредног развоја Југославије 1918–1941 // Југословенска држава 1918–1998. Београд, 1999.
13. *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Друго, допуњено издање. Београд: Завод за уџбенике, 2008. 617 с.
14. *Зундхаусен Х.* Историја Србије: од 19. до 21. века. Београд: Clіo, 2008. 579 с.
15. *Јовановић М., Радић Р.* Криза историје: српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд: Чигоја штампа, 2009. 264 р.
16. *Ковић М.* Либерализам // Срби 1903–1914. Историја идеја. Београд: Clіo, 2015. С. 153–201.
17. *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији од 1903. до 1914. године. Друго издање. Београд: Службени лист СРЈ, 2008. 480 с.
18. *Станковић Б.* Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. II. Београд: Рад, 2007. 397 с.
19. *Стојановић Д.* Србија и демократија 1903–1914: историјска студија о «златном добу српске демократије». Београд: Удружење за друштвену историју, 2003. 451 с.
20. *Antić Lj.* Nacionalna ideologija Jugoslovenstva kod Hrvata u Dvadesetom stoljeću // Hrvatska politika u XX stoljeću. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 35–67.
21. *Vanac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb: Durieux, 1995. 376 s.
22. *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928. University of Toronto Press Incorporated, 2000. 368 p.
23. *Boban B.* Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća // Hrvatska politika u XX stoljeću. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 145–159.

24. Boban Lj. *Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije*. Drugo izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 1989. 451 s.
25. Despot Z. Ono što je Radić govorio prije više od sto godina, to vrijedi i za nas danas // *Večernji list*. 7 rujna 2015 <https://www.vecernji.hr/premium/ono-sto-je-radic-govorio-prije-vise-od-sto-godina-to-vrijedi-i-za-nas-danas-1023241> (обращение 20.05.2021)
26. Dimić Lj., Žutić N. *Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941*. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. 455 s.
27. Gligorijević B. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1979. 420 s.
28. Goldstein I. *Hrvatska 1918–2008*. Zagreb: Europapress holding, Novi liber, 2008. 931 s.
29. Grgić S. Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928–1934) // *Časopis za savremenu povijest*. Zagreb, 2010. № 3. S. 723–747.
30. Horvat J. *Politička povijest Hrvatske. 1918–1929*. Zagreb, 1938. 453 s.
31. Horvat J. *Politička povijest Hrvatske. II*. Zagreb, 1990.
32. Kljaić S. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929–1945.)*. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 2017. 436 s.
33. Krizman B. Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine. // *Časopis za savremenu povijest*. Zagreb, 1974. № 2. S. 125–138.
34. Leček S. *Priča o uspjehu – strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941)* // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova (ur. Romana Horvat). Zagreb: Matica Hrvatska, 2015. S. 27–48.
35. Pavlović K. *St. Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935)*. Knjiga Prva. London, 1955. 114 s.
36. Petrić H. O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova (ur. Romana Horvat). Zagreb, 2015. S. 539–606.
37. Popović-Obradović O. *Kakva ili kolika država. Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka*. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2008. 643 s.
38. Strotković H. Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine // *Radovi*. 32–33. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta. 1999–2000. S. 299–307.
39. Stančić N. *Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika* // *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 9–34.
40. Stojanović D. *Ulje na vodi: ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije*. Beograd: Pešćanik, 2010. 300 s.

REFERENCES

- Antić Lj. *Nacionalna ideologija Jugoslavenstva kod Hrvata u Dvadesetom stoljeću. Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb, Matica Hrvatska, 2006. pp. 35–67. (In Croat.)
- Antonić S. *Demokratija. Srbi 1903–1914. Istorija ideja*. Beograd, 2015. (In Serb.)
- Banac I. *Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb, Durieux, 1995, 376 p.
- Bešliin B. *Evropski uticaji na srpski liberalizam u XIX veku*. Sremski Karlovci-Novı Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića Publ., 2005. 944 p. (In Serb.)
- Biondich M. *Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928*. University of Toronto Press Incorporated, 2000, 368 p.
- Boban B. *Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća. Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb, Matica Hrvatska Publ., 2006, pp. 145–159.
- Boban Lj. *Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije*. Zagreb: Školska knjiga Publ., 1987, 451 p.
- Despot Z. Ono što je Radić govorio prije više od sto godina, to vrijedi i za nas danas. *Večernji list*. 7 rujna 2015 <https://www.vecernji.hr/premium/ono-sto-je-radic-govorio-prije-vise-od-sto-godina-to-vrijedi-i-za-nas-danas-1023241> (20.05.2021)
- Dimić Lj. *Istorija Srpske državnosti. Knjiga III. Srbija u Jugoslaviji*. Novi Sad, 2001, 472 p. (In Serb.)
- Dimić Lj. *Srbi i Jugoslavija*. Beograd, 1998, 191 p. (In Serb.)
- Dimić Lj. *Srbija 1804–2004 (suočavanje sa prošlošću)*. Dimić Lj., Stojanović D., Jovanović M. *Srbija 1804–2004: tri viđenja ili poziv na dijalog*. Beograd, 2005, 206 p. (In Serb.)
- Dimić Lj., Žutić N. *Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941*. Beograd, 1992, 455 p. (In Serb.)
- Đurović S. *Osnovne tendencije privrednog razvoja Jugoslavije 1918–1941. Jugoslovenska država 1918–1998*. Beograd, 1999 (In Serb.)
- Ekmečić M. *Dugo kretanje između klanja i oranja. Istorija Srba u Novom veku (1492–1992). Drugo, dopunjeno izdanje*. Beograd, 2008, 617 p. (In Serb.)

- Fevr L. *Boi za istoriû*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 632 p. (In Russ.)
- Glorigorijević B. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929*. Beograd, 1979, 420 p. (In Serb.)
- Goldstein I. *Hrvatska 1918–2008*. Zagreb, 2008, 931 p. (In Serb.)
- Grgić S. Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928–1934.). *Časopis za suvremenu povijest*. Zagreb, 2010, no. 3, pp. 723–747. (In Serb.)
- Horvat J. *Politička povijest Hrvatske. 1918–1929*. Zagreb, 1938, 453 p. (In Serb.)
- Horvat J. *Politička povijest Hrvatske*. II, Zagreb, 1990.
- Jovanović M, Radić R. *Križa istorije: srpska historiografija i društveni izazovi kraja 20. i početka 21. veka*. Beograd, 2009, 264 p. (In Serb.)
- Kljaić S. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929–1945.)*. Zagreb, Hrvatski institut za povijest Publ., 2017, 436 p.
- Ković M. Liberalizam. *Srbi 1903–1914. Istorija ideja*. Beograd, 2015, pp. 153–201 (In Serb.)
- Krizman B. Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine. *Časopis za suvremenu povijest*. Zagreb, 1974, no. 2, p. 125–138. (In Serb.)
- Leček S. Priča o uspjehu – strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941) *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova* (ur. Romana Horvat). Zagreb, 2015, pp. 27–48. (In Serb.)
- Pavlović K. St. *Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935)*. Knjiga Prva. London, 1955, 114 p.
- Petrić H. O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke // *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova* (ur. Romana Horvat). Zagreb, 2015, pp. 539–606.
- Popović-Obradović O. *Parlamentarizam u Srbiji od 1903. do 1914. godine. Drugo izdanje*. Beograd, 2008, 480 p. (In Serb.)
- Popović-Obradović O. Kakva ili kolika država. Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka. Beograd, Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2008, 643 p.
- Šemâkin A.L. «Partiâ novogo tipa». Osobnosti serbskogo radikalizma (konec XIX – načalo HH veka). *GLAS CDXX Srpske akademije nauka i umetnosti, Odeljenje istorijskih nauka. Knj 16*. Beograd, 2012, pp. 319–334. (In Russ.)
- Šemâkin A.L. *Ideologiâ Nikolj Pašiča. Formirovanie i êvoluciâ (1868–1891)*. Moscow, 1998, 448 p. (In Russ.)
- Šemâkin A.L. Osobnosti političeskogo processa v nezavisimoj Srbii (1878–1918) glazami ruskih. *Russkie o Srbii i serbah. Tom II. Arhivnye svidetel'stva*. Moscow, 2014, pp. 551–627 (In Russ.)
- Šemâkin A.L. Osobnosti političeskogo processa v nezavisimoj Srbii (1878–1903): meždu «nacional'nym idealom» i «graždanskim obšestvom». *Čelovek na Balkanah. Osobnosti «novoj» ũžnoslavânskoj gosudarstvennosti: Bolgariâ, Serbiâ, Černogoriâ, Korolevstvo SHS v 1878–1921 gg*. Moscow, 2016, pp. 169–260 (In Russ.)
- Šemâkin A.L. Političeskie partii v nezavisimoj Srbii (1881–1914). *Čelovek na Balkanah. Gosudarstvo i ego instituty: grimasy političeskoj modernizacii (poslednââ četvert' XIX – načalo HH v.)*. Saint Petersburg, 2006, pp. 199–214. (In Russ.)
- Sirotković H. Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine. *Radovi. 32–33*. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta. 1999–2000, p. 299–307.
- Stančić N. Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika // Hrvatska politika u XX stoljeću. Zagreb, Matica Hrvatska Publ., 2006, pp. 9–34.
- Stanković Đ. *Sto govora Nikole Pašiča. Veština govorništva državnika*. II. Beograd, 2007, 397 p. (In Serb.)
- Stojanović D. *Srbija i demokratija 1903–1914: istorijska studija o «latnom dobu srpske demokratije»*. Beograd, 2003, 451 p. (In Serb.)
- Stojanović D. *Ulje na vodi: ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije*. Beograd, Peščanik, 2010, 300 p.
- Zundhausen H. *Istorija Srbije: od 19. do 21. veka*. Beograd, 2008, 579 p.

Сведения об авторе

Силкин Александр Александрович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7836-4993
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Information about the author

Silkin Alexander A., Ph D. (History),
senior research fellow of Institute of Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7836-4993
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 5, с. 88–102

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 88–102

DOI: 10.31857/S0869544X0022028-3

Оригинальная статья / Original Article

Политизация исторической памяти Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс)

© 2022 г. А.А. Пивоваренко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

aleksandar.a.p@ya.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ
по проекту 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях
социальных трансформаций у национальных меньшинств
альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье анализируется современный итальянский дискурс, посвященный событиям 1940-х годов на полуострове Истрия. Проблема так называемого итальянского исхода после окончания Второй мировой войны является одной из наиболее чувствительных в отношениях между современными Италией, Словенией и Хорватией. В данной статье на обширном эмпирическом материале показано, что тематика исхода со второй половины 2000-х годов в Италии постепенно политизируется на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом уровне. При этом предпосылки для выдвижения вопроса на повестку дня были созданы еще в период холодной войны, когда в Италии возникли многочисленные гуманитарные организации, занимавшиеся различными проблемами побережья Восточной Адриатики. Можно предположить, что итальянская политика в отношении соседних восточных государств будет приобретать все более структурированный и активный характер.

Ключевые слова: политика памяти, Италия, Восточная Адриатика, Дж. Наполитано, Ст. Месич, С. Маттарелла, итальянский исход, Истрия, Далмация, этнические меньшинства.

Ссылка для цитирования: Пивоваренко А.А. Политизация исторической памяти Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс) // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 88–102. DOI: 10.31857/S0869544X0022028-3.

Politization of Italian Historical Memory Regarding the Istrian Question (Foreign Policy Discourse)

© 2022. Alexander A. Pivovarenko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

aleksandar.a.p@ya.ru

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Scientific Foundation, the project 20-78-10030 “Language and cultural contacts in the context of social transformations among national minorities of the Alpine-Pannonian region”.

Abstract. The article analyzes the modern Italian historical and political discourse on the events of the 1940s on the Istrian peninsula. The problem of the so-called «Italian exodus» after the end of the Second World War is one of the most sensitive in the relations between modern Italy, Slovenia and Croatia. This article, relying on extensive empirical material, shows that the theme of the exodus has been steadily politicizing at the domestic and foreign policy level in Italy since the second half of the 2000s. Fundamental prerequisites for putting the issue on the agenda were created during the Cold War, when numerous humanitarian organizations focused on the Eastern Adriatic, appeared. Therefore, we can assume that that Italian policy towards the neighboring eastern states will become increasingly structured and active.

Keywords: memory politics, Italy, Eastern Adriatic, D. Napolitano, S. Mesić, S. Mattarella, Italian exodus, Istria, Dalmatia, ethnic minorities.

Reference for citation: Pivovarenko Alexander A. Politization of Italian Historical Memory Regarding the Istrian Question (Foreign Policy Discourse) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2022. No. 5. P. 88–102. DOI: 10.31857/S0869544X0022028-3.

Проблематика межгосударственных отношений

10 февраля 2007 г., в третью годовщину Дня памяти, посвященного жертвам событий 1940-х годов в Истрии и Далмации, президент Италии Джорджо Наполитано сделал ряд громких заявлений. В ежегодном обращении к нации он сказал, что произошедшие в 1943–1945 гг. убийства итальянского населения Восточной Адриатики югославскими партизанами, вызвавшие волну беженцев, являлись частью плана по искоренению итальянского присутствия на восточном побережье Адриатики «славянским планом аннексии» (*un disegno annessionistico slavo*), принявшим «зловещие очертания этнической чистки»¹.

Высказывания президента спровоцировали не менее резкую реакцию президента Хорватии Стипе Месича, который отметил, что глава итальянского государства допустил «элементы открытого расизма, исторического ревизионизма и желания политической мести»². В ответном заявлении внешнеполитическое ведомство Италии назвало реакцию Загреба немотивированной и обусловленной «искаженным и вводящим в заблуждение прочтением слов президента Наполитано». Была выражена надежда, что дипломатический инцидент не помешает Хорватии вступить в Евросоюз. Также в МИД Италии был вызван посол Хорватии³.

Возникшая полемика привлекла внимание исследователей, занимавшихся вопросами исторической памяти применительно к Восточной Адриатике, которые усмотрели в заявлениях президента Италии схожесть с формулировками, использовавшимися итальянской прессой в 1943–1945 гг. Принадлежность же Наполитано к Демократической левой партии (а до

¹ Intervento del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della celebrazione del «Giorno del Ricordo». 10.02.2007. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=930> (accessed 29.03.2022).

² Foibe: Premier croato Mesić ammette, fu atto criminale. Reppublica.it. 29.01.2007. Available at: https://digilander.libero.it/lefoibe/Mesić_01.pdf (accessed 29.03.2022).

³ Il presidente croato attacca Napolitano sulle Foibe. La stampa. 12.02.2007. Available at: <https://www.lastampa.it/esteri/2007/02/12/news/il-presidente-croato-attacca-napolitano-sulle-foibe-1.37133413> (accessed 29.03.2022).

1991 г. – к Коммунистической партии) дала основание подчеркнуть близость фашистского и коммунистического пропагандистских дискурсов [5. Р. 189].

Существует соблазн представить возникшую дискуссию как отдельный эксцесс и пример политического популизма. Однако нарративный и контекстуальный анализ вынуждает отказаться от данного, весьма поверхностного, вывода.

Во-первых, дискуссии о событиях Второй мировой войны не теряют актуальности в соседних с Италией странах Балканского полуострова. Если в Центральной Европе они определяются отношением к роли Советского Союза и допускают очевидный ревизионизм, то в Юго-Восточной Европе сохраняет актуальность вопрос отношения к Италии как к стране-оккупанту, претендовавшей на территории Восточной Адриатики от Словении до Греции. Вхождение в состав современной Хорватии (и отчасти Словении) полуострова Истрия стало возможно лишь в результате поражения Италии во Второй мировой войне. Хотя Хорватия является унитарным государством, в современной Истрии существуют определенные признаки особого статуса полуострова, такие как наличие итальянского населения, двуязычие, а также собственная политическая партия, регулярно одерживающая победу на местном уровне.

Во-вторых, любопытно рассмотреть процессы в районе Адриатики в контексте идеологических мероприятий Европейского союза, где изначальная традиция Дня победы над фашизмом и гитлеризмом заменяется на празднование Дня Европы и Дня флага ЕС, отмечаемого с 9 мая 1985 г. в связи с утверждением единой европейской символики. Исследователи, занимающиеся изучением политического дискурса применительно к событиям Второй мировой войны, констатируют наличие двух разнонаправленных тенденций: попытки формирования общеевропейской памяти как моральной основы евроинтеграции, а с другой стороны, использование прошлого для укрепления национальных нарративов [2]. Представляет интерес вопрос, как риторика, практикуемая странами ЕС, используется для выстраивания отношений на субрегиональном уровне (в формате «средние страны – малые страны»).

В-третьих, проведенное изучение первичных данных, таких как выступления трех президентов Италии и других политических фигур, а также сопутствующий статистический и нарративный анализ, дают основания утверждать, что идеологические и этические установки Италии по двум принципиальным вопросам – оценка событий Второй мировой войны и память об итальянских жертвах событий 1940-х годов на Восточном побережье Адриатики – в последние годы достаточно активно продвигаются внутри страны и на внешнеполитическом уровне. Следует отметить, что Италия весьма последовательно выступает за расширение европейского военно-политического блока. Таким образом, крайне любопытным является вопрос, насколько вышеуказанные историко-идеологические установки соотносятся с внешнеполитическими мероприятиями современного итальянского государства.

Деконструкция дискурса

1. Рассматривая современные установки ЕС о Второй мировой войне, К.А. Пахалюк выделил следующие идеологические компоненты.

2. «В центре – трагедия Холокоста, ключевая модальность – все европейские народы в разной степени ответственны за ту трагедию». Стимулирование моральной рефлексии.

3. Трагический нарратив, перемещение акцента в историческом повествовании с истории государства, его достижений, военных побед и героев на

противоречия, разоблачение национально-патриотических мифов, акцентирование различных трагедий.

Вторая мировая война – это не нарратив о победе демократии над злом нацизма (как это было в годы холодной войны), а трагическая страница, обращение к которой должно укреплять нашу обеспокоенность собственным моральным обликом» [3].

Необходимо обратить внимание на определяемое (вслед за Дж. Верчем) различие между «народной памятью» и национальным историческим дискурсом: «народная память», становясь объектом политических манипуляций, подвергается своеобразной методологической редукции со стороны сообщества «профессиональных историков» [1. С. 32]. К схожему выводу применительно к итальянско-балканской проблематике пришли Р. Алтин и Н. Бадурина, утверждавшие, что народная память итальянцев, вынужденных покинуть побережье Восточной Адриатики после Второй мировой войны, игнорировалась, поскольку находилась в конфликте с официальным национальным историческим нарративом, выражавшим послевоенный политический баланс [5. Р. 185, 187–188].

Представленные модели деконструкции находят подтверждение в эмпирическом материале. В упомянутой выше речи президента Италии репрессии в отношении итальянского населения Восточной Адриатики сравнивались с Холокостом. Дж. Наполитано (2007 г.)⁴ и его преемник С. Маттарелла (2016⁵ и 2020⁶ гг.) считали, что необходимо преодолеть общественное забвение в отношении итальянских жертв. В результате можно говорить о разнице между коллективной памятью (механизмы формирования которой нуждаются в отдельном рассмотрении) как выражением некоего «оригинального» национального нарратива и его измененной версией, которая подверглась «исправлению» два раза: на этапе забвения и на этапе возрождения. Использование итальянскими президентами таких хлестких понятий, как «югославский террор в Венеции-Джулии»⁷, «насилие титовского коммунизма», «оккупация югославских коммунистов»⁸, определенно направлено на подрыв положительного образа социалистической Югославии как страны-победительницы во Второй мировой войне и может восприниматься как исторический ревизионизм людьми, сохранившими высокую оценку титовской Югославии (СФРЮ) как на Балканах, так и во всем мире.

Эволюция историко-политической конъюнктуры

После распада Австро-Венгрии по итогам Первой мировой войны под контролем Италии оказался полуостров Истрия, а прибрежная область Далмация вошла в состав королевской Югославии. Как отметила М. Бона, 1920-е годы положили начало идеологизации исторических исследований в отношении Балкан, когда национальная итальянская историография, действуя в интересах внешней политики, приступила к переписыванию истории Венецианской республики – «владычицы Венецианского залива» – обосновывая

⁴ Intervento del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della celebrazione del «Giorno del Ricordo». 10.02.2007. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=930> (accessed 29.03.2022).

⁵ Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2016. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2247> (accessed 29.03.2022).

⁶ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2020. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/44208> (accessed 29.03.2022).

⁷ Здесь и далее – курсив мой.

⁸ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2018. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2971> (accessed 29.03.2022).

легитимность нахождения в ее составе прилегающих прибрежных территорий [б. Р. 348]. Главным центром балканских исследований с 1930-х годов до 1945 г. был Адриатический институт в Венеции. Сегодня архив и библиотека Института являются отдельным фондом библиотеки Института морских исследований Венеции (ISMAR), в настоящее время занимающегося в основном естественнонаучными дисциплинами.

Адриатический институт стал не единственной организацией, обратившей взор на Балканы. С 1884 по 1926 г. возникло по меньшей мере шесть археологических, общественных, культуроведческих и лингвистических обществ, ориентированных на изучение восточных соседей. Наиболее авторитетным среди них является основанный в 1899 г. университет г. Триеста. Большая часть из перечисленных организаций существует и по сей день, базируясь в основном в Триесте либо в Риме⁹.

Как отмечалось выше, национально ориентированная итальянская мысль скептически относится к периоду холодной войны, считая, что проблема итальянского населения на Балканах сознательно цензурировалась. Фактические данные не подтверждают этот тезис: с 1945 по 1988 г. возникло по меньшей мере 11 (ныне действующих) общественных организаций и фондов¹⁰. Помимо собственно гуманитарных исследований в сферу их деятельности входят координация обществ беженцев из Истрии и Далмации, налаживание связей с итальянской диаспорой, развитие отношений с итальянскими организациями в Югославии. Созданный в 1968 г. в Ровине (Хорватия) Центр исторических исследований с собственной библиотекой, получившей в 1995 г. статус Библиотеки Совета Европы, открыто называет себя организацией, действующей при поддержке итальянского национального сообщества¹¹. Следует отметить, что основание центра в Ровине произошло за семь лет до подписания в 1975 г. Осимских соглашений, утверждавших принцип защиты этнических меньшинств (итальянского в Югославии и югославского, т.е. словенского, хорватского и сербского, в Италии).

Обстоятельства холодной войны оказали влияние и на гуманитарные сюжеты Восточной Адриатики. Как полагал К. Ружичич-Кесслер (университет Больцано), после ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. и появления понятия «доктрина Брежнева» внешнеполитические ведомства Италии и соседней с ней Австрии приняли решение снизить градус конфронтационной риторики в отношении Югославии. В ходе контактов итальянских, австрийских и югославских политиков (осенью 1968 г. в Риме лидер итальянских социалистов Пиетро Ненни встретился с послом Югославии, примирительные заявления сделал министр иностранных дел Италии Джузеппе Медичи) Римом были предоставлены гарантии отсутствия намерений относительно эскалации напряженности в спорном районе Триеста. В ходе визитов в Белград

⁹ Società Istriana di Archeologia e Storia Patria (1884); Lega Nazionale (1891); Università Popolare di Trieste (1899); Società di Studi Fiumani (1923); Università degli Studi di Trieste (1924); Società Dalmata di Storia Patria (1926).

¹⁰ Associazione delle Comunità Istriane (конец 1940-х годов); Associazione Nazionale Venezia Giulia e Dalmazia (1947); Istituto Regionale per la storia del movimento di liberazione in Friuli-Venezia Giulia (1953); Unione degli Istriani. Libera Provincia dell'Istria in Esilio (1954); Deputazione di Storia Patria (1965); Centro di ricerche storiche Rovigno (1968); Associazione Giuliani nel Mondo (1970); Circolo di Cultura Istroveneta «Istria» (1982); Istituto regionale cultura istriano fiumano dalmata, Istituto Regionale per la Cultura Istriano-Fiumano-Dalmata (1983); Fondazione Rustia-Trainee (1988); Istituto Giuliano di Storia e Documentazione (1988).

¹¹ Centar za povijesna istraživanja Rovinj. Available at: <https://crsr.org/hr> (accessed 29.03.2022).

в сентябре–октябре 1968 г. президент Австрии Франц Йонас и министр иностранных дел Курт Вальдхайм констатировали схожесть позиции Австрии с позицией Италии по вышеперечисленным вопросам, а также отметили, что вопрос этнических меньшинств не является предметом для разногласий. Были проведены консультации по линии дипломатических ведомств по поводу военного сотрудничества на Адриатике. В 1969 г. в Югославию совершил визит президент Италии Дж. Сарагата, а в марте 1971 г. с ответным визитом в Рим прибыл лидер Югославии Йосип Броз Тито [13. Р. 791–792].

При этом соображения национальной гордости никуда не исчезли из итальянской внешнеполитической дискуссии. В ходе полемики, развернувшейся в итальянской прессе вокруг анонсированного визита Тито и ситуации вокруг Триеста осенью 1970 г., премьер-министр Италии Альдо Моро заявил, что при всей важности поддержания отношений с Тито итальянской стороне не следует отказываться от «легитимных национальных интересов». Поскольку заявление возникло в крайне непросто́м контексте студенческих демонстраций в Югославии, получивших в Словении и Хорватии националистический окрас (так называемая хорватская весна), вопрос об отмене визита Тито в Италию был поднят на заседании Президиума Союза Коммунистов Югославии 9 декабря 1970 г. [13. Р. 793–794]. В конечном итоге визит состоялся, и Италии удалось сохранить позитивную динамику отношений с СФРЮ. Отношения же Югославии и Австрии оказались омрачены в июне 1972 г. заброской с территории Австрии эмигрантской террористической группировки «Хорватское революционное братство» («группа из Бугойно») с целью совершения диверсий в Боснии и Герцеговине. Результатом потепления югославо-итальянских отношений стали вышеупомянутые Осимские соглашения, положившие окончание кризису вокруг Триеста и создавшие предпосылки для развития трудовой миграции и студенческого обмена.

Проблема «великого исхода» и «жертв югославского террора»

Одной из центральных проблем итальянско-югославских отношений является вопрос об итальянских жертвах заключительного этапа Второй мировой войны. Переход в 1943–1945 гг. Истрии в состав Югославии и последовавший за этим отток итальянского населения привели к возникновению двух исторических и публицистических понятий. Первое – «убийства в карстовых воронках/пещерах» (*massacri delle foibe*) включает в себе тезис о проводившихся в 1943–1945 гг. этнических чистках в отношении итальянского населения, жертвами которых, в умеренной итальянской трактовке, стало от трех до четырех тысяч итальянцев Истрии и Далмации [12]. Второе понятие – «великий исход» (*il grande esodo*) связано с массовой миграцией итальянского населения восточного побережья Адриатики в Италию. Предметом серьезной дискуссии является общее число лиц, затронутых процессом. Хотя в результате сближения позиций хорватской и итальянской историографии в начале 2000-х годов возникла компромиссная цифра в 200–225 тыс. беженцев из районов Истрии и Риеки в период 1945–1971 гг., более радикальные оценки продолжают культивироваться в итальянской историографии. Тематическая статья энциклопедии *Treccani* говорит о 300–350 тыс. беженцев. Характерной является формулировка Э. Джуричина, итальянского общественного деятеля из Истрии, утверждавшего в одной из публикаций: «Всего за несколько лет, с исходом итальянцев, была искоренена столетняя традиция цивилизации, была изменена мультикультурная и мультиэтническая идентичность полуострова» [4. С. 43].

Окончание холодной войны и возникновение новой международной повестки обусловили усложнение палитры исторической политики. В 1993 г. была сформирована межгосударственная итальянско-словенская комиссия с задачей выработки общего взгляда на проблемы недавнего прошлого. Хотя итоговый доклад комиссии, опубликованный в 2000 г., не нашел широкого отклика в профессиональных кругах и значительной части общественности [5. Р. 188], он отразил тенденцию к сближению итальянского и словенского, а также хорватского политического дискурса. В настоящее время данные попытки осуществляются в рамках модных жанровых направлений, таких как трансграничные исследования [11], история повседневности, борьба против политического авторитаризма и за права женщин. Состоявшаяся 2–4 октября 2019 г. в Пазине и Пуле международная конференция (*Writing History in Multicultural Regions of Southeastern Europe: The Role of Special Libraries and Archives* – Роль специальных библиотек и архивов и написание истории мультикультурных регионов Юго-Восточной Европы), собравшая исследователей из Загреба, Пулы, Копера, Больцано и получившая поддержку со стороны Института немецкой культуры и истории Юго-Восточной Европы Мюнхенского университета, а также Министерства культуры Хорватии, показала, что проблемам поиска межнационального баланса в адриатической части Юго-Восточной Европы уделяется внимание на достаточно высоком академическом уровне.

В 1990–2000-е годы в хорватской исторической науке возникло исследовательское направление, стремившееся к привлечением обширных архивных и статистических данных реконструировать события второй половины 1940-х годов и представить собственные оценки демографических процессов, происходивших в Истрии и Далмации в XX в. Д. Дуковски (университет Риеки) сформулировал концепцию «двух исходов», согласно которой оттоку итальянского населения предшествовали репрессии в отношении славянского, в частности хорватского, населения в 1919–1941 гг. [7]. Примечательно, что трагический характер событий второй половины 1940-х годов не отрицается хорватской историографией, однако увязывается с событиями межвоенного периода – тоталитарным характером итальянского государства, насаждением итальянской идентичности и маргинализацией положения национальных меньшинств. Другое, более примирительное, направление, представляемое Ф. Шкильяном (Институт миграции и народностей, Загреб) [14] и Н. Елетич (университет Пулы) [9. Р. 385–392], акцентировало внимание на наличии следов итальянской культуры на территории современной Хорватии, уважительном и добрососедском характере отношений и принадлежности хорватской культуры к европейской цивилизации. В целом оба направления хорватской историографии вписываются в отмеченную Д. Йовичем тенденцию разделения хорватского гуманитарного пространства на два лагеря: либерально-левый, основывающийся на секулярных ценностях, и консервативно-правый, возникший из переплетения домобранской и усташской традиций и опирающийся на католицизм [10. Р. 341–359].

На политическом уровне примером хорватского контрнарратива является заявление президента Хорватии Стипе Месича 29 января 2007 г., сделанное через два дня после международного Дня памяти жертв Холокоста и накануне Дня памяти в Италии. Комментируя информационную кампанию, развернувшуюся в итальянских СМИ, Ст. Месич признал факты насилия в отношении итальянцев («это правда, что преступления совершались с нашей стороны»), однако отметил, что речь идет о преступлениях, совершенных социалистической Югославией, а не современной Хорватией. Кроме того, отметил Месич,

необходимо покаяние противоположной стороны. «Фашисты разрушили наши города, сожгли наши деревни. Они организовали лагеря смерти, в которых погибли женщины и дети. Разве это мы вторглись в Италию? Разве мы создали лагеря в Италии, разве это мы убивали в Италии женщин и детей?», — задавал вопрос хорватский президент¹². Именно эта отповедь Месича повлекла крайне жесткий ответ президента Италии Наполитано 10 февраля 2007 г.

Таким образом, в 1990-е и 2010-е годы были предприняты попытки сближения итальянской и хорватской, а также словенской позиций, осуществлявшиеся через разработки конъюнктурно приемлемых тем, вписывающихся в дискурс Евросоюза. С другой стороны, сохраняются попытки национальной, в частности хорватской, историографии утвердить собственный взгляд на спорные вопросы межэтнических отношений. Насколько данные попытки разделяются итальянской гуманитарной мыслью?

Очевидно, что определенная часть исследователей, занимающихся вопросами мемориальной политики в Восточной Адриатике (например Роберта Алтин из университета Триеста) сохраняет взвешенный подход и обеспокоена развитием современного итальянского дискурса [5. Р. 190–196]. Но существует и другое направление, демонстрирующее большую чувствительность к вопросу о страданиях итальянского населения Восточной Адриатики. В качестве примера приведу статью профессора университета Салерно Эрминьо Фонцо «Использование и злоупотребление Историей и Памятью: исход из Истрии и Далмации и современные миграционные потоки» [8. Р. 62]. Прежде всего, полагал Фонцо, действия итальянского режима 1920-х и 1930-х годов не могут служить объяснением для «югославской реакции, характеризовавшейся зверствами и жестокостями, которые нельзя оправдать никоим образом, но которые иллюстрируют характер отношений, существовавших между этническими группами в регионе Венеция-Джулия» [8. Р. 69]. По мнению Фонцо, причины оттока итальянского населения имели не этническую, а политическую подоплеку, следовательно эти события не совсем верно называть этнической чисткой. Ключевой причиной итальянского исхода Фонцо назвал аннексию территории, что ставит вопрос о признании легитимности территориальных преобразований в итальянском гуманитарном пространстве. Также, по мнению Фонцо, некорректно сравнивать итальянский исход с не менее актуальным для Италии процессом притока нелегальных мигрантов из Ближнего Востока и Северной Африки: «Беженцы, прибывающие сегодня в Италию, покидают свои страны ввиду множества причин: война, преследования, голод. Беженцы из Истрии и Далмации покинули свои земли по одной причине: *аннексия территории*. Важно, что они были итальянцами, переехавшими в Италию, т.е. их интеграция, несмотря на ряд проблем, происходила значительно легче. Сегодня же беженцы принадлежат к различным культурам. Они не знают итальянского, и в большинстве случаев их отношения с коренным населением являются слабыми либо отсутствуют вовсе» [8. Р. 76]. В целом же тезисы Фонцо представляются направленными на деконструкцию концепции двух исходов, выдвинутую Д. Дуковски и уравнивающую итальянские репрессии межвоенного периода с событиями второй половины 1940-х годов под этническим знаменателем.

Мотив итальянских жертв находит достаточно прочную поддержку в национальном гуманитарном пространстве. Красноречиво иллюстрирует этот вывод

¹² Foibe: Premier croato Mesic ammette, fu atto criminale. Repubblica.it. 29.01.2007. Available at: https://digilander.libero.it/lefoibe/Mesic_01.pdf (accessed 29.03.2022).

заявление популярного итальянского политика М. Сальвини (партия Лига Севера), написавшего 10 февраля 2015 г. в *Facebook*, что в результате событий исхода погибли 10 тыс. человек, включая женщин и детей, которые «были убиты и преданы забвению только потому, что не являлись коммунистами»¹³. Реакция на пост Сальвини, набравший 21 тыс. «лайков», демонстрирует, что проблема оттока населения из Восточной Адриатики находит отклик и у широкой итальянской общественности.

Итальянский исход в официальном дискурсе

В 2004 г. парламент Италии принял резолюцию об учреждении 10 февраля ежегодного национального Дня памяти (*Giorno del ricordo*), посвященного жертвам событий в Югославии 1940-х годов. В качестве памятной даты был выбран день подписания Парижского мирного соглашения (1947 г.) между Италией и странами – победителями во Второй мировой войне, констатировавшего, в числе прочего, возвращение Югославии побережья Далмации (оккупированного в 1941 г. Италией), передачу ей полуострова Истрия и г. Риека, а также закрепление Триеста в качестве подмандатной территории ООН¹⁴. Таким образом мотив человеческой трагедии вписывался в контекст территориальных и политических уступок, определивших международный статус послевоенной Италии, а идеи, продвигавшейся с 1989 г. в основном крайне правыми силами, были перенесены на государственный уровень [5. Р. 189].

Любопытно проследить эволюцию данного дискурса через заявления трех президентов Италии: Карло Чампи (1999–2006), Джорджо Наполитано (2006–2015), Серджо Маттарелла (с 2015 г.). Президент Италии является в стране фигурой с очень ограниченными полномочиями, но именно его заявления представляются показательными в силу нескольких причин. Во-первых, ввиду редкой сменяемости – по сравнению с фигурой премьер-министра Италии. Во-вторых, государственной традицией стало обращение президента к нации 9 или 10 февраля. Следовательно, именно в риторике президента Италии проблема исхода, среди прочих, находит достаточно полное выражение.

В выступлениях всех президентов с 2007 по 2021 г. преобладали мотивы осознания трагического прошлого и преодоления исторического забвения, возникшего в годы холодной войны. Другим объединяющим мотивом стал лозунг европейского единения, как правило, звучащий в конце ежегодного обращения. Европейский союз в речах президентов неизменно представлял прогрессивным политическим сообществом, обеспечивающим преодоление тоталитарного прошлого на пути к прогрессу.

Соблюдалась последовательность в обозначении географического ареала событий итальянского исхода. С 2006 г. восточные регионы перечислялись в сложившемся порядке: Истрия, Фиуме, Далмация с небольшими понятийными вариациями: в 2006 г. К. Чампи вместо г. Фиуме (хорв. Риека) была упомянута область Кварнер¹⁵; также допускалось периодическое упоминание исторического региона Венеция-Джулия/Юлийской Краины, т.е. полуострова Истрия

¹³ Matteo Salvini. 10.02.2015. Available at: <https://www.facebook.com/salviniofficial/posts/10-febbraio-giorno-del-ricordo-dei-martiri-delle-foibeoltre-10000-morti-compresi/10152744368348155/> (accessed 29.03.2022).

¹⁴ Помимо этого Италия обязывалась вернуть Греции Додеканесские острова, признать независимость Албании и Эфиопии. Также Италия соглашалась с коррекцией в пользу Франции государственной границы (с передачей Франции городов Генд и Брига), декларировала отказ от претензий на колонии в Африке (Ливия, Эритрея, Сомали) и отмену благоприятных торговых соглашений с Китаем.

¹⁵ Включающая г. Фиуме/Риеку и крупные острова Кварнерского залива Крк, Раб, Црес, Паг, Лошинец.

с включением западных районов Италии и Триеста. Как правило, перечисление географических обозначений региона соседствовало с выражением соболезнований и сочувствия семьям итальянских жертв. Отличительной особенностью высказываний нынешнего президента С. Маттареллы стало использование двусмысленных понятий «восточная граница» (*confine orientale*) и «наша история» (*nostra storia*) применительно к Истрии и Далмации в выступлениях 2016¹⁶ и 2017 г.¹⁷

Традиционные для европейского политического класса мотивы со временем получили развитие, превращаясь в соответствующие сигналы и очевидные доктринальные установки. Одна из таких установок направлена на уравнивание политических режимов, существовавших в Италии при Муссолини и в титовской Югославии. Отправной точкой в этом процессе можно признать речь президента Италии К. Чампи 2006 г., где подчеркивалось, что «итальянцы на землях Истрии, Кварнера и Далмации стали жертвой слепого и жестокого насилия»¹⁸.

В выступлениях конца 2000-х — начала 2010-х годов итальянские политики избегали прямого осуждения коммунизма, однако утверждали, что трагедия итальянского народа стала следствием национализма, существовавшего в Югославии. Уход в 2015 г. с поста президента Дж. Наполитано и приход более буржуазно-ориентированного С. Маттареллы, совпавший с принятием в 2019 г. резолюции Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», повлекли возвращение тенденции к уравниванию фашизма и коммунизма. В результате в речи Маттареллы 9 февраля 2018 г. возникла более жесткая формулировка «насилие титовского коммунизма, обрушившего свою месть на беспомощных итальянцев»¹⁹. В речи 2020 г. Маттарелла заявил, что итальянское население Истрии и Далмации «познало печальную и тяжелую участь перехода от диктатуры нацифашизма к диктатуре коммунизма»²⁰. Кроме того, в выступлениях 2018–2020 гг. Маттарелла сравнил события второй половины 1940-х годов с этническими чистками 1990-х годов в ходе распада Югославии, т.е. была использована более понятная и близкая для массовой аудитории аналогия.

В 2007–2011 гг. приобрел популярность мотив защиты итальянского национального меньшинства. Отправной точкой для него послужило получившее резонанс выступление Наполитано 2007 г. Эффект был настолько сильным, что в выступлении 10 февраля 2008 г. президент Италии посчитал нужным сделать отсылку к речи годичной давности и отметить, что «необдуманная реакция», последовавшая из-за рубежа, не поколебала его личных убеждений²¹.

На протяжении следующих трех лет мотив защиты трансформировался в более приземленные политические послания. 10 февраля 2009 г. Наполитано отметил:

¹⁶ Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2016. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2247> (accessed 29.03.2022).

¹⁷ Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2017. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2637> (accessed 29.03.2022).

¹⁸ Messaggio del Presidente Ciampi in occasione della Giornata Nazionale del Ricordo. 10.02.2006. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/Ciampi/dinamico/ContinuaCiampi.aspx?tipo=comunicato&key=28626> (accessed 29.03.2022).

¹⁹ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2018. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2971> (accessed 29.03.2022).

²⁰ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2020. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/44208> (accessed 29.03.2022).

²¹ Saluto del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della commemorazione del Giorno del Ricordo. 10.02.2008. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1182> (accessed 29.03.2022).

«Никакая идентичность не может быть принесена в жертву или находиться в маргинальном положении в объединенной Европе, которую мы хотим создать вместе с демократическими Словенией и Хорватией»²². Год спустя Наполитано прямо сформулировал требование признания итальянской культуры в Хорватии и Словении как элемента европейского наследия и восстановления следов ее пребывания: «Наша приверженность тесному сотрудничеству при решении сохраняющихся проблем [...] безусловно затрагивает и вопросы отношений с новыми правительствами Словении и Хорватии [...]. Я разделяю это требование, как и требование о том, чтобы “аутентичный уникальный пласт культуры, не только итальянской, но и европейской”, был не просто признан, но и воспринят в статусе общего наследия в новой Словении и Хорватии, которые сегодня соседствуют с Италией в составе Европейского союза»²³. Наконец в 2011 г. Хорватия повысила статус итальянского меньшинства, что, хотя и в завуалированной форме, было связано с перспективами вступления Хорватии в ЕС²⁴.

Заслуживает внимания мотив общего адриатического пространства. В речи 2011 г. Наполитано утверждал: «Адриатическое море, после долгих страданий и конфликтов, сегодня преобразуется благодаря евроатлантической перспективе [...]. Присутствие национальных меньшинств в наших трех странах свидетельствует об исторических и культурных связях, проходящих через столетия цивилизации и представляющих общее богатство, которым следует дорожить»²⁵. В последующие годы риторика общего пространства фигурировала в контексте евроатлантической интеграции. Наконец, в 2020 г. Маттарелла отметил: «В тех районах, которые стали в первой половине XX века театром войны и ужасных трагедий, сегодня мы разделяем с нашими соседями, Словенией и Хорватией, ценности мира, дружбы и сотрудничества – во имя общего будущего в Европе и в международном сообществе»²⁶. Отмечу, что риторика общего пространства не исключает распространения итальянского внимания и на другие страны как минимум в силу того, что она соотносится с понятием «адриатико-ионического макрорегиона», сформулированным в начале 2010-х годов в итальянском внешнеполитическом понятийном аппарате [15] и употребленным в 2016 г. министром иностранных дел Италии Паоло Джентилони в заявлении, также посвященном Дню памяти²⁷.

Развивая мысль о сохранении адриатической общности, следует отметить открытую поддержку со стороны Рима прихода в начале 2010-х годов к власти в Хорватии и Словении левоцентристских сил. В речи 2011 г. президент Наполитано поздравил с победой на выборах президентов И. Йосиповича и Д. Тюрка, которых назвал «политиками нового поколения, не заставшего фашизм,

²² Saluto del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della cerimonia per il Giorno del Ricordo. 10.02.2009. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1456> (accessed 29.03.2022).

²³ Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia per il Giorno del Ricordo. 10.02.2010. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1782> (accessed 29.03.2022).

²⁴ Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia del Giorno del Ricordo. 10.02.2011. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=2084> (accessed 29.03.2022).

²⁵ Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia del Giorno del Ricordo. 10.02.2011. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=2084> (accessed 29.03.2022).

²⁶ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2020. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/44208> (accessed 29.03.2022).

²⁷ Massacri delle Foibe, Gentiloni: «Il dialogo non cancella il ricordo». Il gazzettino. 10.02.2016. Available at: https://www.ilgazzettino.it/nordest/primopiano/massacri_delle_foibe_dialogo_non_cancella_ricordo_ministro_gentiloni-1541313.html (accessed 29.03.2022).

национализм и десятилетия разрушительных войн»²⁸. Напротив, в выступлении Маттареллы в феврале 2021 г. выражалась обеспокоенность тем, что возвращение к национализму и эгоизму может привести к ослаблению проекта единой Европы²⁹. Данное заявление можно полагать выражением озабоченности Рима в связи с возвращением к власти в Словении правопопулистского политика премьер-министра Янеза Янши (по итогам выборов в марте 2020 г.), открыто демонстрирующего скептическое отношение к европейской леволиберальной и интеграционной повестке.

Наконец, необходимо остановиться на мотиве исторической памяти. «Сегодня, когда мы положили конец неоправданному молчанию в Италии, следуя нашей приверженности развитию партнерских отношений со Словенией и Хорватией, мы должны еще раз заявить, что везде – идет ли речь об итальянском обществе, или об отношениях между людьми – важной составляющей исторического примирения является правда», – отметил Маттарелла в 2017 г.³⁰ В этой связи подчеркивалась заслуга итальянских ассоциаций беженцев (из Истрии и Далмации) в деле утверждения «правильного исторического понимания» событий XX в. (*una lettura storica corretta*).

О важности распространения существующих в Италии историко-политических установок говорил еще Д. Наполитано. В выступлениях 2007, 2010–2012 гг. подчеркивались заслуги итальянских историков и исследователей Паоло Барби, Паоло Сегатти, Стелио Спадаро, Джузеппе де Верготини, Энцо Беттица как внесших наибольший вклад в изучение событий итальянского исхода, и Луцио Тота, парламентария, с 1992 по 2013 г. председателя «Национальной ассоциации Венеции, Джулии и Далмации» (*Associazione Nazionale Venezia Giulia e Dalmazia*, основана в 1948 г. в Риме), за его активную общественную и публицистическую деятельность. В выступлении 2010 г. президент подчеркнул заслуги итальянского Института военной географии как внесшего значительный вклад в реконструкцию топонимики Истрии и Далмации. Наконец, в выступлениях 2011 и 2013 г. он положительно оценил деятельность Министерства образования, которое в этот период начало активно заниматься популяризацией в итальянских школах знаний о «великом исходе» и провело серию тематических конкурсов. Традицию признания заслуг итальянских исследователей и гуманитарных организаций продолжил С. Маттарелла в 2016 и 2021 г.

Говоря об историко-просветительской работе, необходимо обратить внимание на ряд общественных тенденций. Согласно социологическим данным за 2012 г., приводимым Э. Фонцо, лишь 22% итальянцев знали об исходе из Истрии, 15,2% слышали об этом, а 61% опрошенных был не в курсе данного сюжета. При этом 43% населения твердо знали о факте массовых убийств, а 38,6% не имели о них понятия [8. Р. 62–68]. Увеличилось количество изданных книг по проблематике исхода. С 2006 по 2021 г. в Италии была опубликована по меньшей мере 31 книга³¹. Причем если с 2006 по 2014 г. было издано 12 книг, то с 2015 по 2021 г. в свет вышло 19 новых печатных работ. Наконец,

²⁸ Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia del Giorno del Ricordo. 10.02.2011. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=2084> (accessed 29.03.2022).

²⁹ Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2021. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/52098> (accessed 29.03.2022).

³⁰ Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2017. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2637> (accessed 29.03.2022).

³¹ Подсчеты сделаны на основании изучения международного онлайн-магазина www.amazon.com и итальянского www.ibs.it.

открытие в 2015 г. в Триесте под патронажем Регионального института культуры (*Istituto Regionale per la Cultura Istriano-fiumano-dalmata*) Музея цивилизации Истрии, Фиуме и Далмации подтверждает рост внимания итальянской общественности и государства к просветительско-мемориальной работе, актуальность которой представляется достаточно высокой.

Представленный выше анализ позволяет сделать вывод, что в последние 15 лет итальянская политика памяти в отношении восточной Адриатики институционально оформилась, чему способствовала деятельность многочисленных итальянских общественных, исследовательских и прочих гуманитарных организаций, занимавшихся истрийско-далматинской проблемой. Первые из них возникли еще в 1880-е годы, а вторая волна их появления пришлась на период холодной войны. Распад Югославии и возникновение Хорватии и Словении создали новые условия для развития итальянской гуманитарной политики, отличительной чертой которой стало продвижение идеи сотрудничества с постепенным утверждением в межгосударственном дискурсе итальянских историко-политических установок.

Итальянская гуманитарная политика содействовала возникновению альтернативных направлений историко-политического дискурса (в частности, в Хорватии), часть участников которого настроена скорее примирительно, а другая часть настаивает на собственной трактовке событий 1940-х годов. Снятие в 2013 г. с повестки дня вопроса о вступлении Хорватии в ЕС открыло новый этап во взаимодействии двух нарративов. Можно согласиться с мнением К. Пахалука о том, что, сумев выработать общую экономическую, военную и внешнюю политику, ЕС испытывает проблемы с выработкой политики культурной, а существующие разногласия приобретают «историческую окраску» [2. С. 37; 3], причем борьба с ревизионизмом и продвижение «правильных» трактовок истории не является исключительно прерогативой восточноевропейских государств.

Несмотря на то что в Италии по-разному относятся к активной эксплуатации мотива итальянских жертв, он находит определенную поддержку в итальянских университетских кругах, а также в госаппарате. Этим вызвана постановка вопроса о статусе итальянского меньшинства в Хорватии и Словении на межгосударственном уровне. Наконец, продвигающаяся в русле Дня памяти идея общего адриатического пространства свидетельствует о возрождении в Италии интереса к районам, определявшимся с конца XIX в. как естественная сфера итальянских интересов. Можно предположить, что гуманитарная политика в данном направлении продолжится при поощрении официального Рима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Centar za povijesna istraživanja Rovinj. Available at: <https://crsr.org/hr> (accessed 29.03.2022).
- Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2016. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2247> (accessed 29.03.2022).
- Dichiarazione del Presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2017. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2637> (accessed 29.03.2022).
- Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2018. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/2971> (accessed 29.03.2022).
- Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 09.02.2020. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/44208> (accessed 29.03.2022).
- Dichiarazione del Presidente Mattarella in occasione del Giorno del Ricordo. 10.02.2021. Available at: <https://www.quirinale.it/elementi/52098> (accessed 29.03.2022).
- Foibe: Premier croato Mesic ammette, fu atto criminale. *Repubblica.it*. 29.01.2007. Available at: https://digilander.libero.it/lefoibe/Mesic_01.pdf (accessed 29.03.2022).

- Il presidente croato attacca Napolitano sulle Foibe. La stampa. 12.02.2007. Available at: <https://www.lastampa.it/esteri/2007/02/12/news/il-presidente-croato-attacca-napolitano-sulle-foibe-1.37133413> (accessed 29.03.2022).
- Intervento del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della celebrazione del «Giorno del Ricordo». 10.02.2007. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=930> (accessed 29.03.2022).
- Massacri delle Foibe, Gentiloni: «Il dialogo non cancella il ricordo». Il gazzettino. 10.02.2016. Available at: https://www.ilgazzettino.it/nordest/primopiano/massacri_delle_foibe_dialogo_non_cancella_ricordo_ministro_gentiloni-1541313.html (accessed 29.03.2022).
- Matteo Salvini. 10.02.2015. Available at: <https://www.facebook.com/salviniofficial/posts/10-febbraio-giorno-del-ricordo-dei-martiri-delle-foibeoltre-10000-morti-compresi/10152744368348155/> (accessed 29.03.2022).
- Messaggio del Presidente Ciampi in occasione della Giornata Nazionale del Ricordo. 10.02.2006. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/Ciampi/dinamico/ContinuaCiampi.aspx?tipo=comunicato&key=28626> (accessed 29.03.2022).
- Saluto del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della commemorazione del Giorno del Ricordo. 10.02.2008. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1182> (accessed 29.03.2022).
- Saluto del Presidente della Repubblica, Giorgio Napolitano, in occasione della cerimonia per il Giorno del Ricordo. 10.02.2009. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1456> (accessed 29.03.2022).
- Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia per il Giorno del Ricordo. 10.02.2010. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=1782> (accessed 29.03.2022).
- Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia del Giorno del Ricordo. 10.02.2011. Available at: <http://presidenti.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Discorso&key=2084> (accessed 29.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блинов Е.Н.* В поисках утраченной памяти: как нарративы большие и малые создают и разрушают нации // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 28–35.
2. *Пахалюк К.А.* Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 33–49.
3. *Пахалюк К.А.* К вопросу о политизации памяти о Великой Отечественной войне в современной Европе. Российский совет по международным делам. 08.05.2020. Available at: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-politizatsii-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-v-sovremennoy-evrope/> (дата обращения: 29.03.2022)
4. *Пивоваренко А.А.* Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века // Славяноведение. 2021. № 3. С. 36–50.
5. *Altin R., Badurina N.* Divided Memories. Istrian exodus in the Urban Space of Trieste. Memory. Identity // Culture II, Collection of essays. University of Latvia, 2018. Vol. 2. Pp. 184–200.
6. *Vona M.* L'istituto di Studi Adriatici di Venezia 1935–1945: L'Ideologizzazione della memoria // Acta Histriae. 2005. Vol. 13. No. 2. Pp. 347–362.
7. *Dukovski D.* Dva egzodusa: hrvatski (1919–1941) i talijanski (1943–1955.) // Adrias: zbornik radova Zavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu. Split, 2015. No. 8. Pp. 129–165.
8. *Fonzo E.* Use and Abuse of History and Memory: the Istrian-Dalmatian Exodus and the Current Refugee Flows // Journal of Mediterranean Knowledge. 2017. Vol. 2. No. 1. Pp. 59–78.
9. *Jeletic N.* Italian Language in Istria: Status Planning, Corpus Planning and Acquisition Planning // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 2. Pp. 385–392.
10. *Jović D.* Interpretiranje Domovinskog Rata (1991–1995) u procesu restrukturiranja hrvatskog nacionalnog identiteta // Acta Histriae, 2019. Vol. 27. No. 2. Pp. 341–359.
11. *Klabjan B.* (ed.). Borderlands of Memory: Adriatic and Central European Perspectives. Oxford, Peter Lang, 2018. 316 p.
12. *Raso A.* Le foibe: la storia dei massacri da parte dei titini // Fatti per la storia. 18.01.2021. Available at: <https://www.fattiperlastoria.it/massacri-foibe/> (accessed 29.03.2022).

13. Ruzjic-Kessler K. Avvicinamento e cooperazione interregionale: La Jugoslavia nei rapporti di vicinato con l’Austria e l’Italia (1968–1978) // *Acta Histriae*, 2018. Vol. 26. No. 3. Pp. 787–807.
14. Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 101 p.
15. The Evolving Role of the Adriatic Space in the Mediterranean Challenges and Opportunities: The German Marshall Fund of the United States / Mediterranean Paper Series December 2013 ed. by Cocco E. The German Marshall Fund of the United States. 12. 2013. 17 p. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/Mediterranean-paper_23.pdf (Accessed 17.05.2022).

REFERENCES

- Altin R., Badurina N. Divided Memories. Istrian exodus in the Urban Space of Trieste. *Memory. Identity. Culture II, Collection of essays*. University of Latvia, 2018, vol. 2, pp. 184–200. (In Eng.)
- Blinov E.N. V poiskah utrachennoj pamjati: kak narrativy bol’shie i malye sozdajut i razrushajut nacii. *Istoricheskaja jekspertiza*, 2021, no. 3, pp. 28–35. (In Russ.)
- Bona M. L’Istituto di Studi Adriatici di Venezia 1935–1945: L’Ideologizzazione della memoria. *Acta Histriae*, 2005, vol. 13, no. 2, pp. 347–362. (In Ital.)
- Dukovski D. Dva egzodusa: hrvatski (1919–1941.) i talijanski (1943–1955.). *Adrias: zbornik radova Zavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu*. Split, 2015, no. 8, pp. 129–165. (In Croat.)
- Fonzo E. Use and Abuse of History and Memory: the Istrian-Dalmatian Exodus and the Current Refugee Flows. *Journal of Mediterranean Knowledge*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 59–78. (In Ital.)
- Jeletic N. Italian Language in Istria: Status Planning, Corpus Planning and Acquisition Planning. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015, vol. 6, no. 2, pp. 385–392. (In Croat.)
- Jović D. Interpretiranje Domovinskog Rata (1991–1995) u procesu restrukturiranja hrvatskog nacionalnog identiteta. *Acta Histriae*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 341–359. (In Croat.)
- Klabjan B. (ed.). *Borderlands of Memory: Adriatic and Central European Perspectives*. Oxford, Peter Lang, 2018, 316 p. (In Croat.)
- Pahaljuk K.A. Global’naja kul’tura pamjati: v poiskah teleologicheskoy perspektivy. *Istoricheskaja jekspertiza*, 2016, no. 3, pp. 33–49. (In Russ.)
- Pahaljuk K.A. K voprosu o politizacii pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne v sovremennoj Evrope. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. 08.05.2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-politizatsii-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-v-sovremennoy-evrope/> (accessed 29.03.2022) (In Russ.)
- Pivovarenko A.A. Jetnicheskij sostav naselenija Istrii s konca XIX do nachala XXI veka. *Slavyanovedenie*, 2021, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.)
- Raso A. Le foibe: la storia dei massacri da parte dei titini. *Fatti per la storia*. 18.01.2021. Available at: <https://www.fattiperlastoria.it/massacri-foibe/> (accessed 29.03.2022). (In Ital.)
- Ruzjic-Kessler K. Avvicinamento e cooperazione interregionale: La Jugoslavia nei rapporti di vicinato con l’Austria e l’Italia (1968–1978). *Acta Histriae*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 787–807. (In Ital.)
- Škiljan F. *Talijani u Zagrebu*. Zagreb, Zajednica Talijana u Zagrebu Publ., 2015, 101 p. (In Serb.) (In Croat.)
- The Evolving Role of the Adriatic Space in the Mediterranean Challenges and Opportunities: The German Marshall Fund of the United States / Mediterranean Paper Series December 2013 ed. by Cocco E. The German Marshall Fund of the United States. 12. 2013. 17 p. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/Mediterranean-paper_23.pdf (accessed 17.05.2022). (In Eng.)

Сведения об авторе

Пивоваренко Александр Александрович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела современной истории
Института славяноведения
Российской академии наук
SPIN РИНЦ: 1707-8990
ORCID: 0000-0002-7746-5127
E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Information about the author

Pivovarenko Alexander A.,
PhD (History), Senior Research Fellow,
Department of the Contemporary History of the
Central and Southeastern Europe,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
SPIN RINCE: 1707-8990
ORCID: 0000-0002-7746-5127
E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 103–117

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 103–117

DOI: 10.31857/S0869544X0022031-7

Оригинальная статья / Original Article

Военная акция Чешско-Словацкого национального совета во Франции в годы Первой мировой войны

© 2022 г. П.В. Мошечков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

pmoshechkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена процессу создания чешско-словацких воинских формирований на территории Франции в годы Первой мировой войны. На сегодняшний день в чешской и словацкой, а также французской историографиях сформировался пласт научных трудов, посвященных данной тематике. Сюжеты, связанные с образованием автономной Чешско-Словацкой армии, затрагиваются и в работах отечественных историков. Однако при этом в большинстве работ достаточно слабо исследованы проблемы об использовании парижским центром заграничного сопротивления и французским военным ведомством в процессе формирования чешско-словацких войсковых подразделений опыта, накопленного в данной сфере российскими военными властями. Проведенное исследование показало, что работа Чешско-Словацкого национального совета, Военного министерства Французской Республики и высшего командования французской армии, направленная на создание первых чешско-словацких частей на территории страны, в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении российских военных властей и чешских и словацких организаций в России.

Ключевые слова: Французская Республика, Министерство иностранных дел, Военное министерство, Э. Бенеш, М. Жанен, чешско-словацкие войсковые части

Ссылка для цитирования: *Мошечков П.В.* Военная акция Чешско-Словацкого национального совета во Франции в годы Первой мировой войны // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 103–117. DOI: 10.31857/S0869544X0022031-7.

The Military Action of the Czechoslovak National Council in France During World War I

© 2022. Petr V. Moshechkov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

pmoshechkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the process of creation of the Czecho-Slovak military units on the territory of France during World War I. It should be stressed that in Czech and Slovak as well as in French historical science a layer of scientific works devoted to this subject had been formed. Aspects connected with the formation of the autonomous Czecho-Slovak army are also touched upon by Russian historians. However, in most of these works the problem of using by the Paris foreign resistance center and the French war office of the experience which was accumulated by the Russian military authority during the process of formation of the Czecho-Slovak troops. The study showed that the work of the Czecho-Slovak national council, the Ministry of War of the French Republic and the high command of the French army, aimed at creating the first Czecho-Slovak units in the country, in a number of aspects was carried out according to the same principles as the activities made in this direction by the Russian military authorities and the Czech and Slovak organizations in Russia.

Keywords: The French Republic, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of War, E. Beneš, M. Janin, Czecho-Slovak military units

Reference for citation: *Moshechkov Petr V.* The Military Action of the Czechoslovak National Council in France During World War I // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 5. Pp. 103–117. DOI: 10.31857/S0869544X0022031-7.

Первая мировая война стала одним из судьбоносных событий в истории чешского и словацкого народов. В годы войны их ведущим общественным и политическим деятелям удалось организовать национально-освободительное движение за границами Чешских земель и Словакии. Его составляющей стала военная акция – создание за рубежом военных подразделений. Одним из государств, в которых в годы Великой войны были сформированы чешско-словацкие войсковые части, стала Французская Республика.

Проживавшие во Франции чехи впервые заявили о намерении сражаться на стороне держав Антанты практически сразу после начала Первой мировой войны. 21–22 августа 1914 г. их представители приняли участие в мобилизации добровольцев в ряды французского Иностранного легиона [11. С. 59]. Около 250 человек из них вошли в состав 1-й роты батальона «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона, получившей неофициальное название «рота «Наздар»» (по приветствию, с которым чешские добровольцы обращались друг к другу). С ноября 1914 по апрель 1915 г. ее военнослужащие принимали участие в позиционных боях против германских войск в Шампани, а затем – во второй битве в Артуа (9 мая – 18 июня 1915 г.). В этом сражении рота понесла значительные потери и прекратила существование. Оставшиеся в живых военнослужащие оказались разбросаны между различными частями Иностранного легиона [22. С. 22–24].

В работах ряда исследователей, среди которых можно назвать и статью известного чешского историка Вацлава Вебера, рота «Наздар» была представлена в качестве специально созданной боевой единицы в рамках французского Иностранного легиона [23. С. 7]. Однако данное утверждение выглядит спорным, поскольку сравнение роты «С₁» с одновременно сформированной в Российской империи Чешской дружиной позволяет выявить между ними принципиальные различия. Последняя являлась вооруженным формированием, с самого начала имевшим особый статус в рамках русской армии, будучи предназначенной для ведения пророссийской пропаганды на территориях Австро-Венгрии, занятых русскими войсками¹. Что же касается

¹ См., например: Предписание и.д. начальника ГУГШ М.А. Беляева начальнику штаба Киевского военного округа Н.А. Ходоровичу о разрешении председателю Московского чешского комитета

роты «Наздар», то она оставалась всего лишь боевой единицей в составе одного из воинских подразделений французской армии. Отсутствие у нее особого положения в составе армии Третьей республики объясняется тем, что на первом этапе войны идея образования отдельных чешских частей не нашла отклика у официальных лиц и военных властей. На это повлияли как неосведомленность французских чиновников разного уровня во внутривойсковой ситуации в Австро-Венгерской монархии, так и отсутствие во Франции пленных военнослужащих австро-венгерской армии, так как у страны не было общего фронта с монархией Габсбургов [3. С. 556].

Проблему организации Чешско-Словацкой армии во Франции вновь поднял образованный в феврале 1916 г. Чешско-Словацкий национальный совет. Пост его председателя занял выехавший в декабре 1914 г. в эмиграцию лидер Чешской прогрессивной партии (реалистов) профессор философского факультета Чешского университета в Праге Томаш Гарриг Масарик, его заместителем был назначен депутат от чешской аграрной партии Йозеф Дюрих. Должность генерального секретаря в руководстве ЧНС занял ученик и ближайший соратник чешского профессора Эдвард Бенеш, представителя словацкого народа – ученый-астроном и военный французской армии Милан Растислав Штефаник [20. S. 19]. Данная организация начала активную политику, направленную на расширение влияния среди представителей чешской и словацкой эмиграции в странах Европы, США и Канаде [16. S. 140]. Актуальной стала и проблема формирования чешско-словацких воинских частей, в первую очередь поиска добровольцев для организации личного состава подразделений.

Основой для формирования чешско-словацких подразделений во Франции послужило небольшое количество военнопленных чехов и словаков, прибывших на территорию страны ко второй половине 1916 г. и распределенных по различным лагерям. Это были военнослужащие австро-венгерской армии, захваченные в плен частями сербской армии в ходе состоявшихся в октябре-ноябре 1915 г. боевых действий с ведущими наступление на Сербию войсками Центральных держав под общим командованием генерала Августа фон Макензена [2. С. 52]. Их первоначальное количество составляло около 25000. Вместе с сербской армией они отступали из Албании. Затем, при помощи итальянских властей, были переправлены на остров Аси나라. Из-за плохих условий содержания и болезней (тифа, холеры и дизентерии) пленные часто умирали, в результате чего к месту назначения добрались лишь около 11000 человек. К тому моменту, как Национальный совет и сербское правительство добились разрешения на отправку пленных чехов и словаков во Францию, в живых остались около 4000 военнопленных².

В сентябре 1916 г., получив согласие сербской стороны на передачу под свою юрисдикцию пленных чехов и словаков, Чешско-Словацкий национальный совет приступил к соответствующей пропаганде. Поскольку во Франции, как и в других государствах Антанты, представители ЧНС столкнулись с неосведомленностью правительственных учреждений, военных и дипломатических кругов в чешском и словацком вопросах, необходимо было решить вопрос о предоставлении деятельности Национального совета среди пленных официального статуса. С этой целью Э. Бенеш, которому во многом благодаря поддержке М.Р. Штефаника удалось завести знакомства в правительственных кругах, провел переговоры

Л. Тучеку состоять при командире сформированной в г. Киеве Чешской Дружины // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / отв. сост. К.А. Абрамян, А.Р. Ефименко, З.С. Ненашева, Н.С. Тархова. М.: Новалис, 2013. Т. 1. № 20. С. 82–83.

² Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis; Čin, 1935. Díl 1. S. 200–201.

с представителями военного и внешнеполитического ведомств Третьей республики³. Ему удалось добиться согласия французских властей на предоставление чехам и словакам благоприятствующего режима содержания, который предполагал их отделение от немцев и венгров, организацию особого питания, предоставление различных видов денежных пособий⁴. Чехам и словакам также разрешалось иметь собственные знаки отличия, отправлять в ЧСНС взносы, вести переписку с соотечественниками, находящимися в других лагерях, получать газеты, издаваемые «на чешском языке и отправляемые Национальным советом»⁵.

С сентября 1917 г. французские военные власти начали расквартировывать чешских и словацких волонтеров в лагере, развернутом в городе Коньяк. В административном плане добровольцы попадали под юрисдикцию сборного пункта 33-го пехотного полка. Примечательно, что на территории лагеря они подчинялись приказам собственных офицеров или же выпускников офицерских школ чешского и словацкого происхождения, в то время как высшее руководство над добровольцами осуществляла специально прикрепленная к ним группа французских офицеров из местных кадров⁶.

Однако имеющегося во Франции количества чехов и словаков было недостаточно для организации личного состава будущего войска. В связи с этим ЧСНС вел поиск добровольцев для создания чешско-словацкой армии и среди представителей чешских и словацких колоний за рубежом. Основное внимание лидеры заграничного сопротивления обратили на *Российскую империю*, на территории которой к концу 1915 г. – началу 1916 г. оказалось сосредоточено, по оценкам российского МИД, «не менее 100 тыс. пленных чехов»⁷. Масарику и его соратникам стало известно, что в декабре 1915 г. между Россией и Францией, испытывавшей нехватку людских ресурсов как на фронте, так и для осуществления производства вооружений, стартовали переговоры об отправке на Западный фронт около 400 000 военнослужащих Русской императорской армии в обмен на поставки вооружения и военных материалов. Однако их результаты оказались гораздо скромнее, чем изначальные расчеты дипломатов и военных Французской Республики. 25 декабря 1915 г. стороны достигли соглашения об отправке на Западный фронт 1-й Особой пехотной бригады, общая численность военнослужащих которой должна была составлять около 7600 человек (впоследствии их количество было увеличено до 8500 человек) [б. С. 37–38].

Стремясь воспользоваться сложившейся ситуацией, Чешско-Словацкий национальный совет инициировал реализацию идеи переброски из России в Западную Европу вместе с русскими военными формированиями части военнопленных соотечественников. Во Францию они должны были отправиться специально

³ *Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1–2. Dok. 1. S. 147–149; Dok. 2. S. 149–150.*

⁴ *Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii. Dok. 4. S. 153.* Интересно отметить, что подобные льготы (например, размещение в отдельных пунктах, предоставление лучших помещений, питания и одежды) российские военные власти предполагали осуществлять в отношении пленных славян и эльзас-лотарингцев еще в октябре 1914 г. См.: Отношение и.д. начальника ГУГШ М.А. Беляева начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу об имеющихся льготах в отношении военнопленных славянских народностей и эльзас-лотарингцев // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 33. С. 100–101.

⁵ *Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii. Dok. 4. S. 154.*

⁶ *Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: Nakladatelství J. Otto, s.d. S. 69.*

⁷ Записка эксперта по австро-венгерским и балканским делам при МИД А.Ю. Геровского с оценкой политической деятельности Й. Дюриха и Т.Г. Масарики. 1 февраля 1916 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 157. С. 285.

организованными ротами, которые впоследствии предполагалось использовать для усиления действующих на Западном фронте русских бригад или же самостоятельными войсковыми единицами. Предложенный ЧСНС план не встретил никаких препятствий со стороны властей Третьей республики⁸.

Для ведения переговоров со Ставкой Верховного главнокомандующего, а также с российскими внешнеполитическим и военным ведомствами в Россию были направлены Й. Дюрих и М.Р. Штефаник. Однако ходатайство об отправке части пленных чехов во Францию, направленное ими в тесном сотрудничестве с французским посольством в Петрограде в Ставку и МИД, не было удовлетворено российской стороной. Совет министров, обсудив в ходе заседания 5 августа 1916 г. «вопрос о передаче французскому правительству возможно большего числа взятых русскими войсками военнопленных», отклонил данное пожелание «ввиду наблюдаемого повсеместно в империи острого недостатка рабочих рук»⁹.

Еще одним препятствием, в значительной степени мешавшим делегатам ЧСНС осуществлять поставленные перед ними задачи, была острая борьба за лидерство в рамках ведущей организации национального движения «русских» чехов и словаков — Союза чешско-словацких обществ в России, которая велась между его петроградским и киевским центрами [7. С. 126—127]. Беспокойство у М.Р. Штефаника вызвало и стремление российских дипломатов и военных поставить под полный контроль чешско-словацкое движение в России, а также использовать визит Дюриха для того, чтобы направить движение чехов и словаков на решение основных задач внешней политики Российской империи [1. С. 195—196]. С целью устранения разногласий он инициировал переговоры между Й. Дюрихом и представителями чешских и словацких обществ, результатом которых стало заключение 16 (29) августа 1916 г. так называемой Записи о принципах чешско-словацкой акции, более известной в историографии как «Киевское соглашение». Данный документ официально провозглашал чешско-словацкое национальное движение в России частью заграничной акции, проводимой Т.Г. Масариком и его коллегами за рубежом, а депутата Дюриха — представителем чехов и словаков в России, хотя и ограничивал его полномочия: ему предстояло опираться «на круг сотрудников-специалистов», избранных по соглашению с ним Национальным советом¹⁰.

Однако дальнейшие действия заместителя председателя ЧСНС продемонстрировали его фактический отказ следовать изложенным в тексте «Записи» принципам. Более того, к тому моменту МИД и российские военные власти предприняли попытку непосредственно вмешаться в решение использовать его в качестве «политической вывески» для создания в России центра чешско-словацкого национального движения, полностью находящегося под контролем российского правительства¹¹. На фоне этих событий Штефаник принял решение уехать на неко-

⁸ *Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa.* Praha: Orbis; Čin, 1935. Díl 1. S. 181—184.

⁹ Письмо Управляющего делами Совета Министров И.Н. Лодыженского товарищу министра иностранных дел В.А. Арцимовичу. [Петроград], 7 августа 1916 г. // РГИА. Ф. 1267. Оп. 12. Д. 1540. Л. 1—2.

¹⁰ «Запись о принципах чешско-словацкой акции», подписанная представителями ЧСНСовета, Союза чешско-словацких обществ в России и Словацкой лиги в Америке, с признанием полномочий за Национальным советом // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 230. С. 438—439.

¹¹ К ноябрю 1916 г. Особым политическим отделом МИД Российской империи был подготовлен устав нового органа для руководства национальным движением чехов и словаков в России — Чешско-Словацкого народного совета, утвержденный Советом министров 10 января 1917 г. Согласно тексту документа его председателем был назначен Йозеф Дюрих, а деятельность данной организации должна была контролироваться российскими внешнеполитическим и военным ведомствами, а также Министерством внутренних дел [1. С. 203, 209—212, 216].

торое время из России, предоставив Дюриху полную свободу действий, а затем, дождавшись подходящего момента, вернуться обратно и продолжить переговоры с российскими властями.

30 сентября 1916 г. особым приказом координировавшего его работу в России начальника французской военной миссии при Ставке генерала М. Жанена Штефаник был направлен во временное распоряжение французской военной миссии в *Румынии*¹². Здесь при непосредственной поддержке со стороны главы французского военного представительства, генерала Анри Матиаса Бертело и с санкции короля Фердинанда I и румынского Генерального штаба ему удалось набрать среди пленных чехов и словаков 1500 добровольцев, желавших отправиться во Францию¹³. В начале 1917 г. из-за стремительного наступления немецких войск, заменивших на Румынском фронте австро-венгерские части, подготовленных к отправке в Западную Европу военнопленных в конце декабря переправили из места сосредоточения в Добрудже в Бырлад, а затем – в Яссы [19. С. 165]. 16 января 1917 г. транспорт с волонтерами прибыл в Кишинев, где его командующим был назначен младший лейтенант авиации Фульк де Ларенти-Толозан¹⁴. 12 июля 1917 г. первая группа «румынских» добровольцев в составе 308 человек прибыла в порт Ла Рошель [12. Р. 74].

По возвращении из Румынии в Россию в начале января 1917 г. Штефаник продолжил работу, направленную на объединение «русских» чехов и словаков вокруг политической линии, которой придерживался ЧСНС. Ему удалось полностью отстранить Дюриха и возглавлявшийся им Чешско-Словацкий народный совет от политической деятельности в России [5. С. 105–106]. Возобновил он и переговоры об отправке чешских и словацких добровольцев во Францию и при содействии М. Жанена заручился поддержкой временно исполняющего должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В.И. Ромейко-Гурко. Последний поспособствовал внесению вопроса в повестку дня одного из заседаний состоявшейся 19 января – 8 февраля (1–21 февраля) Петроградской межсоюзнической конференции. Несмотря на то что участники конференции рассматривали этот вопрос как меру сугубо практического значения, направленную на пополнение личного состава российской и французской армий¹⁵, уже факт его обсуждения представителями союзников вывел проводившуюся на данном направлении работу на качественно новый уровень.

Начатые Штефаником переговоры продолжились уже после Февральской революции Т.Г. Масариком, приехавшим в Россию в мае 1917 г. Лидер чешско-словацкого заграничного сопротивления, возглавивший созданное к тому моменту Отделение ЧСНС для России, лично занялся вопросами, связанными с завершением процесса образования на территории России чешско-словацких воинских формирований. Ему удалось наладить тесные связи с дипломатическими представителями

¹² Generál Janin, náčelník francúzskej vojenskej misie v Rusku, preraďuje Štefánika k francúzskej vojenskej misii v Rumunsku // *Holotík L. Štefanikovská legenda a vznik ČSR*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. Dok. 21. S. 399.

¹³ М. Жанен – М.В. Алексееву. [Могилев], Ставка, 4 (17) апреля 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 доп. Д. 1772. Л. 38–38об.; Štáb armády, oddelenie organizácie a mobilizácie armády. Informácia o nabore českých dobrovoľníkov medzi rakúskymi zajatcami v Rusku a v Rumunsku, Paříž 28. júla 1917 // *Guelton F., Braud E., Kšiňan M. Generál Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch Historickéj služby francúzskeho ministerstva obrany*. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2009. Dok. 51. S. 68.

¹⁴ *Janin M. Moje účasť...* S. 34–35.

¹⁵ Conférence de Petrograd. Réunion des délégués pour l'examen des questions politiques, tenue le 22 janvier / 4 février 1917 au Ministère des affaires étrangères // АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 628. Л. 24.

Великобритании, Италии, Сербии и Румынии, руководством французских военных миссий в Петрограде, Киеве и Яссах¹⁶.

Однако наибольшую помощь Масарик смог получить от пребывавшего на тот момент в России министра вооружений Третьей республики Альбера Тома. Еще перед прибытием председателя ЧСНС в Петроград французский политик направил российским правительственным учреждениям меморандум, в котором представил план переброски в течение лета 1917 г. во Францию 30 000 чешских и словацких добровольцев из числа как формируемых на территории России чешско-словацких частей, так и пленных чехов и словаков¹⁷. Ходатайство французского военного министра одобрили как Временное правительство и Генеральный штаб, так и президиум ОЧСНС для России во время его второго заседания, состоявшегося 15 (28) мая 1917 г.¹⁸

На принятие такого решения значительно повлияла крайне негативная позиция по вопросу формирования частей в России, занятая командующим Киевского военного округа полковником К.М. Оберучевым и военным и морским министром А.Ф. Керенским [10. Р. 68–69]. На первых порах они не проявили заинтересованности в организации чешско-словацких частей и дальнейшем расширении их личного состава. 21 мая (3 июня) 1917 г. Керенский распорядился приостановить процесс их формирования. Это распоряжение укрепило намерение председателя ЧСНС связать судьбу создаваемых подразделений с предложениями французской стороны [4. С. 84; 21. С. 6].

С этой целью военной комиссией ОЧСНС в конце мая – начале июня были разработаны правила, по которым предстояло проводить набор добровольцев для Франции. Их поиском занималась специально созданная комиссия, состоявшая из пяти членов. В случае необходимости ее состав предполагалось увеличить за счет прикрепления к ней французских офицеров. Работа велась на основании разрешения, данного ранее российским правительством, и дополнительных распоряжений Ставки¹⁹. Основные принципы сотрудничества ОЧСНС и французской военной миссии в России по размещению волонтеров в отдельных лагерях, организации руководства ими и подготовке к отъезду в Западную Европу нашли отражение в «Проекте правил для набора чешско-словацких пленных в России»²⁰.

Разработанный ОЧСНС проект одобрил начальник французской военной миссии генерал А.А. Ниссель. С текстом документа был ознакомлен и А. Тома. Так как вопрос об отправке из России солдат для службы на французском фронте не входил в компетенцию последнего, все принятые решения подлежали утверждению военным ведомством Третьей республики²¹. 29 июля 1917 г. занимавший посты премьер-министра и военного министра Франции П. Пенлеве представил проект

¹⁶ *Masaryk T. G. Světová revoluce. Za války a ve válce, 1914–1918. Praha: Čin, 1938. S. 148.*

¹⁷ [Копия записки о ходатайстве А. Тома]. Б. м., 2 (15) мая 1917 г. // АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 224. Л. 244–245об.

¹⁸ Отношение ГУГШ председателю Отделения ЧСНСовета Б. Чермаку о поднятном министром вооружений Франции А. Тома вопросе передачи чешских воинских частей и рабочих Франции // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 354. С. 693–694.

¹⁹ Проект создания чешско-словацкого войска из находящихся в России военнопленных чехов и словаков для Франции, выработанный Военной комиссией Отделения для России Чешско-Словацкого национального совета // VÚA – VHA. F. OČSNR. Čj. 471. Karton 3.

²⁰ *Projet náboru čs. zajatců v Rusku // VÚA – VHA. F. ČSNR. 16/4/6. Karton 45.*

²¹ Записка председателя ЧСНСовета Т.Г. Масарика в МИД «О формировании чешско-словацких войсковых частей для русского и французского фронтов» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 824.

ОЧНС на рассмотрение Министерства иностранных дел, которое одобрило его 4 августа [15. Р. 78].

Тем временем успешные действия сформированной в составе Русской императорской армии Чешско-Словацкой стрелковой бригады в сражении у Зборова (19 июня/2 июля 1917 г.) стали поводом для изменения отношения российских властей и лично Керенского к проблеме организации чешско-словацких частей в России. Теперь они не возражали против возобновления работы по расширению их личного состава и организации дальнейшего набора добровольцев. Это обстоятельство способствовало пересмотру Масариком занимаемых им ранее позиций. В деле организации чешско-словацкого войска он вновь начал ориентироваться на Россию.

К решению проблем, связанных с отправкой чешско-словацких контингентов на французский фронт, председатель ЧНС вернулся в конце лета — начале осени 1917 г. В августе 1917 г. в Россию прибыла группа офицеров армии Третьей республики во главе с Арсеном Верже. Им предстояло осуществить набор и обучение чешских и словацких волонтеров, а также организовать их последующую переброску во Францию²². К сентябрю — октябрю 1917 г. ОЧНС, российские власти и французские военные представители определили порядок формирования первого эшелона под командованием капитана Отакара Гусака, состоявшего из 1200 добровольцев. Они отправились из Архангельска 16 октября 1917 г. на борту парохода «Курск» и прибыли во французский порт Ле Гавр 12 ноября 1917 г. Вместе с ними на пароходе «Стентор» были доставлены 400 чехов и словаков — вторая партия волонтеров из Румынии²³. Еще один транспорт с чешско-словацкими добровольцами под командованием полковника Г. Гибиша насчитывал около 500 человек. Ввиду различных трудностей данный эшелон добрался до берегов Франции лишь 31 мая 1918 г. [9. С. 3–5].

Осуществлял Чешско-Словацкий национальный совет поиск добровольцев и в *Соединенных Штатах Америки*, где к началу войны проживали по приблизительным оценкам около миллиона чехов и словаков [13. С. 11]. О планах привлечь их к национальному движению руководители ЧНС заявили еще в 1916 г. Так, из донесения генерала Жанена от 28 октября 1916 г. во французский Генеральный штаб следует, что М.Р. Штефаник предполагал добиться трудоустройства нескольких сотен тысяч волонтеров из числа проживающих в США чехов и словаков в качестве рабочих на американские фабрики и заводы, получавшие заказы от держав Антанты [16. С. 188]. Когда после объявления США 6 апреля 1917 г. войны Германии чешские и словацкие общества начали кампанию по вступлению в ряды американской армии, он поставил вопрос о службе волонтеров из этой страны в будущем чешско-словацком войске.

Штефаник прибыл в США 15 июня 1917 г., имея на руках соответствующие поручения правительства Третьей республики и ЧНС. Официально он находился в составе французской специальной миссии, возглавляемой Анри Франклин-Буйоном [13. С. 97]. Делегат ЧНС предполагал отправить в течение двух—четырёх месяцев контингент численностью около 20000 человек. Однако успех его переговоров с членами американского правительства в Вашингтоне оказался половинчатым во многом из-за несогласия американских властей с вступлением в армии иностранных государств в качестве добровольцев чехов и словаков, имевших

²² Vergé A. Avec les Tchecoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris: René Guillon, 1926. P. 20, 26.

²³ Husak O. Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka. Praha: Československá oběc legionářská, 2017. Kn. 1. S. 321; Vergé A. Avec les Tchecoslovaques... P. 43–44.

гражданство США или подавших заявление о его получении. Они позволили неофициально вести набор лишь среди чехов и словаков, которые не подлежали воинской повинности. Отправку эшелонов с добровольцами во Францию предстояло осуществить на пассажирских и грузовых судах, принадлежавших французским и английским компаниям, или же, в случае возникновения необходимости, предоставленных французским правительством²⁴.

Расходы на организацию набора добровольцев и осуществление деятельности образуемых войсковых канцелярий должны были нести ведущие организации национального движения «американских» чехов – Национального союза чешских католиков, Словацкой лиги и Чешского национального объединения. Согласно договоренностям, достигнутым между Штефаником и представителями их руководства, для координации работы был создан Чешско-словацкий военный комитет под председательством Людвиг Фишера. Руководство комитета разделило территорию США на четыре мобилизационных округа, в каждый из которых направлялся референт, назначавшийся из представителей сокольских организаций [13. С. 98–99; 14. С. 53].

По мере налаживания работы в течение лета-осени 1917 г. стало ясно, что число добровольцев, желающих воевать на Западном фронте, невелико. Один корабль, направленный из США во Францию в начале ноября 1917 г., перевез лишь 71 добровольца; второй (отправился во Францию до начала февраля 1918 г.) – 155 [17. С. 48]. Причинами столь скромных результатов были как несогласие ряда деятелей Чешского национального объединения и Словацкой лиги с планами ЧСНС создать собственные национальные части в рядах вооруженных сил США, так и существенные упущения в организации самой кампании по набору волонтеров [13. С. 100–101].

Ситуация изменилась лишь в 1918 г., когда в руководящих кругах национального движения «американских» чехов и словаков окончательно стала доминировать идея о послевоенном развитии Чешских и Словацких земель в рамках единого самостоятельного государства. В феврале 1918 г. по инициативе Чешского национального объединения, Словацкой лиги и Национального союза чешских католиков в Чикаго состоялось открытие Отделения ЧСНС в Америке, политическая деятельность которого ориентировалась на проводимую Т.Г. Масариком и его коллегами линию²⁵. Одновременно было принято решение о создании в его рамках Военного отдела (Военной канцелярии), во главе которого встал офицер чешско-словацких частей в России Зденек Фирлингер²⁶. Желавшие вступить в ряды

²⁴ Telegram francúzskeho vojenského pridelenca vo Washingtone generála Vignala ministrovi vojny v Paríži 26. júla 1917 // *Guelton F., Braud E., Kšiňan M.* Generál Milan Rastislav Štefánik... Dok. 50. S. 67.

²⁵ ЧСНС удалось окончательно взять в свои руки руководство национальным движением среди соотечественников в Новом Свете лишь после приезда в США в мае 1918 г. Т.Г. Масарика. Важным шагом, обозначившим процесс консолидации «американских» чехов и словаков вокруг проводимой ЧСНС линии стало заключение представителями чешских и словацких обществ 30 мая 1918 г. в присутствии Масарика так называемого Питтсбургского соглашения, в котором было заявлено о готовности чехов и словаков придерживаться совместной политической программы, направленной на достижение их объединения в рамках единого независимого государства. Основой для переговоров стало соглашение, заключенное между представителями Чешского национального объединения и Словацкой лиги в Кливленде 22 октября 1915 г., в котором содержался тезис об объединении Чешских и Словацких земель в федеративном государственном союзе с полной национальной автономией Словакии [8. С. 62; 13. С. 124–125].

²⁶ ОЧСНС командировал З. Фирлингера в США в октябре 1917 г. совместно с другим представителем организации, Яном Янчеком. Основной задачей Фирлингера была помощь американским соотечественникам при дальнейшем осуществлении собственной военной акции, в то время как Янчеку предстояло заниматься пропагандистской деятельностью среди проживающих в США словаков [24. С. 684].

чешско-словацких подразделений во Франции «американские» чехи и словаки с апреля 1918 г. направлялись в специально организованный учебно-тренировочный лагерь, расположенный в окрестностях города Стэмфорд (штат Коннектикут). Централизация в значительной степени способствовала упорядочению процесса вербовки добровольцев. Всего в чешско-словацкие легионы во Франции записались 3000 волонтеров, из этого числа на Западный фронт было отправлено 2390 человек [14. С. 54–59].

Параллельно с работой по поиску необходимого для воинских подразделений личного состава ЧСНС вел переговоры с целью определения принципов, на основании которых предстояло формировать национальные части во Франции. Они увенчались успехом. 16 декабря 1917 г. председателем правительства и военным министром Третьей республики Жоржем Клемансо, министром иностранных дел Стефаном Пишоном и президентом Раймоном Пуанкаре был подписан декрет об организации автономной Чешско-Словацкой армии, официально позволивший Национальному совету иметь на территории страны собственные военные подразделения²⁷.

Для упорядочения работы по созданию частей Чешско-Словацкий национальный совет и французский Генеральный штаб совместно разработали так называемую Генеральную инструкцию по созданию автономной Чешско-Словацкой армии (франц. — *Instruktion générale sur la constitution d'une Armée Tchecoslovaque Autonome*), подписанную Ж. Клемансо и Э. Бенешем 7 февраля 1918 г. Согласно ее ст. 2 командующим чешско-словацкого войска являлся генерал, назначенный на эту должность правительством Третьей республики по согласованию с Чешско-Словацким национальным советом. Ему предстояло решать вопросы, связанные с формированием войска, его управлением, обеспечивать строевую подготовку, руководить вверенными ему частями в ходе боевых действий. Кроме того, в его обязанности входило представлять чешско-словацкое войско перед военным министром и высшим французским командованием. Отдельные параграфы «Генеральной инструкции» были посвящены финансированию и условиям использования данной боевой единицы на театре военных действий²⁸.

Работа по созданию автономного чешско-словацкого войска была поручена генералу М. Жанену. Приказом французского Генерального штаба от 18 декабря 1917 г. он был назначен главой чешско-французской комиссии по организации войска, а позднее, 28 февраля 1918 г. — главнокомандующим всеми чешско-словацкими вооруженными силами за границей²⁹. Первым его шагом на данном посту стала работа по организации собственного штаба, что было предусмотрено ст. 2 «Генеральной инструкции». Помимо М.Р. Штефаника в группу лиц, призванных стать ассистентами французского генерал-майора, вошли майор Пейрис, капитан де Роан-Шабо, младшие лейтенанты де Ларенти-Толозан и де ла Морньер³⁰. Позднее на службу в штаб поступили капитан Эмело и старший лейтенант чешско-словацких войск Фабиан, занявший должность офицера для поручений при Жанене³¹.

²⁷ Rapport au président de la République Française. Paris, le 16. décembre 1917 // Journal officiel de la République Française. Lois et décrets. 1917. 19 XII. P. 10379. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63595440/f3.item.zoom> (дата обращения: 27.01.2022); Beneš E. Světová válka a naše revoluce... Díl 2. S. 16–17.

²⁸ Paříž, 7. února 1918. Instrukce francouzského ministerstva války a Národní rady o vytvoření autonomní československé armády // AÚTGM. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Karton V – 302.

²⁹ Janin M. Moje účast... S.66–67.

³⁰ List velitele československej armády generála Janina ministromi vojny, Paříž 30. decembra 1917 // Guelton F., Braud E., Kšiňan M. Generál Milan Rastislav Štefánik... Dok. 64. S. 77.

³¹ Janin M. Moje účast... S. 68.

12 сентября 1918 г. начальником штаба Чешско-Словацкой армии и представителем ее командующего при ЧСНС Военным министерством был назначен полковник Жан Казала³².

В 1918 г. продолжился приток чешских и словацких добровольцев во Францию. Помимо волонтеров из России, Румынии и США, в состав создаваемых на территории Третьей республики чешско-словацких войсковых частей вошли 850 чехов и словаков, прибывших из Италии³³, два транспорта чехов и словаков, воевавших на Салоникском фронте в составе подразделений сербской армии и прибывших во Францию в апреле 1918 г. (260 и 200 человек соответственно) [22. S. 156] и около 50 представителей местной чешской диаспоры, а также 50 чехов, ранее служивших в рядах Иностранного легиона, в составе Марокканской дивизии, и перешедшие в состав легионов после ее отхода в тыл в июне 1918 г.

По мере увеличения числа добровольцев на территории Французской Республики формировались отдельные чешско-словацкие воинские части. 12 января в мэрии г. Коньяк было торжественно провозглашено образование 21-го чешско-словацкого стрелкового полка³⁴ под командованием подполковника Армана-Шарля Филиппа. 20 мая 1918 г. в расположенном неподалеку Жарнаке начался процесс формирования еще одного подразделения, 22-го чешско-словацкого стрелкового полка, командиром которого стал подполковник Гардан.

В первой половине июня 1918 г. оба полка были передислоцированы в Северо-Восточную Францию. Их расквартировали в местечках Дарни и Аттиньи в департаменте Вогезы, недалеко от линии фронта. 30 июня военнотружущие обоих полков присягнули на верность ЧСНС. Присутствовавший на данном мероприятии президент Французской Республики Р. Пуанкаре торжественно вручил 21-му стрелковому полку знамя, созданное по эскизу художника Ф. Купки. Уже после перевода в начале июля на линию фронта полки образовали 1-ю чешско-словацкую пехотную бригаду [22. S. 158, 200], возглавить которую было поручено командующему 21-м стрелковым полком подполковнику А.-Ш. Филиппу³⁵. Эти события обозначили начало зарождения чешско-словацких легионов во Франции³⁶.

³² [Служебное уведомление Военного министерства Французской Республики о назначении полковника Ж. Казала начальником штаба Чешско-Словацкой армии. Париж, 12 сентября 1916 г.] // VÚA – VNA. F. Čs. legie ve Francii – Generální štáb československých vojsk. Inv. jedn. 11. Karton 2.

³³ ЧСНС рассматривал в качестве источника для пополнения личного состава чешско-словацкого войска и чехов и словаков, захваченных в плен итальянской армией, общая численность которых составляла около 22 тыс. человек. В июле 1917 г. Э. Бенеш отправился в Италию, где попытался добиться согласия правительства страны на передачу их в распоряжение Французской Республики. Однако в сентябре 1917 г. его ходатайство было отклонено итальянской стороной, которая согласилась лишь на создание чешско-словацких рабочих батальонов, с административной точки зрения подчинявшихся командованию итальянской армии. Создание на территории Италии полноценных чешско-словацких боевых частей, равно как и отправка летом 1918 г. из Италии во Францию контингента пленных чехов и словаков, стали возможны лишь после проведенных М.Р. Штефанником в марте – апреле 1918 г. переговоров с итальянскими военными властями [18. S. 48, 67, 71].

³⁴ Подобная нумерация полков была связана с намерением ЧСНС продемонстрировать единство создаваемого войска, поскольку предполагалось, что на территории России будет создано 20 пехотных полков. Именно поэтому легионы во Франции должны были получить номера начиная с 21-го. По этой же причине формируемые на территории Итальянского королевства чешско-словацкие полки получили номера начиная с 31-го [18. S. 76].

³⁵ Rozkaz vrchního velitele Čs. armády, generála Janina, jimž plukovník Philippe ustanoven velitelem I. Čs. brigády // Československá legie ve Francii. Druhý sborník francouzských legionářů, vydaný v 80. roce života prvního presidenta Československé republiky T.G. Masaryka / za red. L. Preiningera. Praha: Kruh francouzských legionářů, 1930. S. 39.

³⁶ С 15 (28) января 1918 г. статус подразделений автономной Чешско-Словацкой армии во Франции имели и находившиеся на территории бывшей Российской империи части Чешско-Словацкого

Следует отметить, что подробное изучение проходивших по линии военного ведомства Третьей республики официальных документов, связанных с созданием чешско-словацких частей во Франции, наглядно демонстрирует схожесть представленных в них формулировок с теми, которые содержатся в аналогичных материалах российского происхождения. Это касается как мер по предоставлению пленным чехам и словакам особого режима содержания, так и положений, регулировавших организацию войсковых единиц. В частности, и в российских, и во французских документах прослеживается принцип преемственности кадров. Так, в отношении начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу исполняющего должность начальника ГУГШ генерала М.А. Беляева о формировании особых чешских войсковых частей от 8 августа 1914 г. назначение российских и французских офицеров в качестве командного состава рассматривалось лишь как временная мера. Согласно этому документу предусматривалась последующая их замена военными служащими чешского и словацкого происхождения в соответствующем звании³⁷. Подобный принцип соблюдался и создателями войска во Франции. М. Жанен указал в мемуарах, что чешско-словацкие добровольцы первоначально наделялись полномочиями, соответствовавшими чину младшего или старшего лейтенанта, и прикреплялись в качестве помощников к служащим в полках французским офицерам. Затем, по мере повышения по служебной лестнице, они должны были постепенно перенимать функции своих французских начальников³⁸. То же можно сказать и о вопросах, связанных с языком, используемым в данных формированиях. Как в российских документах по линии Союза чешско-словацких обществ в России, так и в «Генеральной инструкции» все внутреннее делопроизводство должно было вестись на национальном языке, в то время как внешнею переписку частей предполагалось осуществлять соответственно на русском или французском языках³⁹. Из этого следует, что при создании легионов на территории Франции руководство ЧСНС и военные власти учитывали опыт, накопленный на данном направлении российской стороной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи, Москва

вр.и.д. – временно исполняющий должность

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба

и.д. – исполняющий должность

ОЧСНС – Отделение Чешско-Словацкого национального совета

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

корпуса. См.: Постановление комиссии Президиума Отделения для России ЧСНСовета о провозглашении чехословацкого войска в России частью чехословацкой армии, состоящей в ведении французского верховного главнокомандования // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. А.Р. Ефименко, К.А. Абрамян, Н.А. Мышов, З.С. Ненашева, Е.П. Серапионова, А.Д. Силаев, В. Слука, И. Урмински. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. № 2. С. 36–37.

³⁷ Отношение и.д. начальника ГУГШ М.А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу о формировании особых чешских войсковых частей из чехов-добровольцев // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. Док. № 7. С. 59–60.

³⁸ Janin M. Moje účast... S. 71–72.

³⁹ См.: Отношение вр.и.д. начальника ГУГШ П.И. Аверьянова товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову с просьбой дать заключение на прилагаемый «Проект организации чешско-словацких войсковых частей» и «Технический план формирования чешско-словацких войсковых частей», разработанный Правлением Союза чешско-Словацких обществ в России. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 207. С. 389; Paříž, 7. února 1918. Instrukce francouzského ministerstva války... // AÚTGM. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Karton V – 302.

ЧСНС – Чешско-Словацкий национальный совет
AÚTGM – Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, Praha
VÚA – VNA – Vojenský ústřední archiv – vojenský historický archiv, Praha

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВП РИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474.
АВП РИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 628.
РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев. Оп. 3. Д. 120.
РГИА. Ф. 1267. Совет министров (1905–1917). Оп. 12. Д. 1540. Л. 1–2.
AÚTGM. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Kart. V – 302.
VÚA – VNA. F. Čs. legie ve Francii – Generální štáb československých vojsk.
VÚA – VNA. F. Československá národní rada (ČSNR) (1914) 1915–1918 (1931). Kart. 23; Kart. 24.
Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920. Документы и материалы. М.: Новалис, 2013.
Т. 1. / отв. сост. К.А. Абрамян, А.Р. Ефименко, З.С. Ненашева, Н.С. Тархова. 1016 с.
Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. / сост. А.Р. Ефименко, К.А. Абрамян, Н.А. Мышов, З.С. Ненашева, Е.П. Серапионова, А.Д. Силаев, В. Слука, И. Урмински. 1024 с.
Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis; Čin, 1935. 3 d.
Československá legie ve Francii. Druhý sborník francouzských legionářů, vydaný v 80. roce života prvního presidenta Československé republiky T.G. Masaryka/ za red. L. Preiningera. Praha: Kruh francouzských legionářů, 1930. S. 55.
Guelton F., Braud E., Kšiňan M. Generál Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch Historickej služby francúzskeho ministerstva obrany. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2009. 180 s.
Husak O. Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka. Praha: Československá obec legionářská, 2017. Kn. 1. 357 s.
Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: Nakladatelství J. Otto, s.d. 381 s.
Masaryk T.G. Světová revoluce. Za války a ve válce, 1914–1918. Praha: Čin, 1938. 789 s.
Rapport au président de la République Française. Paris, le 16. décembre 1917 // Journal officiel de la République Française. Lois et décrets. 1917. 19 XII. P. 10379. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63595440/f3.item.zoom> (дата обращения: 27.01.2022).
Vergé A. Avec les Tchécoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris: René Guillon, 1926. 201 p.
Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1–2. S. 147–154.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ведерников М.В.* Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2016.
2. *Вишняков Я.В.* «Сербская Голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 52–59.
3. *Гайкова Д.* «Эти люди идут на казнь»: история роты «Наздар» // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 года, г. Москва) / под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Издательство МНЭПУ, 2015. С. 547–556.
4. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М.: Наука, 1965. 395 с.
5. *Ненашева З.С.* Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение (весна 1916 – начало 1917 г.) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд: сборник статей / отв. ред. В.К. Волков. Мартин: Neografia Martin, 2001. С. 83–109.
6. *Павлов А.Ю.* «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.: Вече; СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011. 224 с.
7. *Серапионова Е.П.* К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. / отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 120–136.

8. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / отв. ред. В.В. Марьина. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 435 с.
9. Babka A. Za Polární kruh: kus historie československého vojska za hranicemi. Praha: Památník Odboje, 1924. 30 s.
10. Baerlein H. The March of the Seventy Thousand. London: Leonard Parsons, 1926. 287 p.
11. Boháč J. Kronika československé legie ve Francii. Praha: Naše záloha; O. Vaněk, 1938. Kn. 1. Rota Nazdar, 1914–1916. 580 s.
12. Fic V.M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918. Praha: Academia, 2006. Díl 1: Vznik československých legií v Rusku, 1914–1918. Ruská otázka a boj za svobodný stát. 342 s.
13. Hajková D. «Naše česká věc». Češi v Americe za první světové války. Praha: Lidové noviny, 2011. 162 s.
14. Hanzlík F. Nábor dobrovolníků v USA do československých legií ve Francii, úloha Zdeňka Fierlingera a Vojenského odboru Československé národní rady // Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd. 2018. Roč. 32. Č. 2. S. 48–60.
15. Henry Ch., De Méans F. L'Armée Tchecoslovaque. Nancy: Charles-Lavauzelle & Cie, 1928. 208 p.
16. Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 513 s.
17. Hronský M.M.R. Štefánik: organizovanie a štátotvorná úloha česko-slovenských légii // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat: zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4.–5. mája 1999 / eds. M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava: Vojenský historický ústav, 1999. S. 38–56.
18. Klípa B. Československá legie v Itálii // Historie a Vojenství. 1993. Roč. XLII. Č. 1. S. 17–91.
19. Kopecký P. Vojenská misia generála M.R. Štefánika v Rumunsku vo svetle rumunských vojenských archívnych dokumentov // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / eds. M. Čaplovič, B. Ferencuhová, M. Stanová. Bratislava: Vojenský historický ústav – Ministerstvo obrany Slovenskej republiky; Historický ústav SAV; Slovenský národný archív, 2010. S. 163–166.
20. Kšiňan M. «V jednote je sila!». Štefánik a boj o jednotu československého odboja v Rusku v rokoch 1916/1917 // Slovensko a Európa medzi demokraciou a totalitou: kapitoly z dejín 20. storočia k jubileu Bohumily Ferencuhovej / eds. M. Hanula, M. Kšiňan. Bratislava: Veda, 2017. S. 17–27.
21. Kudela J. Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše Revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 1–31; Sv. 2. S. 161–169; Sv. 3. S. 281–291; 1932. Roč. VIII. Sv. 3. S. 254–271; Sv. 4. S. 399–421.
22. Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha: Mladá fronta, 1996. 282 s.
23. Veber V. O československých legiích a potřebě tradice // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze / uspoř. V. Veber. Praha: Národní knihovna ČR, 2003. S. 6–13.
24. Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920 / za vrchní redakce R. Medka. Praha: Nákladem vládním, 1924. Kn. 2. Díl III: Pod vedením prof. T.G. Masaryka.

REFERENCES

- Babka A. *Za Polární kruh: kus historie československého vojska za hranicemi*. Prague, Památník Odboje Publ., 1924, 30 p. (In Czech.)
- Baerlein H. *The March of the Seventy Thousand*. London, Leonard Parsons Publ., 1926, 287 p.
- Boháč J. *Kronika československé legie ve Francii*. Prague, Naše záloha, O. Vaněk Publ., 1938. Kn. 1. *Rota Nazdar, 1914–1916*, 580 p. (In Czech.)
- Chekhiia i Slovakiia v XX veke: ocherki istorii*, ed. V.V. Mar'jina. Moscow, Nauka Publ., 2005, book 1, 435 p. (In Russ.)
- Fic V.M. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918*. Prague, Academia Publ., 2006, vol. 1: *Vznik československých legií v Rusku, 1914–1918. Ruská otázka a boj za svobodný stát*, 342 p. (In Czech.)
- Hajková D. «Eti ljudi idut na kazn'»: istoriia roty «Nazdar». *Pervaja mirovaia vojna: vzgljad spustia stoletije. 1914 god: ot mira k vojne. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (27–28 noiabria 2014 goda, g. Moskva)*, eds. S.S. Stepanov, G.D. Shkundin. Moscow, IUUEPS Academy Publ., 2015, pp. 547–556. (in Russ.)
- Hajková D. «Naše česká věc». *Ceši v Americe za první světové války*. Prague, Lidové noviny Publ., 2011, 162 p. (In Czech.)
- Hanzlík F. Nábor dobrovolníků v USA do československých legií ve Francii, úloha Zdeňka Fierlingera a Vojenského odboru Československé národní rady. *Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd*, 2018, vol. 32, no. 2, pp. 48–60. (In Czech.)
- Henry Ch., De Méans F. *L'Armée Tchecoslovaque*. Nancy, Charles-Lavauzelle & Cie Publ., 1928, 208 p.

- Holotík L. *Štefanikovská legenda a vznik ČSR*. Bratislava, Slovak Academy of Sciences Publ., 1958, 513 p. (In Slovak.)
- Hronský M.M.R. Štefánik: organizovanie a štátotvorná úloha česko-slovenských légii. *Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat: zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4.–5. mája 1999*, eds. M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava, Institute of Military History Publ., 1999, pp. 38–56. (In Slovak.)
- Klevanskii A. Kh. *Chekhoslovatskije internatsionalisty i prodannyi korpus. Chekhoslovatskije politicheskije organizatsii i vojskije formirovaniia v Rossii, 1914–1922*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 395 p. (In Russ.)
- Klípa B. Československá legie v Itálii. *Historie a Vojenství*, 1993, vol. XLII, no. 1, pp. 17–91. (In Czech.)
- Kopecký P. Vojská misia generála M.R. Štefánika v Rumunsku vo svetle rumunských vojenských archívnych dokumentov. *Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie*, eds. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava, Institute of Military History Publ., Institute of History of Slovak Academy of Sciences Publ., Slovak National Archives Publ., 2010, pp. 163–166. (In Slovak.)
- Kšňan M. «V jednote je sila» Štefánik a boj o jednotu československého odboja v Rusku v rokoch 1916/1917. *Slovensko a Európa medzi demokraciou a totalitou: kapitoly z dejín 20. storočia k jubileu Bohumily Ferenčuhovej*, eds. M. Hanula, M. Kšňan. Bratislava, Veda Publ., 2017, pp. 17–27. (In Slovak.)
- Kudela J. Masaryk v OČSNR na Rusi. *Naše Revoluce*, 1931, vol. VII, issue 1, pp. 1–31; issue 2, pp. 161–169; issue 3, pp. 281–291; 1932, vol. VIII, issue 3, pp. 254–271; issue 4, pp. 399–421. (In Czech.)
- Nenasheva Z.S. Milan Rastislav Shtefanik, slovatskii vopros i rossiiskoje obshchestvennoje mnenije (vesna 1916 – nachalo 1917 g.). *Milan Rastislav Shtefanik. Novyi vzgliad: sbornik statei*, ed. V.K. Volkov. Martin, Neografia Martin Publ., 2001, pp. 83–109. (In Russ.)
- Pavlov A. Iu. «Russkaia odisseia» epokhi Pervoi mirovoi. *Russkije ekspeditsionnye sily vo Frantsii i na Balkanakh*. Moscow, Veche Publ.; Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2011, 224 p. (In Russ.)
- Pichlík K., Klípa B., Zabloudivová J. *Českoslovenští legionáři (1914–1920)*. Prague, Mladá fronta Publ., 1996. 282 s. (In Czech.)
- Serapionova Je.P. K istorii formirovaniia chekhoslovatskikh vojskikh chastei na rossiiskoi territorii v gody Pervoi mirovoi voiny. *Slavianskii mir v epokhu voin i konfliktov XX v.*, ed. Je.P. Serapionova. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011, pp. 120–136. (In Russ.)
- Veber V. O československých legiích a potřebě tradice. *Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze*, ed. V. Veber. Praha, National Library of the Czech Republic Publ., 2003, pp. 6–13. (In Czech.)
- Vedernikov M.V. *Organizovannoe politicheskoe dvizhenije chekhov v Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Diss. kand. ist. Nauk. Moscow, 2016, 273 p. (in Russ.)
- Vishniakov Ia.V. «Serbskaia Golgofa» glazami russkikh diplomata i generala. *Vojenno-istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 52–59. (In Russ.)
- Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920*, ed. R. Medek. Praha, Nákladem vládním, 1924, book 2, vol. III, pod vedením prof. T.G. Masaryka, 896 p. (In Czech.)

Сведения об авторе

Мошечков Петр Владимирович,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0002-0036-2306
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Information about the author

Petr V. Moshechkov,
Ph D. (History) Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0036-2306
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 118–131

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 118–131

DOI: 10.31857/S0869544X0022034-0

Оригинальная статья / Original Article

Из истории научных связей Отдела этимологии и ономастики
Института русского языка им. В.В. Виноградова
и Института славяноведения

© 2022 г. Л.В. Куркина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lyukurkina@rambler.ru

Аннотация. Исследования, проводившиеся Институтом славяноведения, обогатили науку новым материалом, расширили методику этимологического анализа, открыли новое пространство лингвоэтнических отношений на древней европейской карте. Новая теория балто-славянских отношений с идеей подвижности праславянского и балтийского ареала подвела к пониманию праславянского языка как развивающейся системы с подвижными диалектными связями. Работа по программе «Карпатского диалектологического атласа» и «Общекарпатского диалектологического атласа» показала необходимость более сложной интерпретации языковых фактов в условиях интерференции славянских и неславянских языков карпато-балканского ареала. Изучение полесской лексики позволило внести уточнения в критерии отбора лексических связей при реконструкции древних диалектных комплексов.

Ключевые слова: праславянский язык, методология этимологических исследований.

Ссылка для цитирования: Куркина Л.В. Из истории научных связей Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова и Института славяноведения // Славяноведения. 2022. № 5. С. 118–131. DOI: 10.31857/S0869544X0022034-0.

From the History of Academic Relations Between the Department
of Etymology and Onomastics of the V.V. Vinogradov Institute
of Russian language and the Institute of Slavic Studies

© 2022. Liubov' V. Kurkina

V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lyukurkina@rambler.ru

Abstract. The studies conducted at the Institute of Slavic Studies, have enriched the science with new material, they have broadened the methodology of etymological analysis and have opened a new space of lingua-ethnic relations on the ancient European map. The new theory of Baltic-Slavic relations with the idea of flexibility of Proto-Slavic and Baltic area facilitated the understanding of the Proto-Slavic language as a developing system with flexible dialectal relations. The work on the program of *Carpathian Dialectological Atlas* and the *All-Carpathian Dialectological Atlas* showed the necessity of a more compound interpretation of the language facts in the framework of the interference of Slavic and non-Slavic languages of the Carpathian-Balkan area. Investigation of the Polesian lexis allowed to make the criteria of selection of the lexical relations while working on the reconstruction of the ancient dialectal complexes more precise.

Keywords: Proto-Slavic language, methodology of etymological studies.

Reference for citation: *Kurkina Liubov' V. From the History of Academic Relations Between the Department of Etymology and Onomastics of the V.V. Vinogradov Institute of Russian language and the Institute of Slavic Studies // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 5. P. 118–131. DOI: 10.31857/S0869544X0022034-0.*

В Институте русского языка им. В.В. Виноградова с 1961 г. ведется работа над «Этимологическим словарем славянских языков. Праславянский лексический фонд» (= ЭССЯ) [23]. Этимологическая лексикография — большая, самостоятельная область науки со своими задачами и своей логикой развития, вместе с тем она является частью общего научного процесса, опирается на достижения науки в целом и отражает достижимый уровень знаний о языке. Работа над словарем протекала и протекает в русле идей, разрабатываемых разными направлениями в мировой науке. Одним из значимых научных центров, где формировались новые идеи, где зарождались новые направления, определявшие состояние нашей науки в целом, был Институт славяноведения. Наши связи с двумя отделами Института славяноведения — Отделом структурной типологии славянских языков (В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов) и Отделом славянского языкознания (С.Б. Бернштейн) имели глубоко научную основу. В Институте славяноведения работали выдающиеся ученые; их исследования, научные идеи наполняли новым содержанием науку о праславянском языке. По проблемам, активно разрабатываемым в Институте, можно проследить, как совершенствовалась методика этимологического анализа, расширялось и углублялось понимание задач, решаемых этимологией.

Основатель Отдела этимологии и ономастики и автор концепции ЭССЯ О.Н. Трубачев сформировался как ученый и приобрел международную известность в годы работы в Институте славяноведения. Здесь он прошел аспирантуру (1953–1956 гг.) под руководством С.Б. Бернштейна и подготовил диссертацию на тему «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя». Диссертация, опубликованная в 1959 г. [14], стала событием в научной жизни. Далее выходит из печати серия его работ, посвященных этимологическому анализу некоторых тематических групп славянской лексики: «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (1960 г.), «Из истории названий каш в славянских языках» (1960 г.). В 1961 г. была опубликована подготовленная совместно с В.Н. Топоровым монография «Гидронимия Верхнего Поднепровья», в 1966 г. издана докторская диссертация О.Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках», в которой этимологический анализ славянской лексики стал основой

для восстановления истории развития ремесел. Параллельно выходят из печати этимологические статьи, О.Н. Трубачев выступает на конференциях, участвует в обсуждении разных изданий. По словам Топорова, своими исследованиями Трубачев «перереформатировал то, что называлось отечественной этимологией, непрофессиональной, случайной, от случая к случаю», поставил этимологию на строго научную основу [13. С. 9–10].

На рубеже 1950–1960-х годов Трубачев, опираясь на огромный опыт практической работы и достижения сравнительно-исторического изучения славянских языков, подходит к идее создания нового «Этимологического словаря славянских языков». Исполнение этого замысла было возможно лишь при поддержке акад. В.В. Виноградова, который в те годы возглавлял Институт русского языка и был академиком-секретарем Отделения языка и литературы. Н.И. Толстой ознакомил Виноградова с замыслом Трубачева, был получен положительный ответ, и это решение стало судьбоносным не только в научной жизни Трубачева [19. С. 619–620]. Формирование Отдела и вся последующая работа над ЭССЯ, особенно на начальном этапе, протекали при дружеской поддержке Института славяноведения. В течение пяти–шести лет по мере поступления ставок постепенно сложилась этимологическая группа, которая в дальнейшем стала Сектором, а позднее Отделом этимологии и ономастики. При формировании группы Трубачев пользовался рекомендациями Н.И. Толстого. В группу первым пришел Л.А. Гиндин, классик по образованию, в 1970-е годы он перешел в Институт славяноведения, затем коллектив пополнили В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот, И.П. Петлева, Т.В. Горячева, Л.В. Куркина. В таком небольшом составе мы работали все время, и даже первое десятилетие после ухода Трубачева из жизни. Изменения были небольшие: в конце 1960-х годов Велемир Михайлович, ученик П. Ивича, помог нам с сербскими материалами, а в конце 1980-х – начале 1990-х с болгарскими материалами работала О. Младенова. Были и другие изменения в составе коллектива, но они существенно не отразились на работе Отдела.

Наши научные и дружеские связи с Институтом славяноведения восходят еще ко времени учебы на филфаке МГУ. Мы все учились примерно в одно время, но в разные годы, когда на факультете С.Б. Бернштейн читал курс «Сравнительной грамматики славянских языков» и много занятий вел Вяч. Вс. Иванов. Лекции, семинары этих ученых, общение с ними определили наши научные интересы и последующий выбор предмета исследования.

Идея нового ЭССЯ и возможности реализации этой идеи подготовлены всем ходом развития науки. Следует особо отметить, что на 1950-е годы в нашей стране приходится возрождение сравнительно-исторического языкознания после длительного запрета в советское время. Возвращение интереса к этому направлению совпало с кардинальными изменениями в понимании механизма развития индоевропейских языков. В работах младограмматиков описание грамматического строя индоевропейских языков было приближено к грамматическому строю древних языков – греческого и древнеиндийского. Индоевропейские языки представлялись в виде разросшейся кроны большого дерева. Новые возможности открылись перед сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков, в том числе и славянских, благодаря крупным открытиям, связанным с дешифровкой ранее неизвестных древних индоевропейских языков. В первое десятилетие XX в. произошло открытие клинописного и иероглифического хеттского языка в Малой Азии и тохарского языка в Китайском Туркестане. Эти языки были расшифрованы, установлена их индоевропейская

принадлежность, далее появились тексты, грамматики. Знакомство с новыми языками показало, что они по своему устройству не похожи на известные индоевропейские языки. Так, в хеттском языке (самая древняя надпись царя Аннитаса датируется XVIII в. до н.э., основная часть текстов относится к XIV–XIII вв. до н.э.) есть две серии глагольных форм на *-mi* и *-hi*, в системе существительных – противопоставление активных и пассивных имен, наличествует класс глаголов с формантами *s-/sk-*, ставшими показателями сигматического аориста в других языках. Предположение Ф. Соссюра об особых фонемах в индоевропейском языке – «сонантических коэффициентах», которые, исчезнув, вызвали удлинение соседних гласных, получило подтверждение в хеттском языке, сонант был отождествлен со знаком *h* (ср. слав. **měra* < **mēra* ~ хетт. *meḫur*). Из архаичных особенностей еще можно отметить сохранение древнего типа именных основ с чередованием основы на *-r* в им.-вин. п. с *n*-основой в косвенных падежах: ср. хетт. *ḡatar* – *ḡetenaš* ‘вода’ (~ др.-инд. *udrā* ‘водное животное’, греч. ὕδρα ‘гидра, змей многоглавый’) в соответствии с рус. *выдра* ‘водяное животное’ ~ *вода* (подробнее см. [4]).

Открытие древних и.-е. языков с иным грамматическим строем привело к радикальному пересмотру взглядов на историю отдельных и.-е. диалектов, в том числе балтийских и славянских языков. Формируются новые представления, в основе которых лежит идея изначальной диалектной множественности и.-е. языка, признание автономного, независимого развития языковых групп при сохранении общей основы. Происходит смена научной парадигмы. На эти годы приходится развитие нового направления в языкознании – структурализма. Основопологающей для этого направления принцип системного подхода к языку, ставший методологической основой сравнительно-исторических исследований, помог преодолеть атомарность при рассмотрении языковых явлений.

В возрождении сравнительно-исторического языкознания и утверждении новых идей большая роль принадлежала Вяч. Вс. Иванову. Он вошел в науку как индоевропеист, в возрасте 25 лет защитил кандидатскую диссертацию «Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке», которая была посвящена словообразованию в хеттском языке. Это была блестящая защита, университет подавал ходатайство в ВАК о присвоении ему степени доктора, однако оно не было поддержано. К исследованию и.-е. проблематики Вяч. Вс. Иванов обращался в разные годы на протяжении всей научной жизни. Назову лишь некоторые из работ этого направления: докторская диссертация «Отражение в балтийском и славянском двух серий индоевропейских глагольных форм» (1978 г.), «Проблема языков *centum* и *satəm*» (ВЯ 1958, № 4), «Тохарские языки» (М., 1959), «Санскрит» (М., 1960), «Хеттский язык» (М., 1963), «Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы» (М., 1965), «История славянских и балканских названий металлов» (М., 1983), многочисленные статьи по славянской и индоевропейской этимологии и т.д. Венчает этот ряд исследований капитальный двухтомный труд, подготовленный совместно с Т.В. Гамкрелдзе, – «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984).

После защиты диссертации Вяч. Вс. Иванов включился в преподавание на факультете. Впервые после большого перерыва он читал курс «Сравнительная грамматика индоевропейских языков». Постоянными слушателями были студенты факультета разных курсов и разных отделений, аспиранты не только факультета, преподаватели и сотрудники разных вузов и институтов. По существу, продолжением этого курса были занятия по хеттскому, тохарскому языкам, по санскриту. Постоянными участниками занятий были И.А. Мельчук,

А. Долгопольский, А. Жолковский, Р.А. Агеева, М.И. Лекомцева и многие другие, в разные годы семинары и занятия посещали Е.В. Падучева, Т.М. Николаева, А.А. Зализняк и др. Иванов вел семинар со студентами, в круг тем, обсуждаемых на семинаре, входили: методология младограмматических исследований, критерии, на основании которых базируются выводы о прародине славян, работа Е. Бенвениста, посвященная семантическим проблемам реконструкции, теории происхождения языка и др. При нем активизировалась работа научного студенческого общества, на факультете с докладами на актуальные темы выступали ведущие ученые, отечественные и зарубежные, и т.д. Заметным событием стал прочитанный акад. Вл. Георгиевым цикл лекций по индоевропеистике, в дальнейшем по материалам лекций была опубликована книга «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» (М., 1958). Вяч. Вс. Иванов щедро делился знаниями, всегда стремился приобщить студентов к тем проблемам, которые его интересовали, знакомил студентов с новой литературой, новыми идеями и, что особенно важно, за время очень недолгой работы на факультете он вводил своих слушателей в мир большой науки.

На конец 1950-х – начало 1960-х годов приходится подъем сравнительно-исторического языкознания, на протяжении многих лет это направление занимало ведущее положение в нашей науке. Выходит много работ, в которых на разном материале исследуются и обсуждаются идеи Э. Бенвениста о двух типах основ в индоевропейском языке («Индоевропейское именное словообразование»). М., 1955), проблема гуттуральных, отражение ларингальных в и.-е. языках и многие другие проблемы. В 1961 г. выходит книга С.Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков».

В 1958 г. в Москве прошел IV Международный съезд славистов. На съезде прозвучали идеи, которые определили последующее развитие славистики. В работе съезда приняли участие ведущие ученые из разных стран, среди участников съезда было немало наших бывших соотечественников. Все заседания проходили в новом здании Университета, и при отсутствии пропускной системы все заседания были доступны для посещения даже студентам. Тогда особое внимание привлекло одно заседание, на котором Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров выступили с докладом «К постановке вопроса о древних отношениях балтийских и славянских языков». С использованием приемов внутренней реконструкции путем последовательного снятия верхних языковых слоев авторы пришли к восстановлению состояния, общего для балтов и славян, на уровне более позднем, чем индоевропейский, обе реконструируемые системы совпадают в своих существенных чертах. Это была первая заявка на новую теорию балто-славянских языковых отношений. Участвовавшие в этом заседании Т. Лер-Сплавинский, А. Мазон, М. Фасмер поддержали доклад молодых ученых, но при этом обратили внимание на необходимость комплексного подхода к данной проблеме, а именно учета данных гидронимии, археологии и т.п.

В заседаниях съезда участвовал М. Фасмер, известный своими фундаментальными исследованиями по славистике, автор только что увидевшего свет «Этимологического словаря русского языка». Словарь вышел в виде трехтомника тиражом в 2 тыс. экземпляров (1950–1958 гг.), быстро разошелся и стал библиографической редкостью. На съезде произошло личное знакомство Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова и О.Н. Трубочева с М. Фасмером, тогда же была достигнута договоренность об издании словаря в переводе на русский язык. Перевод этимологического словаря – это признание высоких научных достоинств и большая редкость в науке. По совету Н.И. Толстого перевод словаря

взял на себя Трубачев. На перевод потребовалось два года; в 1961 г. работа была закончена, и рукопись в 160 а.л. была передана издательству. Публикация длилась девять лет (1964–1973 гг.), бессменным редактором словаря была М.А. Оборина. Словарь вышел в 4-х томах с дополнениями Трубачева, вынесенными в квадратные скобки [21]. За первым изданием последовали второе (1986–1987 гг.) и третье издание (1996 г.) с новыми дополнениями, вынесенными в конец IV тома [18].

Словарь Фасмера пробудил интерес к этимологии во всем славянском мире, дал импульс развитию этого направления в нашей науке. При поддержке акад. В.В. Виноградова на филфаке МГУ создается Лаборатория Этимологического словаря русского языка. Руководителями этой группы в разное время были П.С. Кузнецов, В.К. Журавлев, Н.М. Елкина, Н.М. Шанский, в последние годы А.Ф. Журавлев. Сотрудники нашего Отдела какое-то время участвовали в работе этой группы, несколько лет до перехода в Институт славяноведения работала в ней Л.Г. Невская.

Начинают издаваться сборники под названием «Этимологические исследования по русскому языку» [22]. Среди авторов сборников В.И. Абаев, В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов. В.В. Виноградов, О.Н. Трубачев и др.

На волне подъема сравнительно-исторического языкознания наметилось обращение к лексике как одному из источников знаний о дописьменной истории славян. Это стало возможным благодаря развернувшейся работе по созданию национальных этимологических словарей, исследованиям по программе ОЛА и атласов национальных языков, активизировавшейся работе по созданию диалектных словарей. В практику научных исследований вводится большой лексический материал. На рубеже 1950–1960-х годов пришло понимание, что данные фонетики и морфологии дают слишком общее представление о структуре праславянского языка и его развитии.

Подъем сравнительно-исторического языкознания, интерес к лексике, новая методология исследований – все эти обстоятельства способствовали появлению на рубеже 1950–1960-х годов замысла нового «Этимологического словаря славянских языков», ориентированного на решение принципиально новых задач – реконструкцию и этимологизацию древнейшего лексического фонда славянских языков. До середины XX в. основным источником сведений по славянской этимологии были словари Ф. Миклошича (*F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886*) и Е. Бернекера (*E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913*). Эти словари, построенные по корневому принципу, заложили фундамент славянской этимологии. Формировавшиеся в 1960-е годы новые теоретические подходы к изучению языка, исследования всех языковых уровней – морфонологии, словообразования, семантики способствовали переходу от корневой этимологии к поискам соответствий на уровне цельнооформленных лексем с исторически тождественными характеристиками в плане морфонологии и словообразования.

Новые идеи конца 1950-х годов легли в основу разработанной Трубачевым концепции праславянского языка, основные положения которой были представлены в докладе на V Международном съезде славистов 1963 г. Основные положения новой концепции сводятся к следующему: 1) изначальная диалектная дробность исходной системы; 2) автономность праславянских лексических фондов славянских языков и диалектов; 3) возможность сохранения праславянских лексических диалектизмов в одном языке или части диалектов одного языка; 4) возможность этимологических соответствий и даже полных

этимологических тождеств в родственных и.-е. языках для узколокальных диалектных явлений на общеславянском фоне [15. С. 160–168]. Одновременно в Кракове под руководством проф. Ф. Славского начинается работа по составлению «Праславянского словаря» [25]. Первые выпуски словарей вышли из печати одновременно в 1974 г. Это, видимо, первый в истории науки случай, когда два коллектива, работающие в разных странах, независимо друг от друга с некоторыми различиями в методике и ориентацией на разный материал при решении общей задачи приходят к сходным результатам [16].

Идеи нового подхода к этимологическому анализу получили развитие и обоснование в докладах на проводившихся в то время конференциях, в сборниках и т.д. В Институте русского языка под руководством О.Н. Трубачева в 1967 г. прошел Международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». Это был представительный симпозиум, в работе которого приняли участие ведущие этимологи славянских и неславянских стран – Ф. Безлай (Любляна), Ф. Славский (Краков), Х. Шустер-Шевц (Лейпциг), Г. Барци (Будапешт), О. Семереньи (Фрейбург), Г. Хубшмид (Берн), Г. Якобсон (Гетеборг), из наших соотечественников – Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, В.В. Мартынов, А.Е. Супрун и др.

С 1963 г. выходит сборник «Этимология», посвященный актуальным вопросам славянской и индоевропейской этимологии. В редколлегии сборника входил В.Н. Топоров. В сборнике публиковались статьи Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Г.К. Венедиктова, В.М. Иллич-Свитыча, Н.И. Толстого, Р.М. Цейтлин и др. С 2015 г. сборник стал выходить в серии «Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова».

Наше сотрудничество с Институтом славяноведения проходило в разной форме: некоторые сотрудники нашего Отдела принимали участие в конференциях, проводимых Институтом славяноведения, участвовали в сборниках, посвященных балто-славянской проблематике, рецензировали труды Института. Рецензентами ЭССЯ были В.Н. Топоров (вып. 1–27), А.Ф. Журавлев (вып. 28–29), С.М. Толстая (вып. 30–42).

В настоящее время опубликовано 42 выпуска ЭССЯ, в эти выпуски вошла лексика в объеме **a* – **perzъ*. Поначалу предполагалось, что количество словарных статей составит приблизительно 7000, а общий объем словаря не превысит 200 а.л. По мере углубления в материал словарь разрастался, в настоящее время в опубликованных выпусках более 20 тыс. словарных статей. Материалы ЭССЯ продвигали, усложняли и расширяли наше представление о праславянском языке, полученные результаты включались в научный процесс и порождали новые вопросы, стимулировали новые исследования.

ЭССЯ дает богатый материал для исследования широкого круга проблем. В материалах Словаря имплицитно присутствует информация о словообразовательных, морфонологических отношениях в системе праславянского языка, пространственных характеристиках идиомов, недоступных при восстановлении с опорой на данные фонетики или морфологии и т.д. Однако важно иметь в виду, что выявляемые в ходе последующего анализа явления с однородными характеристиками лишь обозначают какие-то процессы, направления внутренних и внешних связей праславянского языка, но сами по себе они не объясняют, почему и когда на каком-то этапе развития складываются те или иные отношения в славянском языковом пространстве. Интерпретация предполагает соотнесение полученных результатов с формирующимися в науке представлениями о развитии праславянского языка и его месте на древней европейской

карте. В продвижении к более углубленному пониманию языковых процессов существенны исследования, проводившиеся в Институте славяноведения. Они обогатили науку материалом и, что не менее важно, расширили методологию этимологического анализа. Кратко обозначим исследования, которые вывели изучение праславянского языка на новые рубежи.

1. Одно из основных направлений Института славяноведения связано с исследованием проблемы балто-славянских отношений. В Институте проходят конференции, посвященные проблемам балтийского и славянского языкового, этнического и культурного взаимодействия от древнейшей эпохи и далее — ко времени функционирования отдельных языков и диалектов в исторических областях балто-славянского языкового и этнического пограничья. Важными событиями в научной жизни стали конференции 1978, 1983, 1990 гг., в которых принимали участие лингвисты, историки, фольклористы из России, Белоруссии, Литвы, Латвии. На протяжении многих лет Отдел типологии издает ежегодник «Балто-славянские исследования» [2], посвященный сравнительно-историческому, типологическому, этнокультурному исследованию балтийских и славянских языков на материале языка, фольклора, духовной и материальной культуры.

В работах Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, в докладах на конференциях получает развитие и обоснование заявленная на IV съезде славистов новая теория балто-славянских языковых отношений. До того были известны два основных подхода к пониманию этой проблемы: 1) отрицательный взгляд на существование балто-славянского единства (А. Мейе): славянские и балтийские языки не вынесли из и.-е. праязыка тенденций единого развития; 2) славянские и балтийские языки, не происходя от одного и.-е. диалекта, позднее сблизилась (Т. Лер-Сплавинский), появление новых балто-славянских изоглосс С.Б. Бернштейн объясняет образованием «языкового союза». Новая теория балто-славянских отношений Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова состоит в следующем: славянские и балтийские диалекты входили в и.-е. эпоху в единую диалектную область, разрыв которой связан с выделением из нее праславянских диалектов. Как пишет Топоров, «многие индоевропейские реконструкции [...] реально присутствуют в балтийских языках, хотя и представлены обычно в более позднем варианте морфонологического кода», «что наиболее естественным образом должно трактоваться как указание на существование некогда единого в языковом отношении ареала» [11. С. 4–5]. В.Н. Топоров характеризует балтийские языки и балтийский ареал как своего рода «заповедник» древней и.-е. речи, балтийские языки в большей степени, чем другие и.-е. языки, сохраняют древнее и.-е. наследие.

По-новому решается вопрос о «балтийском» пространстве. В работах Топорова прослеживается присутствие балтийской гидронимии на территории, лежащей к югу, востоку и северо-востоку от Прибалтики и охватывающей практически всю Белоруссию, северные районы Украины, значительную часть запада и центра России, даже Подмосковье (ср. статьи с говорящими названиями «О балтийском элементе в Подмосковье», «Голядский фон ранней Москвы», «О балтийских следах в гидронимии Поочья» [12]). По наблюдениям Топорова, балтийский элемент не заходит к югу от Карпат, но многочисленны точные соответствия между ономастическими данными балтийских и древних балканских языков.

Новые аспекты проблемы балто-славянских отношений открыла идея В.М. Иллич-Свитыча, прозвучавшая в кратком выступлении на IV съезде славистов. При рассмотрении славянской лексики на и.-е. фоне оказалось, что

отдельные славянские диалекты поддерживали более тесные связи с балтийскими языками, чем остальные славянские диалекты. Иллич-Свитыч приводит примеры (ср. болг. *тпан* ‘яма’ ~ лит. *tárpas* ‘промежуток, щель’, болг. *драскам* ‘царапаю’ ~ лит. *draskýti* ‘царапать’ и т.п.), свидетельствующие об особой связи с балтийскими языками предков восточной группы современных южных славян – диалектов, лежащих в основе болгарского и македонского языков. Трубачев продолжил это направление исследований и на новом материале показал участие в этих изоглоссах отдельных сербохорватских, а также словенских лексем: ср. лит. *góžti* ‘разрастаться; неуклюже шагать’ ~ болг. *газя*, с.-хорв. *gázити* ‘переходить, наступать ногами’; лит. *kietas* ~ болг. *чúмав*, с.-хорв. *чúм* ‘целый, невредимый’; лит. *stābaras* ‘сухой сук’ ~ болг. *стóбор* ‘решетка, забор’, с.-хорв. *стóбор*, словен. *steber* ‘столб’ и т.д. [15. С. 190–191]. Несколько позднее проблема внутриславянских и особенно словенских лексических связей с балтийскими языками становится одной из основных в трудах акад. Ф. Безлая [24. С. 123–132].

Эти исследования кардинально изменили подход к пониманию развития структуры праславянского языка. Идея подвижности праславянского и балтийского ареала с вытекающей отсюда возможностью расширения или сокращения ареала и сопутствующей этому процессу перестройкой диалектных связей в условиях проницаемости границ [17. С. 12] стала определяющей в подходе к реконструкции диалектного ландшафта праславянской эпохи. Преодолеваются представления о праславянском языке как статичном монолитном образовании¹, принимается во внимание воздействие многих факторов, в том числе культурно-исторических, этнокультурных, природно-хозяйственных, на формирование диалектной структуры праславянского языка на разных этапах его развития.

Эти исследования заставляют по-новому подойти к ретроспективной оценке современных диалектных отношений на славянской карте. Из идей, лежащих в основе нового понимания пространственных отношений на древней карте, следует важный вывод – некорректно подходить к характеристике древней структуры праславянского языка с позиции современной географии, прямо переносить на плоскость праславянского языка современные культурно-языковые комплексы, ставить знак тождества между современными диалектными образованиями и диалектной структурой праславянского языка. Современные диалектологические исследования, атласы направлены на восстановление пространственных характеристик языковых явлений на глубоком синхронном срезе. Картина распределения диалектных связей, представляемая атласами, статична, она исключает динамику языковых процессов. Лексические отношения, распределение связей рассматриваются в одной плоскости без учета фактора времени. Реконструкция диалектной структуры праславянского языка, основанная на широком охвате материала, включая современные и исторические словари, материалы атласов, предполагает продвижения во времени. Реконструкция – категория хронологическая.

2. В 1960 г. выходит статья В.М. Иллич-Свитыча «Лексический комментарий к карпатской миграции славян (географический ландшафт)» [5], которая положила начало работе по созданию «Карпатского диалектологического атласа». Славяне, жители равнин, переселившись на Балканский п-ов (VI–VIII вв.), оказались в новых условиях жизни, и это обстоятельство, как полагал Иллич-Свитыч, должно было вызвать значительные семантические изменения, которые наиболее вероятны в терминологии горного ландшафта (слав. **polns*, **polnina*,

¹ Ср. у А. Мейе: «славянские языки представляют собой продолжение почти единого наречия» [7. С. 1].

**děľь*, **sořeska*). Отнесение лексического процесса к периоду карпатской миграции славян требует установления характера отношения двух зон, связанных между собой общими лексическими явлениями, — южнославянской и севернославянской карпатской. Появились исследования на эту тему, словари, отражающие лексику диалектов бойковских, гуцульских, лемковских и др.

Если на начальном этапе внимание исследователей было направлено на выявление в словарном составе славянских языков схождения карпатоукраинских говоров с южнославянскими языками в целом, то со временем наметился дифференцированный подход, поиски особых связей карпатоукраинских говоров с отдельными южнославянскими языками. Предметом изучения стали специфические сербско-западноукраинские изолексы, явления, объединяющие бойковские говоры с ю.-слав. языками, особым вниманием пользовалась проблема связей карп.-укр. говоров с диалектами болгарского языка и т.д. Открылось многообразие изоглоссных связей, объединяющих южнославянские языки, в том числе словенский язык, с диалектами восточнославянского ареала (см. обзор [8]).

Лингвистический контекст изучения карпатской проблематики расширяется в «Общекарпатском диалектологическом атласе» (ОКДА). В ОКДА карпатоукраинские диалекты включаются в более широкий контекст исследований, рассматриваются как часть общей территории, объединяющей славянские (словацкие, польские, моравский и силезский диалекты) и неславянские языки (румынский, венгерский). Формирование межъязыковой общности карпато-балканского ареала происходило под воздействием разных факторов: 1) воздействие субстрата; 2) карпатская миграция славян, которая стала крупнейшим этническим и языковым сдвигом, нарушившим диалектное членение территории, ранее занимаемой славянами; 3) языковая интерференция. В исследованиях С.Б. Бернштейна, Г.П. Клепиковой [6], в докладах, обсуждаемых на симпозиуме (1973 г.), конференции (1990 г.), эта проблема видоизменялась, наполнялась новым содержанием, получала более широкую направленность и способствовала углубленному осмыслению теоретических вопросов языкового контактирования и интерференции в карпато-балканской зоне. Исследования этого особого диалектного континуума подвели к необходимости разграничения разновременных слоев лексики в составе карпатоукраинских соответствий с моравско-силезскими диалектами чешского языка, со словацким и с территориально близкими румынским и венгерским языками. Близкие образования могут отражать: 1) ассимилированный древний слой лексики, который пришел из тех времен, когда на этой территории не было славян, а были только даки, геты и кельты; 2) генетически унаследованные явления; 3) лексические совпадения, которые явились результатом интерференции. Это означает, что соответствия, приводимые в словарной статье ЭССЯ из карпато-балканского региона, могут иметь разную природу. В качестве примера можно привести слав. *(v)*atra* с протезой v- (~ рус. *ватрушка*), известное в карпатоукраинских, болгаро-македонских говорах, частично в западнославянских языках в значении 'огонь'. Это тот случай, когда не вызывают сомнения общие и.-е. истоки образований, но остается неясным, что стоит за близкими образованиями — генетическое родство или заимствование из балканских языков. Трубачев склонен рассматривать *(v)*atra* как древний элемент славянской лексики с соответствиями в авест. *ātar-* 'огонь', др.-инд. *ātharvā* 'жрец-огнепоклонник', однако среди балканистов распространено мнение о заимствовании в славянские языки из албанского *votrë*, *vatrë* 'костер' прямо или через

посредство румынского *vatră*, также допускается возможность древнего фракийского заимствования [23. Т. 1. С. 92–93].

Данные исследования обогатили науку материалом, хорошо проработанным с позиции отдельных языков, а также расширили методику исследований соответствий, приводимых из регионов, где протекали процессы взаимодействия славянских и неславянских языков на древнем уровне.

3. Полесские экспедиции, инициированные Н.И. Толстым, ввели в сферу исследований большой ареал с архаичной лексикой. Полесская проблематика в широком плане обсуждалась на конференциях, проводимых Институтом славяноведения. Значителен вклад белорусских ученых в исследование лексики Полесья. С выходом в свет материалов экспедиций потоком хлынул новый, свежий, очень интересный материал, архаичный, неисследованный. Сборники «Лексика Полесья», «Полесье», многочисленные исследования, посвященные изучению отдельных тематических групп словаря (медицинская терминология, названия растений и др.), диалектные словари [20; 3; 1 и др.] стали предметом тщательного изучения [10]. В вводной статье Н.И. Толстого к сборнику «Полесье» изоглосные связи полесской лексики с южнославянскими языками обозначены как одно из основных направлений. Появилось много работ, в том числе диссертаций, в которых исследовались связи полесской лексики со всеми южными славянскими языками и с отдельными славянскими языками. Эти работы подвели к выводу, важному в методологическом отношении, — далеко не все соответствия между отдельными славянскими языками могут быть показателями древних диалектных комплексов, силу диагностирующего показателя имеют лишь специфические, эксклюзивные связи отдельных диалектов на общеславянском фоне.

4. Семантика многослойна, подвижна, изменчива и не поддается формализации. Мотивация семантических изменений имеет разную природу, истоки изменений в процессах разного времени: этимологически тождественные слова могут сохранять преемственную связь с семантикой исходной и.-е. основы, истоки изначальной семантики и направленность ее изменений нередко кроются в древних мифологических представлениях, о чем писал Топоров, необходимо учитывать вхождение слова в определенную лексико-семантическую группу, принадлежность к определенной материальной культуре и т.п. Эти и другие факторы определяют семантику слова. Работы этнолингвистического направления, обращенные к изучению слова в контексте мифологии, ритуалов, религиозных представлений древних славян, расширили пространство семантических исследований. При этимологизации соответствующей лексики существенна информация, предоставляемая в словаре «Славянские древности» [9], в монографиях и статьях сотрудников Института.

Работа над ЭССЯ протекала и протекает в форме диалога и взаимодействия с идеями, результатами исследований Института славяноведения. Новые идеи и новые концепции помогли преодолеть одномерные представления о праславянском языке как монолитном образовании, продвинули и расширили общий контекст исследований диалектной структуры праславянского языка. Достижения в области изучения проблемы контактирования и интерференции получили воплощение во все более усложняющейся интерпретации лексических схождений в ЭССЯ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест. — авестийский
болг. — болгарский
ВАК — Высшая аттестационная комиссия
ВЯ — Вопросы языкознания
греч. — греческий
др.-инд. — древнеиндийский
зап.-слав. — западнославянский
и.-е. — индоевропейский
карп.-укр. — карпатоукраинский
лит. — литовский
ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас
ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас
рус. — русский
слав. — славянский
словен. — словенский
с.-хорв. — сербохорватский
хетт. — хеттский
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков
ю.-слав. — южнославянский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркушин Г. Словник західнополських говірок: у 2 т. Луцьк: Вежа, 2000. 436 с.
2. Балто-славянские исследования. М.; СПб.: Наука: Нестор-История, 1981. Вып. 1.
3. Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 292 с.
4. Иванов Вяч. Вс. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. 1957. № 2. С. 3–28.
5. Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян (географический ландшафт) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. 19. Вып. 3. С. 222–232.
6. Клепикова Г.П. К завершению проекта «Общекарпатский диалектологический атлас» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2003–2005. М.: ИРЯ РАН, 2006. С. 52–79.
7. Мейе А. Общеславянский язык / пер. с франц. М.: Изд-во иностр. лит.-ры, 1951. 491 с.
8. Нимчук В.В. Карпато-украинско-южнославянские параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М.: Наука, 1988. С. 294–312.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-и т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
10. Толстая С.М. Этнолингвистическое изучение Полесья. 1995–2016 гг. (Обзор) // Slověne. 2017. № 2. С. 686–706.
11. Топоров В.Н. Вступительные замечания (Категории времени и пространства и балтийское языкознание) // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом: предварительные материалы конф. (11–15 декабря 1978 г.). М.: Наука, 1978. С. 3–9.
12. Топоров В.Н. О балтийских следах в гидронимии Поочья // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: тез. докл. II балто-слав. конф. М.: Наука, 1983. С. 49–50.
13. Топоров В.Н. Слово о Трубачеве // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 9–10.
14. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.
15. Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., изд. АН СССР, 1963. С. 159–196.
16. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения) // Этимология. 1976. М.: Наука, 1978. С. 3–17.

17. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 10–26.
18. Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером: к вопросам теории и практики // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 379–391.
19. Трубачев О.Н. Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 2. С. 613–627.
20. Тураўскі слоўнік: у 5 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1982.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
22. Этимологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1960–1981. Вып. 1–9.
23. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.
24. *Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1967. 184 s.
25. *Słownik prasłowiański* / pod red. F. Sławskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–2001. T. 1–8.

REFERENCES

- Arkushin G. *Slovník zakhidnopolis'kikh govirok*. Lutsk, Vezha Publ., 2000, vol. 1–2. (In Ukrain.)
- Balto-slavianskije issledovaniia*. Moscow, St Petersburg, Nauka, Nestor-Istoriia Publ., 1981, vol. 1. (In Russ.)
- Bezljaj F. *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 1967, 184 p. (In Sloven.)
- Dyialektny slounik Brestshyny*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1989, 292 p. (In Beloruss.)
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond*. Moscow, Nauka Publ., 1974, vol. 1. (In Russ.)
- Etimologicheskije issledovaniia po russkomu iazyku*. Moscow, Nauka Publ., 1960–1981, vol. 1–9. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. Moscow, Progress, 19 Publ.64–1973, vol. 1–4. (In Russ.)
- Ilich-Svitych V.M. *Leksicheskii kommentarii k karpatskoi migratsii slavian (geograficheskii landshaft)*. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenije literatury i iazyka*, 1960, no. 19(3), pp. 222–232. (In Russ.)
- Ivanov Viach. Vs. O znachenii khettskogo iazyka dlia sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniia slavianskikh iazykov. *Voprosy slavianskogo iazykoznanii*, 1957, no. 2, pp. 3–28. (In Russ.)
- Klepikova G.P. K zaversheniiu projekta «Obshchekarpatskii dialektologicheskii atlas». *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia. 2003–2005*. Moscow, Russ. Language Institute of RAS Publ., 2006, pp. 52–79. (In Russ.)
- Meillet A. *Obshch斯拉vianskii iazyk*. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1951, 491 p. (In Russ.)
- Nimchuk V.V. Karpato-ukrainsko-iuzhnoslavianskije paralleli i tozhdestva (istoriia i perspektivy problemy). *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia. 1984*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 294–312. (In Russ.)
- Slavianskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia Publ., 1995–2012, vol. 1–5. (In Russ.)
- Słownik prasłowiański*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1974–2001, vol. 1–8. (In Pol.)
- Tolstaia S.M. Etnolingvisticheskoje izuchenije Poles'ia. 1995–2016 gg. (Obzor). *Slověne*, 2017, no. 2, pp. 686–706. (In Russ.)
- Toporov V.N. Vstupitel'nyje zamechaniia (Kategorii vremeni i prostranstva i baltiiskoje iazykoznanije). *Etnolingvisticheskije balto-slavianskije kontakty v nastoiashchem i proshlom: predvaritel'nyje materialy konf. (11–15 dekabria 1978 g.)*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 3–9. (In Russ.)
- Toporov V.N. O baltiiskikh sledakh v gidronimii Pooch'ia. *Balto-slavianskije etnoiazikovyye otnosheniia v istoricheskoi i areal'nom plane: tez. dokl. II balto-slav. konf.* Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 49–50. (In Russ.)
- Toporov V.N. Slovo o Trubacheve. *Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, vol. 1, pp. 9–10. (In Russ.)
- Trubachev O.N. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia*. Moscow, AS USSR Publ., 1959, 212 p. (In Russ.)

Trubachev O.N. O sostave praslavianskogo slovaria (Problemy i zadachi). *Slavianskoje iazykoznanije. V Mezhdunarodnyi s"jezd slavistov. Doklady sovetsoi delegatsii*. Moscow, AS USSR Publ., 1963, pp. 159–196. (In Russ.)

Trubachev O.N. Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov i Praslavianskii slovar' (opyt parallel'nogo chteniia). *Etimologiya*. 1976. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 3–17. (In Russ.)

Trubachev O.N. Iazykoznanije i etnogenez slavian. Drevnije slaviane po dannym etimologii i onomastiki. *Voprosy iazykoznanii*, 1982, no. 4, pp. 10–26. (In Russ.)

Trubachev O.N. Iz raboty nad russkim Fasmerom: k voprosam teorii i praktiki. *Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istorii. Kul'tura*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, vol. 1, pp. 379–391. (In Russ.)

Trubachev O.N. Moi vospominaniia o Nikite Il'jiche Tolstom. *Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istorii. Kul'tura*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, vol. 2, pp. 613–627. (In Russ.)
Turauski slounik. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1982, vol. 1–5. (In Beloruss.)

Сведения об авторе

Куркина Любовь Викторовна,
Доктор филологических наук
Главный научный сотрудник
Институт русского языка им.
В.В. Виноградова
Российская академия наук
Москва, Российская Федерация
E-mail: lyukurkina@rambler.ru

Information about the author

Kurkina Liubov' V.,
DSc. (Philology)
Chief researcher
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: lyukurkina@rambler.ru

Славяноведение, 2022, № 5, с. 132–144

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 132–144

DOI: 10.31857/S0869544X0022037-3

Оригинальная статья / Original Article

История семантики континуантов праслав. *рльть

© 2022 г. М.Н. Саенко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

veraetatis@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена установлению истории семантики и семантических переходов праславянского слова *рльть, континуанты которого в отдельных славянских языках имеют широкий ряд значений. Исходным признается значение ‘мягкие ткани тела’, на основании которого развились вторичные значения ‘цвет тела/лица’, ‘половой орган’ и ‘труп’. Они, в свою очередь, дали ‘кожа лица’, ‘перхоть’; ‘пол’, ‘рыбья икра’ и ‘сперма’. Значения ‘мягкие ткани’, ‘цвет (тела, лица)’ и ‘кожа (лица)’ следует считать праславянскими. В этимологическом плане мы признаем *рльть континуантом п.-и.-с. *pleu- ‘плыть’ и полагаем, что в прабалтославянском это слово исходно обозначало корку, плавающую на поверхности какой-либо жидкости. Это хорошо коррелирует со значениями балтийских родственников славянского слова: лит. *plutà* ‘хлебная корка; корка вообще; пленка’, лтш. *pluta* ‘мясо’, *plutas* (pl.) ‘голая (нежная, мягкая) кожа, кожа головы; яркая пленка, моховое образование на железистой воде; внутренности’.

Ключевые слова: праславянский язык, семантика, соматическая лексика.

Ссылка для цитирования: Саенко М.Н. История семантики континуантов праслав. *рльть // Славяноведение. 2022. № 5. С. 132–144. DOI: 10.31857/S0869544X0022037-3.

Semantic History of Continuants of Proto-Slavic *Рльть

© 2022. Mikhail N. Saenko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

veraetatis@yandex.ru

Abstract. The article attempts to determine the history of the semantics and semantic change of Proto-Slavic *рльть, whose descendants in some Slavic languages have a wide range of meanings. ‘The soft tissue of the body’ is considered the original meaning, which provided the basis for the following secondary meanings: from ‘complexion’/‘the skin colour of the body’, ‘sex organ’ and ‘corpse’. They, in turn, later extended to ‘the skin on the face’, ‘dandruff’; ‘sex’, ‘spawn’ and ‘sperm’. The meanings ‘soft tissues’, ‘colour (of the face, body)’ and ‘skin (on the face)’ should be considered Proto-Slavic.

The author concludes that the etymology of *plъть can be traced back to Proto-Indo-European *pleu- ‘to float’. It is suggested that in Proto-Balto-Slavic the word originally meant scum/film floating on the surface of a liquid. This correlates well with the meanings of the Baltic relatives of the Slavic words: Lithuanian *plutà* ‘bread crust; crust; film’, Latvian *pluta* ‘meat’, *plutas* (pl.) ‘bald (tender, soft) skin, skin on the head; bright film/scum, mossy substance on ferruginous water; internal organs’.

Keywords: Proto-Slavic language, semantics, somatic vocabulary.

Reference for citation: Saenko Mikhail N. Semantic History of Continuants of Proto-Slavic *Plъть // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 5. P. 132–144. DOI: 10.31857/S0869544X0022037-3.

0. Континуанты праславянского слова *plъть (gen.sg. *plъti) в отдельных славянских языках обладают широким спектром семантики: от ‘плоть’ до ‘кожа лица’ и ‘пол’. В данной работе попытаемся определить, какое значение или значения следует считать исходным(и), и установить схему семантических дрейфов, приведших к современному состоянию.

1.1. Перечислим значения, характерные для континуантов *plъть в славянских идиомах, начиная со старославянского.

Основные словари старославянского языка дают слову плъть следующие определения:

– ‘tělo, maso; тело, мясо, плоть; Körper, Leib, Fleisch; tělesná žádost; плотское желание; fleischliche Gelüste’ [35];

– ‘тело tělo; *перен.* живое существо stvoření; *перен.* плотское желание; tělesná žádost’ [26. С. 451];

– ‘плът, тяло, месо; *прен.* плътско, сладострастно желание; похот’ [25. Т. 2. С. 220].

В старославянских памятниках плъть чаще всего переводит греческое σάρξ ‘мясо, плоть, тело’¹, в то время как тѣло – σῶμα ‘тело, труп’, а месо – κρέας ‘мясо’. Попробуем определить семантику плъть с опорой не только на переводные тексты, но и на более оригинальное сочинение, «Шестоднев» Иоанна Экзарха.

Для начала отметим, что тѣло является гиперонимом по отношению к плъть:

(1) истръжтъ сѧ плъти тѣла твоего (Паримейник Григоровича, XII–XIII вв., юж.-сл.) [35]

κατατριβῶσιν σάρκες σώματος σου

«плоть твоя и тело твое будут истощены» (Притчи 5:11).

(2) како сѧ разорить плоть телесе того

«даже когда разрушится плоть этого тела» (Шестоднев, 180а) [2. С. 530, 769].

Часто плъть противопоставляется духу или душе, с одной стороны, и крови и костям – с другой:

(3) Дѣхъ ко въдръ • а плъть немощна (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие) [35]

τὸ μὲν πνεῦμα πρόθυμον, ἡ δὲ σὰρξ ἄσθενής

«дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26:41).

¹ Единственный найденный случай, когда σάρξ переведено не как плъть: толико же стръганъ вьстѣть стѣни бѣжи мѣченикъ • дондеже месо юмоу падоша вьса на земли Ἐπὶ τοσοῦτον δὲ ἐξέσθη ὁ ἄγιος τοῦ θεοῦ μάρτυς, ἕως οὗ αἱ σάρκες αὐτοῦ λάσαι κατέλεσον εἰς τὸ ἔδαφος (Супрасльская рукопись 149, 21) [32].

(4) дхъ плѣти и кости не иматъ (Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие) [35]

πνεῦμα σάρκα καὶ ὀστέα οὐκ ἔχει
«дух плоти и костей не имеет» (Лук 24:39).

(5) члчл вѡ дша. вѣдоуновена творѣемъ. а скотѣл, и пѣтичѣл, плоть, и кровь есть. ѿ земли, и ѿ воды

«Ведь Творец вдунул душу в человека, а душа животного и птицы есть плоть и кровь, [взятая] от земли и от воды» (Шестоднев, 213а) [2. С. 572, 788].

Также плѣть выступает в качестве гиперонима к мышцам и жилам:

(6) ѿ вѣбкомѡу неджгоу • ходѡщюмоу по плѣти • ѿ сквозѣ мѡса • по жиламъ вѣнѡтрѣнимъ (Синайский евхологий 42а16) [35].

При этом плѣть может быть не только человеческой:

(7) не всѡка плѣть та же плѣть, нѣ ина оубо члкомъ, ина же плѣть скотомъ, ина же птицамъ, ина же рѣбамъ (Христинопольский апостол, Охридский апостол, Слепченский апостол, все XII в.) [35]

Οὐ πᾶσα σὰρξ, ἡ αὐτὴ σὰρξ, ἀλλὰ ἄλλη μὲν σὰρξ ἀνθρώπων, ἄλλη δὲ σὰρξ κτηνῶν, ἄλλη δὲ ἰχθύων, ἄλλη δὲ πτηνῶν

«Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у людей, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц» (1Кор. 15:39).

Важно, что плѣть калькирует также греческое обозначение крайней плоти:

(8) иже не вѡрѣзаетъ плѣты кровѣствѡна своего (Паримейник Лобковича)

плѣтию не вѡрѣзаниѡна вѡшего (Захариинский паримейник) [35]

ὃς οὐ περιτμηθήσεται τὴν σάρκα τῆς ἀκροβυστίας αὐτοῦ

«который не обрежет крайней плоти своей» (Быт. 17:14).

В составе оборота всѡа / всѡака плѣть искомое слово повторяет греческое πᾶσα σὰρξ [35].

Наконец отметим, что плѣть входит также в ряд словосложений-калек: ἄσώματος — весплѣтнъ; φιλόσαρκος — плѣтолюбивъ, плѣтолюбивнъ; σαρκοφάγος — плѣтоядивъ [35].

Таким образом, плѣть в старославянском обозначала, по-видимому, мягкие ткани (не кости и не кровь) человека и животного. Противопоставление духа и плоти, вероятно, возникло под влиянием христианства.

1.2. В литературном болгарском существует слово *плѣт* (f.), значение которого соответствует старославянскому: ‘мясистая часть тела человека или животного; человеческое тело как целое, тленное, человеческая сущность; человеческое тело как источник чувственных, сексуальных желаний’ [15]. Почти то же мы находим в литературном македонском: *плот* (f.) ‘человеческое тело в значении его внешних физических свойств и чувственности’ [14]. По всей видимости, оба этих слова попали в соответствующие литературные языки книжным путем.

В то же время имеется болг. диал. *плѣти* ‘труп человека или животного’ (pl.) (Биримирци, Софийско) [4. Т. 5. С. 373].

1.3. В сербохорватском засвидетельствовано слово *pùt* (gen.sg. *pùti*) ‘мясо, тело; кожа, цвет кожи; пол, половой орган; кровное родство’ [42. Sv. 12. S. 783–788].

В чакавском говоре деревни Орлец записана также форма *pêlt* (gen.sg. *pelti*) ‘цвет лица (complexion)’ [36. P. 319].

В современном литературном словенском *pôlt* (gen.sg. *poli*) значит ‘цвет (человеческой) кожи; поверхность (человеческой) кожи, особенно на лице’ [44].

М. Плетершник приводил также значения ‘подложка расписанной ткани (der Boden eines geblühten Zeuges)’, ‘чувственность (die Sinnlichkeit)’² и ‘пол (spol)’. Последнее значение фигурирует у *polt* (m.) в составе выражения *moškega polta* ‘мужского пола’ в Постиле С. Креля [41. D. 2. S. 133–134].

1.4. Древнечешское *pleť* (gen.sg. *plti*) обозначало кожу на голове, как об этом недвусмысленно свидетельствуют источники:

(9) *kuože tlustá a chlupatá [...]. A ta kuože jestiť tvrdá a sloveť pleť* (Saličetova Ranná lékařství) [33. S. 198–199] «кожа толстая и волосатая [...]. И эта кожа тверда и называется *pleť*».

(10) *Přirozenie na leb málo masa jest přiložilo, protož v plti nemohú býti rány hluboké* (Rhazesovo Ranné lékařství) [49]. «Природа на череп положила мало мяса, поэтому в *plti* раны не могут быть глубокими».

То же значение сохраняется у слова *pleť*³ и в современном чешском (‘*rovňch lidské kůže* (zvl. na obličejí)’) . Как устаревшее отмечается значение ‘пол, особенно женский’ [46], однако, вероятно, это полонизм эпохи национального возрождения, которому не удалось закрепиться в чешском.

То же мы находим и в литературном словацком: *pleť* ‘*rovňch kože, najmä na tvári, pokožka na tele*’ [45. D. 3. S. 90].

1.5. Нижнелужицкое *pleś* известно в значениях ‘цвет лица; страстное желание’ [43. В. 15. S. 1101].

1.6. В древнепольских памятниках *plęc* (gen.sg. *plci*) известно только в значениях ‘тело (только человеческое); создание, живое существо; кожа; cerebellum’ (последнее значение помечено в словаре как *dubium*) [48. Т. 6. S. 166].

В словаре польского языка XVI в. мы находим уже более абстрактные определения: ‘1. Комплекс существенных черт, определяющий принадлежность к определенной категории; природа, свойства, склонности, тип; также индивидуумы, обладающие этими свойствами (обычно собирательно); 2. Комплекс черт, отличающих мужчин и женщин; также индивидуумы данного вида (главным образом собирательно); 3. Поверхность человеческого тела, кожа (особенно лица), а также ее внешний вид, цвет и т.д.’ [47. Т. 24. S. 404–406].

В современном литературном польском *plęc* сохраняет только второе значение, ‘пол’. Однако в говорах представлено и ‘цвет человеческой кожи’ (Янки-Млоде, Остролэнкский повят) [38].

1.7. «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» дает слову *плъть* следующие основные определения: ‘плоть, тело, внешний вид, поверхность тела; крайняя плоть; живое существо; человеческая природа, плотское, земное начало в человеке (в противоположность духовному); навоз, кал’ [15. Т. 6. С. 435–437]. Однако, конечно, значительное количество процитированных памятников носит церковный характер и, следовательно, не обязательно отражает значения, характерные для живого древнерусского языка.

Следует особо оговорить выделение для *плъть* значения ‘навоз, кал’. В словаре это сделано на основании одного контекста: *црви же тиридадоу истощульшу оума и плъть свою падоуцю* (Житие Григория Просветителя; Пролог 1313 г., ГИМ Син. 239, 41а). В Юрьевском прологе (XIV в., РГАДА Син. 153) вместо *плъть* читается *мочыла* [15. Т. 6. С. 437], что и позволило авторам словаря сделать вывод о синонимии этих слов (контекстуальной, поскольку авторы

² Со ссылкой на словарь У. Ярника [37. S. 173].

³ В современном чешском это слово склоняется уже с выравненной основой: *pleť* – *pleti*.

снабдили значение ‘навоз, кал’ пометкой *зд.*). Однако я полагаю, что здесь следует видеть не простую замену одного синонима другим, но смысловую разницу между версиями жития: в одной безумный царь ел свой кал, в другой – свою плоть. Выяснение того, какой вариант первичен, а также того, каковы были причины внесения правки, выходит за рамки данной работы. Для меня важно лишь то, что слово *плѣтъь*, очевидно, не имело значения ‘кал’ в древнерусском.

Литературное белорусское *плоць* (f.) определяется как ‘тело живых созданий, главным образом человека (как противоположность психики, духовного начала); тело как источник чувства, чувственности’ [27. Т. 4. С. 276]. Кроме того, у отдельных авторов и в диалектах отмечены значения ‘пол’, ‘половые органы’, ‘перхоть’ и ‘сперма’ [29. Т. 9. С. 212–213].

Определение, абсолютно аналогичное белорусскому, получило и украинское *плоть* [24. Т. 6. С. 593].

И в русском литературном значении слова *плоть* довольно сильно схоже с тем, что мы находим в старославянском, это мягкие ткани, тело, как правило, в противопоставлении духу. По всей вероятности, книжным влиянием оно во всех трех литературных восточнославянских языках и обусловлено.

В русских говорах мы находим иную картину. Наиболее широко представлено значение ‘перхоть’ [23. Т. 27. С. 156; 6. Т. 5. С. 122; 17. С. 119; 18. Т. 2. С. 107; 21. Т. 3. С. 256; 22. Т. 4. С. 36; 3. С. 370; 5. С. 53; 8. С. 829; 10. Т. 3. С. 203; 19. С. 252]. Другие засвидетельствованные значения – ‘кожа на голове’ [13. Карта 22], ‘мужские половые клетки’, ‘икра, молока рыбы’ [23. Т. 27. С. 156], ‘сперма человека и животных’ [11. С. 126] ‘цвет, тон’ [21. Т. 3. С. 256], ‘тело, чувственность, половая страсть’ [10. Т. 3. С. 203]. Отметим также выражения *котѡва плоть* ‘менструация’, *плотное* ‘менструация’ [30. Вып. 5. С. 80; Вып. 8. С. 9] и *(быть) во плоти* ‘быть физически крепким, здоровым’⁴ [20. Т. 4. С. 550; 8. С. 829].

Значение ‘кожа на голове’, отмечаемое в СРНГ для пинежских говоров сомнительно, поскольку приводимый контекст его совершенно не подтверждает и говорит скорее в пользу ‘перхоть’: «до плоти дочесала на голове-то гребнем частым» [23. Т. 27. С. 156].

1.8. Таким образом континуантам **rlъtъ* в славянском мире присущи следующие основные значения:

1. Мягкие ткани, тело
2. Чувственность
3. Групп
4. Кожа (на голове)
5. Цвет кожи (лица)
6. Пол
7. Половой орган
8. Живое существо
9. Перхоть
10. Сперма
11. Рыбья икра

2.1. Сведем данные по наиболее распространенным значениям в таблицу:

⁴ Это объясняет сдвиг значения у русского производного прилагательного *плотный*, ср. ст.-сл. *плѣтъьнъ* ‘телесный, плотский’.

	мягкие ткани	чувственность	кожа (на голове)	цвет кожи (лица)	пол	половой орган	живое существо	перхоть
ст.-сл.	+	+					+	
болг.	+	+						
мак.	+	+						
схр.	+		+	+	+	+		
слвн.		+	+	+	+			
др.-чеш.			+					
чеш.			+		(+)			
слвц.			+					
н.-луж.		+		+				
др.-пол.	+		+				+	
пол.				+	+			
др.-рус.	(+)	(+)					+	
бел.	(+)	(+)			+	+		+
укр.	(+)	(+)						
рус.	(+)	(+)	+					+

2.2. Попробуем установить схему семантических дрейфов, приведших к такой картине. Первый из сдвигов – это ‘мягкие ткани’ > ‘цвет кожи’.

Уже в «Шестодневе» обнаруживается, что *плъть* обозначает тело в контексте цвета кожи:

(11) и *тѣрпѣливи*, и *кротѣци*, и *бѣли* *плотью* [...] *тщивы*, *гнѣвливы*, *черны* *плотьж* «и терпеливые, кроткие, белые *плотью* [...] *тщеславными*, *скорыми* на *гнев*, *черными* *плотью*» (Шестоднев, 119а) [2. С. 453, 733].

Параллель этому легко обнаруживается в русском фольклорном *тело белое*:

(12) Полоште в имерек ее уста сахарные, в ее главу буйную, в ее очи ясные, в ее тело белое (Заговор на любовь (1688–1689)) [12].

(13) Снесите и донесите, вложите и положите въ рабицу Божию (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хотъ и въ плоть [9. С. 7].

Переосмысление выражение вроде *белый плотью* как «белый кожей» вместо «белый телом» вполне понятно и даже очевидно.

Аналогичные сдвиги семантики предоставляют в наше распоряжение французское *chair* и английское *flesh*.

Французское *chair*, продолжающее латинское *caro* ‘мясо’, означает в первую очередь ‘плоть, тело’ (основное обозначение мяса в современном французском – *viande*), однако может употребляться и в «цветовых» контекстах, схожих с вышеописанными [50]. Например:

(14) ...une splendide jeune fille aux yeux noirs, à la chair de magnolia...

...прелестную девушку с черными глазами, с кожей цвета магнолии... (Gérard Genette. Figures III (1972) | Жерар Женетт. Фигуры III (Е. Васильева, Е. Гальцова, Е. Гречаная, И. Иткин, С. Зенкин, 1998)) [12].

Английское *flesh* также означает ‘тело, плоть’ (ср. нем. *Fleisch* ‘мясо’) и может употребляться в «цветовых» контекстах для обозначения кожи. Например:

(15) Down one side of his face the flesh was darkening

Одна сторона лица у него уже темнела. (George Orwell. *Nineteen Eighty-Four* (1949) | Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989)) [12].

Отметим, что телесный цвет, т.е. цвет кожи (а не мяса) во французском и английском обозначается именно как *couleur de chair* и *flesh colour* соответственно.

Латинское *carnatio*, производное от вышеупомянутого *caro* ‘мясо’, дало итальянское *carnagione* ‘цвет кожи (лица)’ и было заимствовано во французский как *carnation* ‘телесный цвет’. Из французского перенято польское *karnacja* ‘цвет кожи (лица)’.

Таким образом, сдвиг ‘мягкие ткани’ > ‘цвет кожи’ хорошо подтверждается типологическими данными. Следующий шаг в эту сторону – метонимия ‘цвет кожи’ > ‘кожа’. Так, чешское *pleť* часто используется в «цветовых» контекстах, например, *bílá pleť* ‘белая кожа (лица)’, *snědá pleť* ‘смуглая кожа (лица)’, но не ограничено ими, ср. *suchá pleť* ‘сухая кожа (лица)’.

По всей вероятности, отправной точкой для значения ‘перхоть’ было именно ‘кожа (лица, головы)’. В русском диалектном материале оно представлено маргинально, мы нашли лишь одну фиксацию в говоре села Койда (Архангельская область; пункт «Общеславянского лингвистического атласа» № 528) [13. Карта 22], однако вполне можно себе представить, что раньше это значение было распространено шире, со временем уступив место более новому ‘перхоть’. Дополнительно в пользу этого свидетельствует значение ‘цвет, тон’, также отмеченное в русском диалектном материале [21. Т. 3. С. 256]. Помимо очевидности перехода ‘кожа лица, головы’ > ‘перхоть’ в качестве типологической параллели стоит указать на французское *pellicule* ‘кожица, пленка; перхоть’ (по происхождению это латинизм).

2.3. Значение ‘живое существо’, как было описано выше, представлено в старославянском и древнепольском материале. В обоих случаях мы имеем дело с калькой. Старославянское *вѣста / вѣстака плѣть* копирует греческое *λάσα σάρξ*, а древнепольское *pleć (człowiecza)* – латинское *genus (humanum)*.

2.4. Христианское противопоставление плоти духу объясняет появление значения ‘желание, чувственность’ в старославянском и русских говорах, хотя нельзя не отметить, что оно представлено и в нижнелужицком. Вероятно, это следует трактовать как аргумент в пользу того, что нижнелужицкое *pleś* ранее также обозначало плоть, мягкие ткани тела.

2.5. Значение ‘труп’, представленное в болгарских диалектах, легко объясняется на основании коллокации вида **мертвая плоть*.

2.6. Для понимания возникновения «половой» семантики, с моей точки зрения, важным является старопольское слово *nąpletetek*⁵ ‘крайняя плоть’ [47. Т. 16. S. 100–101]. Поскольку крайняя плоть является особой кожей, было бы заманчиво видеть здесь перенос ‘кожа’ > ‘крайняя плоть’ (ср. лат. *pellicula* ‘шкурка, крайняя плоть’, англ. *foreskin* и нем. *Vorhaut*⁶), особенно в свете засвидетельствованного *pleć konieczna* ‘крайняя плоть’ [47. Т. 24. S. 406]. Однако другие

⁵ В современном литературном польском это слово имеет вторичную форму *napletek* с *-l-* вместо *-t-*, которая возникла, вероятно, из-за народноэтимологической ассоциации этого слова с гнездом глагола *pleść* [31. S. 351].

⁶ Очевидной калькой с немецкого является чешское *předkožka*.

старопольские существительные, образованные по модели *na-R-ek* от названий частей тела, являются обозначениями того, что находится или носится поверх искомой части тела: *nabiodrek* ‘набедренная повязка’ [47. Т. 15. С. 305]; *nāczoltek* ‘украшение, носимое на лбу; часть конской упряжи’ [47. Т. 15. С. 416]; *nāgłowek* ‘узды; украшение жреческого платья’ [47. Т. 15. С. 522]; *nałokietek / nałoktek* ‘налокотник (доспеха)’ [47. Т. 15. С. 643]; *nāparstek* ‘наперсток; наперстянка’ [47. Т. 16. С. 45]; *nāpiętek* ‘задник обуви’ [47. Т. 16. С. 73]; *nāplecek* ‘скапулярий’ [47. Т. 16. С. 99]; *nāramionek / naramionek* ‘облачение еврейского священника; амикт’ [47. Т. 16. С. 159]. Таким образом, верной следует признать версию В. Борыся, согласно которой *nāplętek* – это то, что *na plci* [31. С. 351]. В таком случае в польском *plęć* когда-то должно было обозначать в том числе мужской половой орган.

Совмещение значений ‘половой орган’ и ‘пол’ у одного слова хорошо известно, в частности, оно характерно для чешского *pohlaví*, латинского *sexus*, немецкого *Geschlecht*.

Мы знаем, что в старопольских текстах слово *plęć* часто используется в устойчивых коллокациях: *męska plęć* ‘мужчина; мужество’, *niewieścia / żeńska plęć* ‘женщина; женственность’ [47. Т. 24. С. 405]. Логично предположить для *męska plęć* следующий семантический дрейф: ‘мужская плоть (= половой орган)’ > ‘мужественность’ (ср. совр. пол. *męskość* ‘мужественность; мужской половой орган’) > ‘мужской пол’. Возможно, что введение промежуточной ступени ‘мужественность’ здесь даже не обязательно.

Бликие значения, обнаруживаемые в белорусских и русских говорах, а именно ‘сперма’ и ‘икра, молока рыбы’, вероятно, возникли независимо от польского, но отправной точкой разумно также полагать какую-нибудь коллокацию вроде **мужская плоть* (ср. оборот *срамная плоть*).

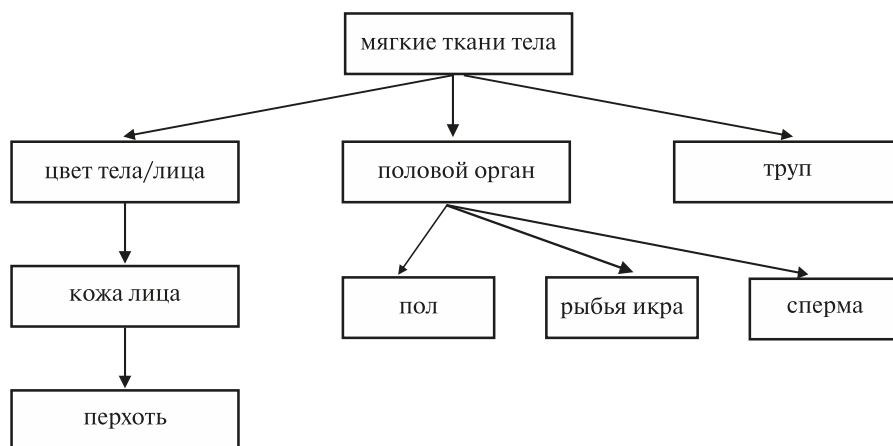
2.7. Особый интерес представляет выражения *котóва плоть* ‘менструация’⁷ и *плотнóе* ‘менструация’⁸ в ярославских говорах [30. Вып. 5. С. 80; Вып. 8. С. 9]. Ранее в том же регионе было записано следующее: «Мужчина сладострастный и часто имеющий с женой сношение, слывет у женщин за мужика, у которого в крови есть так называемая у простолюдуя “котóва плоть”. — “Беда, бабы, жить с таким мужиком, у которого есь — в ём — котова плоть”» [7. С. 250]. В славянской народной традиции известна связь между менструацией и либидо: согласно мазовецким поверьям, мальчик, зачатый во время менструации, будет ужасно похотлив; широко, в том числе в России, распространено использование менструальной крови для приворотов и повышения влечения у мужчин [1. С. 119, 137–138].

⁷ Такое название, возможно, было дано в связи с сопоставлением менструации с выделениями у кошки во время течки (М.В. Ясинская, письменное сообщение, 28.05.2022). Альтернативная возможность, заслуживающая внимания, — это потенциальная связь кота со сладострастием (ср. обозначение похотливого мужчины как *кота* в разговорном русском или чешское *kocour* в том же значении). Однако корреляция менструации и сладострастия в славянском мире представлена широко, в то время как *котава плоть* — узлокальное наименование.

⁸ Нельзя не отметить сходство этого наименования с распространенным в русских говорах обозначением месячных — *платнóе, платянóе* [1. С. 105]. На первый взгляд, близость этих слов случайна, в пользу чего говорит разница в вокализме корня, а поскольку ярославские говоры окающие, вряд ли стоит предполагать в случае *плотнóе* ошибку записи. Однако ударение в форме *плотнóе* (я благодарю И.А. Седакову, которая обратила мое внимание на данный факт) говорит в пользу наличия связи. Я полагаю, что *плотнóе* можно рассматривать как *платнóе*, видоизменившееся под влиянием выражения *котóва плоть*.

2.8. Отдельным сюжетом является вопрос о наличии взаимосвязи между континуантами *rǫtь и рус. арх. *плоть* ‘вранье, враки’ [23. Т. 27. С. 156]. Т. В. Шалаева полагает, что такая взаимосвязь есть, и произошёл сдвиг ‘перхоть’ > ‘вранье’. В качестве параллелей приводятся такие случаи как рус. *шелуха* ‘внешняя оболочка плодов, овощей; кожура семян’ > ‘нечто внешнее, ненужное, наносное’; *чепа ‘щепа’ > *ченуха*; *вздор* ‘сор, рваньё, хлам’ > ‘вздор’; диал. *áвия* ‘отходы при веянии зерна’ > ‘что-либо негодное’ > ‘отбросы’ > ‘чепуха’ [28. С. 124–125]. Несмотря на эти аргументы, я полагаю, что омонимия *плоть* ‘перхоть’ и *плоть* ‘вранье, враки’ все же случайна. Следует обратить внимание на форму *плот*, которая помимо значений ‘забор, изгородь’, ‘рыболовное заграждение с мережами, вершами’, ‘настил на дне реки из веток или бревен, на котором крепятся жерди для перегораживания реки’, ‘приспособление из связанных жердей, которым придавливают мокнувший лен’ и т. п. в тех же самых архангельских говорах, а также в Сибири записано в значении ‘сплетни, кривотолки’ [23. Т. 27. С. 148]. По всей вероятности, *плот* ‘сплетня’, так же, как и *плот* ‘забор’, является дериватом от глагола *плести* (ср. *сплетня* и *плетень*). В польском и чешском наблюдается схожая деривация от *pleść / plést* ‘плести’ – *plot / plot* ‘забор’ и *plotka / pletka* ‘сплетня’, при этом разнесенная по времени (**plotь* с качественным аблаутным чередованием явно древнее, чем **pletька* без оного). Таким образом, я считаю *плоть* ‘вранье, враки’ словообразовательным вариантом *плот* ‘сплетня’, и обе эти формы дериватами от *плести*.

2.9. Попробуем свести вышеописанные семантические сдвиги в схему.

3. Резюмируя все вышеописанное, можно сказать следующее: праславянское слово *rǫtь, по всей видимости, обозначало в первую очередь мягкие ткани тела (мышцы, жир, кожу) человека и животных, будучи противопоставленным крови (**kry*), кости (**kostь*) и мясу (**męso*). Последнее, как можно предположить, обозначало главным образом мышцы животных, употребляемые в пищу. На основе исходного значения последовательно развился ряд новых, в первую очередь ‘цвет (тела, лица)’, ‘кожа (лица)’, ‘перхоть’, ‘половой орган’, ‘пол’, ‘рыбья икра’, ‘сперма’ и ‘труп’. На праславянскую древность может претендовать переход ‘мягкие ткани’ > ‘цвет (тела, лица)’ > ‘кожа (лица)’, представленный во всех трех основных группах славянских языков. Все прочие

сдвиги уже постпраславянской эпохи и произошли в отдельных славянских языках. Многие из переходов, приведших к такой картине, встречаются и за пределами славянских языков.

С представленной картиной очень хорошо коррелируют значения балтийских когнатов славянских слов: лит. *plutà* ‘хлебная корка; корка вообще; пленка’ [39], лтш. *pluta* ‘мясо’, *plutas* (pl.) ‘голая (нежная, мягкая) кожа, кожа головы; яркая пленка, моховое образование на железистой воде; внутренности’ [40. В. 3. S. 359].

Существуют две основные этимологии интересующего нас слова. Первая связывает его с лат. *pellis* ‘шкура, кожа’, др.-анг. *fell* ‘шкура, кожа’, нем. *Fell* ‘мех, шкура, кожа’ и другими, возводя к п.-и.-е. **peIH-* ‘шкура, кожа’. Вторая — с п.-и.-е. **plec-* ‘плыть’ [34. D. 11. S. 664]. В этимологической литературе более популярна первая, однако она обладает одним неустранимым недостатком: корень **peIH-* на ступени редукции дал бы праславянское ***ry-* или **ry-*. Так что при всей семантической привлекательности этой версии ее следует оставить в пользу второй, фонетически и морфологически безукоризненной. Если предположить, что первоначально балто-славянское слово **plut-* обозначало плавающую корку, корочку, например на поверхности болота или молока, то и в семантическом отношении данная версия становится довольно привлекательной. При этом хотя априори мы бы скорее ожидали сдвиг ‘корка’ > ‘кожа’, приведенные выше параллели из неславянских языков, а также тот факт, что континуанты **plъь* обозначают не всякую кожу, а кожу головы или лица, говорят в пользу реконструкции дрейфа ‘корка’ > ‘мягкие ткани тела, плоть’ > ‘кожа головы, лица’. Первая стадия представлена в литовском, вторая и третья — в латышском и славянских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т.А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 103–150.
2. Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя, 2001. 972 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
4. Български етимологичен речник. Томове 1–8. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971–2017.
5. Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещёры. Т. 1: А-Н. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1983. 276 с.
6. Вершининский словарь. Т. 1–7. Томск: Издательство Томского университета, 1998–2002.
7. Костоловский И.В. Из поверий Ярославского края // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. ХСVI–ХСVII. № 1–2. С. 248–252.
8. Левичкин А.Н., Мызников С.А. Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
9. Майков Л. Великорусские заклинания. СПб.: Типография Майкова, 1869. 164 с.
10. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
11. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010. 192 с.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
13. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9. Человек. Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2009.
14. Официален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>
15. Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/>
16. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М.: Русский язык, 1988–2019.
17. Словарь орловских говоров. Вып. 9. Орёл: Орловский государственный университет, 1998. 123 с.
18. Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000, 2002.
19. Словарь русских говоров Башкирии. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

20. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.
21. Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 1999–2006.
22. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964–1988.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М., СПб.: Наука, 1965–2021.
24. Словник української мови. Т. 1–11. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
25. Старобългарски речник. Т. 1–2. София: Валентин Траянов, 1999, 2009.
26. Старославянский словарь. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
27. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977–1984.
28. *Шалаева Т. В.* К этимологии лексики севернорусских говоров (*плоть* ‘вранье, враки’, *шкіра*, *вешіарь/вешкарь*) // Севернорусские говоры. Вып. 20. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 123–142.
29. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–2017.
30. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт, 1981–1991.
31. *Borys W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 864 s.
32. Codex Suprasliensis. URL: <http://suprasliensis.obdurodon.org>
33. *Erben K.* Saličetova Ranná lékařství. V Praze: Spolek českých lékařův, 1867. 256 s.
34. Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Díly 1–19. Praha, Brno: Nakladatelství Československé akademie věd, Nakladatelství Akademie věd České republiky, 1989–2018.
35. Gorazd: Digitální portál staroslověnštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: <http://gorazd.org/gulliver/>
36. *Houtzagers H.* The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres. Amsterdam: Brill, 1985. 415 p.
37. *Jarnik U.* Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart in Inner-Österreich. Klagenfurt: Ferdinand Edlen von Kleinmayr, 1832. 243 S.
38. Kartoteka Słownika gwar polskich.
39. Lietuvių kalbos žodynas. URL: <http://lkz.lt>
40. *Mühlenbachs K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bände 1–4. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932.
41. *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Dela 1–2. V Ljubljani: Knezoškofijstvo, 1894, 1895.
42. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjige 1–23. U Zagrebu: Knjižarnica Lavoslava Hartmana, 1880–1976.
43. *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.
44. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja. URL: <http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2>
45. Slovník slovenského jazyka. Diely 1–6. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.
46. Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz>
47. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–38. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1966–2020.
48. Słownik staropolski. Tomy 1–11. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1953–2002.
49. Staročeská textová banka. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>
50. Le Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <https://www.cnrtl.fr/>

REFERENCES

- Agapkina T.A. Slavianskije obriady i verovaniia, kasaiushchijesia menstruatsii. *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture*. Moscow, Lodomir Publ., 1996, pp. 103–150. (In Russ.)
- Barankova G.S., Mil'kov V.V. *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo*. Sankt-Peterburg, Aleteiia Publ., 2001, 972 p. (In Russ.)
- Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva*. Moscow, Russkije slovari, Astrel' Publ., AST, 2003, 608 p. (In Russ.)
- Borys W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 2005, 864 p. (In Pol.)

- Bülgarski etimologichen rechnik. T. 1–8.* Sofia, Izdatelstvo na Bülgarskata akademiia na naukite Publ., 1971–2017. (In Bulg.)
- Codex Suprasliensis.* URL: <http://suprasliensis.obdurodon.org>
- Erben K. *Saličetova Ranná lékařství.* V Praze, Spolek českých lékařů Publ., 1867, 256 p. (In Czech)
- Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Díly 1–19.* Praha; Brno, Nakladatelství Československé akademie věd Publ., Nakladatelství Akademie věd České republiky Publ., 1989–2018. (In Czech)
- Étymalahichny sloŭnik belarускай мовы. T. 1–14.* Minsk, Navuka i tэхhnika Publ., 1978–2017. (In Bel.)
- Gorazd: Digitální portál staroslověštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského.* URL: <http://gorazd.org/gulliver/>
- Houtzagers H. *The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres.* Amsterdam, Brill Publ., 1985, 415 p.
- Iaroslavskii oblastnoi slovar'. Vyp. 1–10.* Iaroslavl', Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute Publ., 1981–1991. (In Russ.)
- Jarnik U. *Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart in Inner-Österreich.* Klagenfurt, Ferdinand Edlen von Kleinmayr Publ., 1832, 243 p.
- Kartoteka Słownika gwar polskich.* (In Pol.)
- Kostolovskii I.V. Iz poverii Iaroslavskogo kraia. *Etnograficheskoe obozrenije*, 1913, kn. XCVI–XCVII, no. 1–2, pp. 248–252. (In Russ.)
- Levichkin A.N., Myznikov S.A. *Novgorodskii oblastnoi slovar'.* Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 2010, 1435 p. (In Russ.)
- Lietuvių kalbos žodynas.* URL: <http://lkz.lt> (In Lith.)
- Maikov L. *Velikorusskije zaklinaniia.* Sankt-Peterburg, Tipografii Maikova Publ., 1869. 164 p. (In Russ.)
- Malecha N.M. *Slovar' govovor ural'skikh (iaitskikh) kazakov. T. 1–4.* Orenburg, Orenburgskoe knizhnoje izdatel'stvo Publ., 2002–2003. (In Russ.)
- Moisejev B.A. *Orenburgskii oblastnoi slovar'.* Orenburg, Izdatel'stvo OGPU Publ., 2010, 192 p. (In Russ.)
- Mühlenbachs K. *Lettsisch-deutsches Wörterbuch. Bände 1–4.* Riga, Lettisches Bildungsministerium Publ., 1923–1932.
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka.* URL: <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
- Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia.* Vyp. 9. Chelovek. Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2009. (In Russ.)
- Oficijalen digitalen rečnik na makedonskiot jazik.* URL: <https://makedonski.gov.mk> (In Maced.)
- Peteršnik M. *Slovensko-nemški slovar. Dela 1–2.* V Ljubljani, Knezoškofijstvo Publ., 1894, 1895.
- Rechnik na bülgarskii ezik.* URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (In Bulg.)
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–23.* U Zagrebu, Knjižarnica Lavoslava Hartmana Publ., 1880–1976.
- Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24.* Bautzen, Domowina-Verlag Publ., 1978–1989.
- Shalajeva T.V. K etimologii leksiki severnorusskikh govovor (plot' 'vran'je, vraki', sháki, vekshár'/veshkár'). *Severnorusskije govory.* Vyp. 20, 2021, pp. 123–142. (In Russ.)
- Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja.* URL: <http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2> (In Slovene)
- Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.). T. 1–12.* Moscow, Russkii iazyk Publ., 1988–2019. (In Russ.)
- Slovar' orlovskikh govovor. Vyp. 9.* Orël, Orlovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1998, 123 p. (In Russ.)
- Slovar' permskikh govovor. Vyp. 1–2.* Perm', Knizhnyi mir Publ., 2000, 2002. (In Russ.)
- Slovar' russkikh govovor Bashkirii.* Ufa, Gilem Publ., 2008. 406 p. (In Russ.)
- Slovar' russkikh govovor Karelii i sopedel'nykh oblastei. Vyp. 1–6.* Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1994–2005. (In Russ.)
- Slovar' russkikh govovor Sibiri. T. 1–5.* Novosibirsk, Nauka Publ., 1999–2006. (In Russ.)
- Slovar' russkikh govovor Srednego Urala. T. 1–7.* Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoje izdatel'stvo Publ., 1964–1988. (In Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govovor. Vyp. 1–52.* Moscow; Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 1965–2021. (In Russ.)
- Slovník slovenského jazyka. Diely 1–6.* Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1959–1968. (In Slovak)
- Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz> (In Czech)
- Slovník ukraíns'koï movy. T. 1–11.* Kyïv, Naukova dumka Publ., 1970–1980. (In Ukr.)
- Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–38.* Wrocław; Warszawa; Kraków, Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN Publ., 1966–2020. (In Pol.)

- Słownik staropolski. T. 1–11.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN Publ., 1953–2002. (In Pol.)
- Starobŭlgarski rechnik. T. 1–2.* Sofia, Valentin Traianov Publ., 1999, 2009. (In Bulg.)
- Staročeská textová banka.* URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB> (In Czech)
- Staroslavianskii slovar'.* Moscow, Russkii iazyk Publ., 1994. 842 p. (In Russ.)
- Tlumac ha'l'ny sloŭnik belaruskaj movy. T. 1–5.* Minsk, Haloŭnaia rėdaktسيا Belaruskaj Savetskaj Ęntsyklapedyi Publ., 1977–1984. (In Bel.)
- Le Trésor de la Langue Française informatisé.* URL: <https://www.cnrtl.fr/>
- Vaniushechkin V. T. *Slovar' russkikh narodnykh govorov Riazanskoj Meshchėry. T. 1: A–N.* Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogičeskii institut Publ., 1983, 276 p. (In Russ.)
- Vershininskii slovar'.* T. 1–7. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1998–2002. (In Russ.)

Сведения об авторе

Саенко Михаил Николаевич,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Отдела славянского
языкознания Института славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: veraetatis@yandex.ru

Information about the author

Saenko Mikhail N., Ph D. (Philology),
Senior Researcher,
Department of Slavic Linguistics
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: veraetatis@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, 2022, № 5, с. 145–149

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 5, pp. 145–149

DOI: 10.31857/S0869544X0022040-7

Оригинальная статья / Original Article

Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.

© 2022 г. В.Б. Каширин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vbkashirin@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Каширин В.Б.* Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с. // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 145–149. DOI: 10.31857/S0869544X0022040-7.

Gusev N.S. Bulgaria, Serbia and the Russian Society During the Balkan Wars of 1912–1913. Moscow, Indrik, 2020. 520 p.

© 2022. Vasily B. Kashirin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vbkashirin@mail.ru

Reference for citation: *Kashirin Vasily B.* Gusev N.S. Bulgaria, Serbia and the Russian Society During the Balkan Wars of 1912–1913. Moscow, Indrik, 2020. 520 p. // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 5. P. 145–149. DOI: 10.31857/S0869544X0022040-7.

Великое множество раз в своей истории славянские народы сталкивались в ожесточенной политической и военной конфронтации, и неоднократно в их распри оказывалась вовлечена Россия, иногда в качестве заинтересованного наблюдателя или посредника-арбитра, а иногда — и непосредственного участника вооруженной борьбы. Одним из трагических и своего рода эталонным примером такого межславянского конфликта стали Балканские войны 1912–1913 гг. Вместе с последовавшими непосредственно за ними событиями Первой мировой войны на Балканах и Ближнем Востоке они в целом завершили процесс национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова, положили конец османскому владычеству в регионе

и тем самым стали финальным актом полутора-векового Восточного вопроса в международных отношениях.

Российская империя не принимала непосредственного военного участия в Балканских войнах, однако с ними были связаны коренные интересы внешней политики и большой стратегии России в тот период, и потому русская дипломатия и разведка деятельно и мотивированно участвовали в тех событиях. А для российского общества увлеченное наблюдение и рефлексия хода, последствий и значения войн 1912–1913 гг. на Балканах стали осмыслением результата двухвековой политики России в отношении южных славян, по сути, подведением итогов всей внешнеполитической деятельности

Российской империи на черноморско-балканском направлении.

Рецензируемая книга московского ученого-балканиста Н.С. Гусева – важное и заслуживающее полного внимания исследование обозначенной темы. Она появилась в результате существенного углубления и развития его диссертационного исследования, защищенного в 2016 г. В интеллектуальном и методологическом отношении рассматриваемый труд является продолжением научных традиций школы выдающегося отечественного историка-сербиста А.Л. Шемякина (1960–2018), научного руководителя диссертации Н.С. Гусева, много занимавшегося проблемами взаимного восприятия России и балканских славян. Его памяти и посвящена книга.

Как это отражено и в названии монографии, в центре внимания автора в наибольшей и равной степени находятся Болгария и Сербия. Важно отметить, что Н.С. Гусеву удалось успешно избежать любого узко страноведческого уклона, с обыкновенно присущим этому дисбалансом в привлекаемых источниках и отзвуком личных симпатий и предпочтений. Избранная автором тема в значительной степени определила и характер основной источниковой базы работы. Н.С. Гусевым были проработаны обширные массивы периодической печати, корреспонденции с театра военных действий, политическая публицистика, книги о Балканских войнах, опубликованные непосредственно в их ходе или сразу по горячим следам, дневники и мемуары участников тех событий.

Автор глубоко погружен в источниковую базу и, как и следует увлеченному исследователю, прекрасно освоился в ней. Важным индикатором этого служит его хорошее «знакомство» с основными действующими лицами своего исследования – российскими журналистами, корреспондентами с театра Балканских войн, путешественниками и публицистами, учеными и политиками. В этом убеждают представленные еще в начале книги краткие, но емкие биографические справки о многих российских очевидцах Балканских войн, таких как В.И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, В.П. Табурно, Н.И. Гасфельд, Е.И. Мартынов, В.Н. фон Дрейер и других. Благодаря этому и читатель получает возможность узнать о людях, от которых русское общество получало информацию о войне на Балканах, понять их личные особенности, симпатии и предпочтения, частные мотивы и порой скрытые влияния на их позицию и точку зрения. Безусловно, это способствует лучшему погружению в материал книги.

Не остались за пределами внимания автора и архивные материалы. Ему удалось поработать в восьми архивах трех стран – России, Болгарии

и Сербии, и документы из них удачно расширяют и дополняют источниковую базу исследования. Как представляется, особое значение имеют такие данные «объективного контроля» настроений общества, как материалы политической полиции – Департамента полиции МВД, почерпнутые автором из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Присущий академическому труду раздел с обзором историографии охватывает научную литературу по теме исследования на русском, болгарском, сербском и македонском языках, а также западные англоязычные работы о Балканских войнах. Обзор красноречиво убеждает в двух главных вещах: во-первых, при всей многочисленности отдельных публикаций по эпохе Балканских войн до сих пор никто в России не предпринял попытку написания обобщающей и фундаментальной военно-политической истории Балканских войн 1912–1913 гг., а во-вторых, и тема восприятия и реакций российского общества на эти войны до настоящего момента также не получила комплексного и разностороннего исследования.

В структурном отношении книга Н.С. Гусева состоит из четырех глав, каждая из которых, будучи органично связана с другими, имеет внутреннюю смысловую самодостаточность. Первая глава носит отчасти экспозиционный характер. Она дает насыщенную общую картину того, каким образом российское общество получало информацию о начавшейся войне на Балканах, т.е. о формировании той информационно-психологической атмосферы, в которой события Балканских войн воспринимались и переживались публикой в России. Автор убедительно показал, что стремительно назревшая война Балканского союза против Турции в целом стала неожиданностью для российского общества. И во многом поэтому всплеск его интереса к событиям на Балканах получил столь бурный, подчас экзальтированный характер.

Заинтересованность российской публики в событиях на Балканах носила активный характер и проявлялась в самых разнообразных формах. Это были различные манифестации, акции по сбору гуманитарной помощи, всевозможные «славянские обеды» и иные гастрополитические акции, отправление коллективных воззваний, телеграмм и других посланий, добровольческое движение взрослых и даже бегство из дома детей, желавших сражаться против турок. Важной чертой того времени стала высокая степень вовлеченности ученого сообщества в события политической жизни, в частности, проведение публичных лекций и диспутов, собиравших большие аудитории.

При всех неизбежных ограничениях военной цензуры на Балканах и не всегда адекватном уровне компетентности и объективности военачальников в целом российское общество достаточно подробно и качественно информировалось о фактической стороне войны Балканского союза против Турции, о динамике боевых действий и т.д. Однако эта внешняя погруженность в канву военных событий соседствовала с достаточно фрагментарными и подчас наивными представлениями российского общества об этнонациональной, демографической, социально-экономической ситуации на Балканах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как показывает материал книги, общее восприятие происходящего на Балканах было достаточно консервативным и даже архаичным: развязанная Балканским союзом наступательная война против Османской империи естественным образом воспринималась как продолжение освободительных войн России против Турции.

Автор книги не ставил специальной задачи сравнить атмосферу, царившую в российском обществе в период Великого восточного кризиса и начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и во время Первой балканской войны 1912 г. Но материал его труда позволяет считать, что основные формы и проявления общественных настроений в целом были сходны. Не вызывает сомнения высокая степень славянского энтузиазма у представителей узкого слоя образованных групп – чиновничества, офицерства, городской интеллигенции и буржуазии. В обоих случаях бурная реакция общества, несомненно, во многом предопределялась и желанием реванша за прежнее унижение национального достоинства – поражение в Крымской войне и «дипломатическую Цусиму» в Боснийском кризисе 1908–1909 гг. При этом образованная публика была искренне убеждена, что такой же энтузиазм в поддержку балканских славян охватил и широкие массы народа Российской империи. Однако автор книги убедительно, в том числе и с опорой на материалы политической полиции, показал, что в действительности этот массовый энтузиазм оказался едва ли не иллюзией. Несомненно, симпатии славянскому делу проникали достаточно глубоко в провинциальную и крестьянскую среду, но при этом оставались предельно абстрактными, наивными и неосмысленными.

С другой стороны, Россия 1912–1913 гг. была уже страной с зачатками основных буржуазных свобод. Проведение внешней и военной политики оставалось прерогативой старого режима, однако появившиеся партии буржуазной либеральной оппозиции, помимо инструментов финансового воздействия через парламент, получили возможности достаточно свободного

обсуждения в печати вопросов внешней политики и международных отношений. Так что за дискуссиями в печати по вопросам о ходе Балканских войн и о разделе османского наследства в Македонии, Албании и Фракии подчас скрывались и конкретные попытки определенных политических кругов влиять на общественные настроения в России и исподволь перехватывать внешнеполитическую повестку у императорского правительства.

Исследование Н.С. Гусева наглядно показывает, что органы государственной власти России оказались не подготовлены и зачастую просто не знали, как им реагировать на бурные проявления общественных симпатий в связи с событиями войны на Балканах. Поэтому зачастую им приходилось ограничивать эти проявления методами прямых полицейских запретов, тем более что прославянские симпатии обыкновенно имели и выраженный антиавстрийский характер. Также заслуживают внимания описываемые автором примеры того, как в мусульманских регионах империи проявлялось сочувствие населения к единоверной Османской империи. Одним словом, сложные процессы развития российского общества влияли и на усложнение общей картины восприятия им событий на Балканах.

И в композиционном, и в смысловом отношении центральное место в книге Н.С. Гусева занимает вторая глава. На мой субъективный взгляд, она является наиболее интересной и обладает наибольшим потенциалом с точки зрения провоцирования дальнейшей научной дискуссии и формулирования новых выводов. Этот раздел посвящен попыткам Сербии и Болгарии во время Балканских войн оказать активное информационно-пропагандистское воздействие на общественное мнение России с целью повлиять тем самым на политику Петербурга. И это стало совершенно новым явлением в истории отношений России с христианскими народами и государствами Балканского полуострова. На более ранних этапах Восточного вопроса, в периоды кризисов и русско-турецких войн балканские общественные и церковные круги, южнославянские диаспоры в России неоднократно обращались к руководству Российской империи с просьбами о военной, политической и материальной поддержке в рамках традиционных патрон-клиентских связей. К началу XX в. ситуация полностью переменялась. Молодые балканские государства не только сформировали собственные эффективные вооруженные силы и институты государственного управления, но и начали разрабатывать и активно применять инструменты информационно-пропагандистского воздействия на международную общественность, и более всего – на общество Российской империи.

Для достижения этой цели использовался обширный и достаточно изощренный инструментарий – точечное воздействие на конкретных людей в государственных структурах и общественных кругах, методичные кампании в российской прессе, выпуск специализированных изданий, выступления на научных площадках. Уроженцы балканских стран оказались широко представлены в журналистском, университетском, академическом сообществе России. Как показал Н.С. Гусев, определенного тактического преимущества в этом добились именно сербы, в интересах которых целенаправленно работал ряд российских журналистов и публицистов. Причем не всегда для этого им нужно было использовать соплеменников или прилагать иные усилия. Автор книги отдельно остановился на деятельности знаменитого посланника России в Сербию Н.Г. Гартвига (1857–1914). Его откровенно пристрастная и тенденциозная линия в профессиональных вопросах была прекрасно известна и в среде царского МИД, и далеко за ее пределами. Однако дипломатическое ведомство поздней Российской империи не смогло выработать никаких механизмов купирования этой несомненно вредной деятельности своего представителя в Белграде.

С другой стороны, у Болгарии был и свой «ферзь» в политической элите Российской империи – лидер кадетской партии П.Н. Милоков, связанный с Болгарией давними личными узами и симпатиями. Его общественно-политический лагерь и аффилированные с ним органы печати всегда сочувствовали болгарскому делу. Быть может, такая поддержка со стороны российской либеральной оппозиции и оказала медвежью услугу политическим устремлениям Софии в 1912–1913 гг. Но, во всяком случае, даже после сближения с Центральными державами накануне и в начале Первой мировой войны Болгария сохранила своих симпатизантов в российском государственном и политическом истеблишменте, что оказывало влияние и на стратегию воюющей России.

Автор справедливо признал, что история так и не дала нам возможности судить, какая из сторон, Белград или София, оказалась эффективнее в борьбе за влияние на российское общество. Начатая руководством Болгарии Вторая балканская война летом 1913 г. полностью нарушила прежний баланс симпатий российской публики, которые в целом переместились на сторону Сербии. Однако материал этой главы позволяет сделать главный вывод: Россия оказалась совершенно не готова к тому, что сама окажется объектом активного информационного воздействия, «мягкой силы», говоря современным нам языком, причем со стороны тех, кого она привыкла считать «младшими братьями».

Третья глава книги представляет попытку «имагологического» исследования того, как представители России воспринимали сербский и болгарский народы в условиях войны – местные военные и политические элиты, массы мобилизованных простых людей в экстремальных обстоятельствах военного времени, влияние войны на города и села Сербии и Болгарии. Ряд ценных наблюдений и суждений автора в этой главе в целом убеждают, что русские смогли получить обширный массив разнообразных впечатлений о поведении сербов и болгар в ситуации большого кризиса. Корреспонденции и другие публикации очевидцев Балканских войн донесли до российского общества множество примеров как героизма, так и жестокости и националистического эгоизма сербов и болгар. В силу психологических особенностей, первые – примеры мужества и альтруизма – воспринимались намного более охотно и благосклонно. Но и отталкивающие примеры, попадая на страницы российской печати, объективно способствовали расширению и обогащению этнографических представлений в России о балканских «родственниках» и преодолению связанных с этим идеалистических иллюзий.

Заключительная четвертая глава книги посвящена реакции российского общества на события быстротечной Второй балканской войны лета 1913 г. В целом она привела к росту разочарования и скепсиса российского общества в идеалах общеславянской солидарности. Несомненно, события 1912–1913 гг. добавили российскому обществу и сомнений в способности императорского правительства проводить эффективную политику на Балканах. Эти настроения еще не были твердо кристаллизованы, а вскоре и вовсе растворились в грандиозных и трагических событиях Первой мировой войны. Но все равно и они оказали влияние на подрыв престижа старого режима в России и стали очередной «пробой пера» цензурной оппозиции в попытке посягнуть на властные prerogatives императорской власти.

Автору книги удалось, капитально и творчески проработав обширные массивы источников, создать целостную и внутренне непротиворечивую картину разноаспектного восприятия российским обществом Балканских войн 1912–1913 гг. Пожалуй, самый главный вывод, который позволяет сделать книга Н.С. Гусева, заключается в том, что отличительными чертами этого восприятия были консерватизм и архаика представлений, наивность и идеализм вкупе с высокой инерционностью в осознании современных им реалий. Даже новые акторы общественно-политической жизни России – относительно свободная буржуазная пресса и либеральная парламентская оппозиция – оперировали во многом

архаическими геополитическими мотивами и страноведческими идеалами.

И общечеловечность, и государственное руководство России подошли к Балканским войнам с той иллюзией, что Российская империя сможет сохранить за собой роль равноудаленного и равно влиятельного арбитра и покровителя славянских народов Балканского полуострова и что это поможет ей использовать совокупный потенциал Сербии и Болгарии для решения грандиозных исторических задач как в случае общеевропейской войны, так и при окончательном решении вопроса о Константинополе и Проливах. И ни события Балканских войн, ни даже катастрофа Первой мировой не позволили полностью освободиться от этих иллюзий вплоть до самого момента революционного слома старорежимной имперской государственности.

В рецензиях полагается говорить и о недостатках научных работ. Имеются ли таковые в книге Н.С. Гусева? В рамках избранной автором темы и проблематики его исследование не имеет значимых изъянов; поставленные задачи решены подробно и убедительно. На данном этапе автор сознательно ограничил себя и отказался от работы с архивными материалами заинтересованных государственных ведомств Российской империи, в первую очередь дипломатического и военного. Поэтому сфера собственно государственной политики России в отношении Балканских войн 1912–1913 гг. фактически оказалась за рамками его внимания.

Н.С. Гусев наглядно показал, как было сформировано российское общество о событиях на Балканах, как воспринимало их и как местные правительства пытались воздействовать на него. Но избранный подход не позволяет в полной мере судить о том, как эти процессы и усилия отражались на сфере выработки и принятия дипломатических и военно-политических решений российского руководства. А ведь русские дипломаты и офицеры Генерального штаба, служившие на местах и в центральном аппарате своих ведомств, были органичной частью российского общества. Будучи лучше осведомлены о происходящем по служебным каналам, они все равно

испытывали воздействие того же самого информационного поля. И даже понимая заведомую тенденциозность тех или иных трактовок и призывов, они были рецепиентами тех же самых настроений, витавших в обществе.

Таким образом, следующая ступень изучения проблемы, на которую еще предстоит подняться исследователю темы о России и Балканских войнах, — показать, как публичная информация, настроения общества и государственная политика взаимно влияли друг на друга, в чем они сходились и различались; в какой мере военная элита и государственная бюрократия были подвержены информационным влияниям и как они сами пытались воздействовать на общественное мнение.

В целом книга Н.С. Гусева является неоспоримо ценным и значимым вкладом в отечественную и мировую историографию Балканских войн 1912–1913 гг. и истории отношений России со славянскими народами Балканского полуострова. Этот труд занял достойное место в доселе пустовавшей нише, и теперь ни один исследователь Балканских войн не сможет обойти его вниманием. Рецензируемая монография уже получила вполне заслуженное признание научного сообщества: помимо прочего, за эту книгу Н.С. Гусев был удостоен медали РАН для молодых ученых. Автор доказал, что он в состоянии решать крупные научные задачи. Как представляется, конечно, если это будет соответствовать его интересам, в дальнейшем он сможет написать первую в России обобщающую и фундаментальную историю Балканских войн 1912–1913 гг., в которой исследует все аспекты политики России в отношении этих конфликтов. Или, быть может, захочет двигаться вширь и исследовать восприятие Россией балканских славян в динамике более широкого временного отрезка, в контексте как спора о Македонии, так и других проблем. Но это вопрос будущего выбора, а на данном этапе Н.С. Гусев обогатил отечественную историографию значимым и фундаментальным трудом, и это уже является свершившимся фактом большого положительного значения.

Сведения об авторе

Каширин Василий Борисович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Information about the author

Kashirin Vasilij B.,
Ph D. (History),
Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Международный круглый стол «Актуальные проблемы македонистики и словенистики»

© 2022 г. Н.И. Кикило

Институт славяноведения Российской академии наук
Институт русского языка РУДН
(Москва, Российская Федерация)

kikilo@bitandpin.com

Ссылка для цитирования: *Кикило Н.И.* Международный круглый стол «Актуальные проблемы македонистики и словенистики» // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 150–153. DOI: 10.31857/S0869544X0022054-2.

International Roundtable Conference «Actual Problems of Macedonian and Slovenian Studies»

© 2022. Natalia I. Kikilo

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
Institute of Russian Language RUDN
(Moscow, Russian Federation)

kikilo@bitandpin.com

Reference for citation: *Kikilo Natalia I.* International Roundtable Conference «Actual Problems of Macedonian and Slovenian Studies» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 5. P. 50–153. DOI: 10.31857/S0869544X0022054-2.

15 апреля 2022 г. на платформе *Zoom* состоялось заседание международного круглого стола «Актуальные проблемы македонистики и словенистики», организатором которого выступила кафедра славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Поводом для большой встречи стало празднование юбилеев Ольги Сергеевны Плотниковой, Аллы Геннадьевны Шешкен и Надежды Николаевны Стариковой, которые на протяжении многих лет преподают на кафедре славянской филологии.

С приветственным словом на открытии круглого стола выступил и.о. декана филологического факультета МГУ Андрей Александрович Липгарт. В своей речи он обратился к истории возникновения специальностей македонистики и словенистики на филологическом факультете и подчеркнул выдающиеся заслуги юбиляра О.С. Плотниковой, которая инициировала преподавание словенского языка на кафедре славянской филологии, а также Р.П. Усиковой, стоявшей у истоков преподавания македонского языка. Позднее на кафедре славянской филологии было организовано чтение курсов истории македонской и словенской литератур, которые сегодня ведут А.Г. Шешкен и Н.Н. Старикова. А.А. Липгарт отметил также, что о широком признании многолетней успешной деятельности

юбиляров в научной и образовательной сфере свидетельствует само число российских и зарубежных участников круглого стола.

С поздравлениями от имени кафедры славянской филологии выступила зав. кафедрой Наталия Евгеньевна Ананьева, которая рассказала о преподавательском и научном пути юбиляров. О.С. Плотникова с 1972 г. начала преподавать словенский язык на кафедре славянской филологии, а в 1976 г. под руководством С.Б. Бернштейна успешно защитила кандидатскую диссертацию «Способы глагольного видообразования и некоторые особенности функционирования видов в современном словенском языке». Научные интересы О.С. Плотниковой включают в себя темы по истории словенского языка, словенской диалектологии, истории литературного языка, грамматике современного словенского языка, сопоставительной аспектологии. Она, помимо практических занятий, ведет также все теоретические лингвистические курсы: история и диалектология словенского языка, современная грамматика, словенская лексикография.

А.Г. Шешкен закончила направление сербскохорватистики в Белградском университете и, поступив в аспирантуру филологического факультета МГУ, защитила кандидатскую диссертацию «Творчество М. Шолохова и литература Югославии», в которой рассматривались связи русской литературы и литератур Югославии. Ее докторская диссертация «Македонская литература XX века. Особенности формирования и развития» была посвящена этапам формирования македонской литературы, которая становится основной ее специальностью. Помимо курсов и спецкурсов, относящихся к македонистике, она читает лекции по белорусской литературе, курсы по сравнительному литературоведению. Также она руководит научно-исследовательской лабораторией «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ, является ведущим научным сотрудником Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, имеет звание академика Македонской академии наук.

Н.Н. Старикова получила образование на кафедре славянской филологии по специальности словенистика и, закончив аспирантуру в Институте славяноведения РАН, защитила кандидатскую диссертацию «Словенский исторический роман 1970-х годов». С 1994 г. она преподает на кафедре славянской филологии все предметы и спецкурсы, связанные со словенской литературой, а также читает лекционные курсы по истории и культуре Словении. В 2007 г. ею была защищена докторская диссертация «Типология словенской исторической прозы: роман 1920–1930-х годов». Н.Н. Старикова является многогранным специалистом и выступает как автор академических изданий, редактор и переводчик. Она совмещает преподавательскую деятельность с должностью зав. Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

Программа круглого стола включала пленарное и секционные заседания (секции: «Литературоведение» и «Языкознание, культурология, перевод»). На пленарном заседании первым прозвучал доклад О.С. Плотниковой (МГУ им. М.В. Ломоносова), в котором были выделены общее и различное в представлении концепта времени на материале словенского и русского языков. В выступлении А.Г. Шешкен (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСл РАН) рассказывалось о том, как пробуждался интерес российских и позднее советских лингвистов, литературоведов и культурологов к изучению проблем формирования македонского народа как нации, развития македонского языка и его диалектов, к исследованию нового литературного пространства, созданного на недавно кодифицированном македонском языке. В докладе представлена новая монография автора «Македонская литература XX – начала XXI в. Очерки истории» (2022), в которой поэтапно описывается процесс становления национальной словесности македонского народа в историко-культурном контексте. В следующем докладе Н.Н. Старикова (ИСл РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова) рассказала об академических изданиях последних лет, в подготовке которых она участвовала как автор, редактор и переводчик. Монографии «Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX вв.» (2010), «Словенская литература XX века» (2014), «Литература в социокультурном пространстве независимой Словении» (2018) дают комплексное представление о парадигме литературного развития Словении. Представленные труды создают актуальную и солидную учебную платформу для студентов-славистов, изучающих базовые литературоведческие дисциплины. В. Митевский (Македонская академия наук и искусств, Северная Македония) представил доклад о следах социального явления авункулата в византийской и македонской эпической поэзии, которые прослеживаются в отношениях между главным героем и его младшим соратником. Завершило пленарное заседание выступление Н. Субиотто (Люблянский ун-т, Словения) о проблемах перевода на словенский язык стихотворных произведений поэта и кодификатора Блаже Конеского, в которых отражаются национальные концепты македонского народа.

Секция «Литературоведение» включала 13 докладов российских и зарубежных участников. М. Якимовская-Тошич (Ин-т македонской литературы, Северная Македония) посвятила выступление исследованиям А.Г. Шешкен, представленным на Международном семинаре македонского

языка, литературы и культуры, который является главным ежегодным научным событием для македонистов. Г.В. Смилевский (Ин-т македонской литературы, Северная Македония) также рассматривал вклад А.Г. Шешкен в изучение творчества Б. Конеского в компаративном аспекте русско-македонских культурных связей. Русско-словенские культурные связи и пересечение культурных кодов, репрезентированные через призму современных переводов поэзии М.Ю. Лермонтова на словенский язык, нашли отражение в докладе Ю.А. Созиной (ИСл РАН). Т.И. Чепелевская (ИСл РАН) описала научный путь и заслуги академических ученых-словенистов М.И. Рыжовой и Е.И. Рябовой. А.Н. Красовец (ИСл РАН) посвятила доклад русским переводам книг представителя Люблянской школы психоанализа Младена Долара, детально проанализировав трансформацию классической фигуры стяжателя в тривиальный образ современного потребителя в его монографии «О скупости». В. Мойсцова-Чепишевская (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье, Северная Македония) подняла тему изменений стереотипов в жанре сказки на примерах произведений современной македонской детской литературы, в которых переосмысляются классические сказочные образы, прослеживается новый взгляд на социальные нормы, семейные связи и восприятие гендера. И. Тасевская Хаджи-Бошкова (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье, Северная Македония) сконцентрировала внимание на значении традиции славянских литератур для развития национальной литературы Македонии. Оживленную дискуссию вызвал доклад А. Банович-Марковской (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье), в котором рассматривалась психология телесности и проблема восприятия людьми собственного тела на материале сборника рассказов хорватской писательницы С. Дракулич «Невидимая женщина» («*Nevidljiva žena*»). Выступление Е.В. Шатко (ИСл РАН) было посвящено боснийско-словенским культурным связям после распада СФРЮ, а также современному творчеству боснийских эмигрантов, проживающих в Словении и других странах. И. Антоновский (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье) описал развитие македонской литературы после 2000-х годов, констатируя постепенный отход авторов от поэтики постмодернизма. О проекте издания серии «Сто славянских романов» рассказала Е.В. Сагалович (ИСл РАН), она остановилась на критериях отбора произведений современных македонских, сербских, словенских авторов и особенностях их переводов на русский язык. В завершении секции прозвучали доклады Т.А. Кленовой и П.Д. Гавриловой (МГУ им. М.В. Ломоносова), в которых были проанализированы образ города Скопье в романе Д. Солева «Под раскаленным небом» («*Подусветеност*») и символика снов в романах П.М. Андреевского.

Секция «Языкознание, культурология, перевод» состояла из 14 докладов. Проблемам перевода посвятил выступление М. Каранфиловский (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье), рассмотрев новые переводы поэзии Б. Конеского, сделанные выпускницей кафедры славянской филологии, известным переводчиком македонской литературы О. Панькиной. Л. Тантуровская (Ин-т македонского языка им. К. Мисиркова) выборочно проанализировала переводческие решения в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (перевод на македонский Т. Урошевич) с точки зрения литературной нормы македонского языка и отступлений от нее. Д. Пандев (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье) исследовал понятие нового биографизма, определяя, насколько те или иные события в биографии культурного деятеля, будь то писатель или ученый, могли повлиять и определить развитие его идей. М. Цветановская (Ин-т македонской литературы при УКИМ) посвятила доклад культурно-историческим связям российских и македонских деятелей культуры XIX в. Лексико-грамматические различия между македонским и болгарским литературными языками исследовала Х. Андоновская (Ин-т македонского языка им. К. Мисиркова), используя материал стандартизированных документов по проведению процесса евроинтеграции. Сопоставительный аспект присутствовал также в докладе Е.В. Верижниковой (МГУ им. М.В. Ломоносова), в котором обсуждалась системная организация единиц в лексико-семантическом поле зоонимов и специфика их грамматического и природного рода в македонском языке с привлечением данных русского языка. Исследования из области фразеологии были представлены несколькими сообщениями: докладом Л. Макариоской и Б. Павлеской-Георгиевской (Ин-т македонского языка им. К. Мисиркова) «Фразеология в прозе Траяна Петровского», в котором прослеживаются авторские структурные модификации фразем для достижения экспрессивности повествования; докладом Я. Деловой-Силянковой (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье) «Тело как мера вещей во фразеологии», в сравнительном аспекте представляющим соматические фразеологизмы в русском, македонском и чешском языках; К. Велянская и Б. Мирчевская-Бошева (Ун-т им. свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье) рассмотрели македонские и русские фраземы, обозначающие положительную характеристику человека и содержащие зооним как компонент структуры. В докладе В.Т. Лаброской и К.А. Трайковой (Ин-т македонского языка им. К. Мисиркова) рассказывается об истории названий украшений для рук в македонском языке. Цветообозначению в балканском ареале и конкретно названиям

пестрого в македонском языке посвятила доклад А.И. Чиварзина (ИСл РАН). М.М. Громова (МГУ им. М.В. Ломоносова) показала инновации в порядке сентенциальных клитик на примере словенских каринтийских памятников XVIII в. «*Duhovna bramba*» и «*Kolomonov žegen*». Секция завершилась докладом Н.И. Кикило (ИСл РАН) о результатах полевого исследования переселенческих штокавских диалектов Албании (области Дуррес и Мюзекея), проведенного под руководством М.М. Макареца (ИСл РАН).

Подводя итоги конференции, модераторы с радостью отметили широкое тематическое поле заслушанных докладов, которые вызвали новые дискуссии среди коллег-славистов.

Часть материалов круглого стола уже опубликована в научном журнале филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «*Stephanos*». 2022. № 3 (53).

Сведения об авторе

Кикило Наталья Игоревна,
научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук / ассистент
Института русского языка РУДН.
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2151-6634
E-mail: kikilo@bitandpin.com.

Information about the author

Kikilo Natalia Igorevna,
research fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences. / assistant,
Institute of Russian Language, RUDN University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-0820-3238.
E-mail: kikilo@bitandpin.com.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).